

**РИТА
АДЛЕР**



**РАЗВОД
ДРУГАЯ СЕМЬЯ**

— Разводимся. И точка, — чеканит ненавистный муж, нависая надо мной.

— Ты изменил. Предал. А теперь меня выставляешь виноватой? — шепчу, прижимая ладони к груди. — Я ненавижу тебя!

Муж цинично ухмыляется.

— Я забираю сына.

— Ты не можешь отнять у меня моего Сашу.

— Могу! Ты теперь нищая! Одинокая. Брошенка! — улыбается нагло. — Мальчику будет хорошо в моей новой семье. — В глазах мужа вспыхивает пламя мести.

— За что?..

— Догадайся сама. Кстати, чтобы к утру тебя не было в моем доме!

Глава 1

— Глеб, солнышко. Вылетаем в Дубай сегодня? — щебечет по телефону Инесса — моя самая большая ошибка. Любовница.

— Нет, — выдыхаю судорожно. — У меня другие планы.

— Зачем так хамить, Зая. Я уже новое белье купила и купальник. Закачаешься! Если откажешься, поеду с мужем. Или найду кого-нибудь поинтереснее, помоложе, поговорчивее, — шантажирует молодая любовница.

— Успокойся ты. Проведи эти выходные с дочерью. А у меня сын приболел, поэтому я должен остаться дома. Иначе Алевтина заподозрит неладное.

— Ой! Чем ты можешь помочь сыну? У него няньки, мамки, прислуга. На черта ты ему сдался? За ручку собрался держать семилетнего мальчишку? Девку из него растишь?

— Нет! — рявкаю грубо. И мои мысли резко перескакивают на сына. Я действительно намерен держать его за руку все выходные.

Как бы я не относился к его матери — Алевтине. Ненавидел. Любил. Презирал. Ревновал. Сын для меня остается сыном. Моя кровинушка. Наследник.

— Слушай, Глеб! Я свою пятилетнюю дочь оставляю, а ты не можешь взрослого пацана бросить? — давит на меня дочь партнера по бизнесу. — Тебе же нужен отдых. Ну давай, решайся! — канючит. — Или мне одной лететь? — провоцирует на решительность.

И в этот решающий момент на телефон прилетают несколько интимных фото.

— Стерва! — провожу пальцами по аппетитной груди на экране. И вождление моментально отключает мозг.

В конце концов, она права. Возле Сашки сейчас крутится весь врачебный бомонд нашего города. Лучший педиатр страны ночует рядом с его кроватью.

На черта я ему? Он почти всё время спит, мы даже не общаемся как раньше. Не играем в игры. Даже на настольные у него не хватает силенок.

Мне совсем не интересно сидеть рядом, читать сказки. Утомляет.

А ещё чувствую злость. Как так вышло, что наследник заболел.

Явно Алька виновата!

Я никогда на здоровье не жаловался. Это она родилась слабой!

Стерва. Во всём виновата. Она меня сделала таким.

Ладно в жизни, она и в сексе меня во всё ограничивает. Дошло до того, что я упрашиваю её. Не она бегаёт за мной, как все нормальные бабы. А я умоляю её, отслеживая дни, когда у нее нет ПМС или головной боли.

Испытываю жесткий приступ гнева.

Если бы не бредил ее именем с самой молодости, давно бы разорвал этот удушающий брак. Я уже придумал схему, как оставить ее голой, отомстить за свои унижения.

Сын станет наследником всего. А она подписала контракт, который даже не прочитала. Наивная дуреха.

Прикрываю глаза, и вижу перед собой ту самую Алю. Молодую. Красивую. Нежную.

Не знал я тогда, что это милое создание сломает меня. Сделает из меня Дьявола.

Как же мне не хватает той девочки. Нервно веду плечами, выбивая из себя ее образ.

Хватит сентиментальности. Баста. Алевтина не заслуживает прощения!

Понимаю, что только хороший секс, виски и море смогу выдернуть из этого домашнего

ада, заgrimированного под ад.

Тянусь рукой за синими джинсами, лежащими одиноко на кресле.

Наспех надеваю, и иду к шкафу, за футболкой и курткой.

Спустя пять минут спускаюсь на первый этаж, где меня отлавливает жена.

— Глеб, куда собрался? — смотрит презрительно. «Сверху вниз». Она умеет. Всю жизнь тренировалась.

— На объект. В Сочи. Позвонили, сказали, что привезли некачественный бетон. Ребята и прораб не знают, что делать. Сроки поджимают.

— Прямо сейчас полетишь? Больше некому?

Молчу. Сверлю жену недовольным взглядом в ответ.

— В нашей компании сотни прорабов и менеджеров. Когда твой ребенок болен... — прожигает меня пронзительным взглядом серых глаз.

— Алевтина, — мой голос срывается. — Рядом с Сашкой лучшие доктора. Я ему не нужен! Какая от меня помощь?

— Правильно. Кому-то ты нужнее, чем ребенку.

— Прекрати! Я еду на работу, — делаю шаг вперед и хватаю Алю за запястье. Сжимаю так, чтобы она взвизгнула. Но стерва молчи, сжимая губы.

Только две слезинки скатываются по ее щеке.

— Глеб! — слышу голос няни за своей спиной. — Сашенька очнулся. Жар спал. Малыш зовет вас...

Бросаю недовольный взгляд на часы...

— Конечно, поезжай, — глухой голос Али доносится до моего слуха. — Саша поймет, что эта встреча важнее, чем он...

Глава 2

Алевтина

— Вот и поеду! — муж бросает еще один тревожный взгляд наверх, и прикусив губу, принимает решение.

Похоже, не в пользу сына. Потому что в следующее мгновение Глеб разворачивается и идет на выход.

— Серьезно? — теряюсь от подобной дерзости. Конечно, Глеб Петрович, если ваша встреча так важна.

Смотрю на мужа бесконечно осуждающим взглядом.

Неожиданно Глеб делает прыжок и в две секунды достигает меня. Хватает за плечи и начинает трясти.

Беспомощно оглядываюсь по сторонам. Проходящая мимо нянечка скользит по мне виноватым взглядом. Будто заранее винится, что не может помочь.

Крикнуть вглубь дома «Помогите»? Бесспорно прибегут все, кто есть в доме. Но мне это точно не поможет. Никто не бросится защищать, едва поймет в чем дело. Только испугаю проснувшегося сына.

В глазах домочадцев Глеб — влиятельный бизнесмен, а я — его безработная жена. Никто их посторонних не знает правду. О том, как Глеб стал таким всемогущим, а я простушкой женой.

Никто не посмеет связаться с ним.

Даже я в последнее время побаиваюсь его.

— Как же ты меня достала! — рычит глухо.

— Дорогой, у тебя что-то случилось? — спрашиваю сиплым от волнения голосом.

— Вечно у тебя я во всем виноват! — продолжает рычать супруг. — вечно я тебе что-то должен. Должен. Должен. Мы с тобой давно в расчете.

— Объясни, что случилось? — умаляю мужа сквозь слезы.

— Когда меня не станет, на кого будешь сваливать вину? — шипит мне в губы. Гнет свою линию, продолжая оставаться на своей волне.

— Тебя не станет?.. Глеб, у тебя проблемы со здоровьем?

— А тебе бы хотелось, чтобы я сдох? Угадал?

— Прекрати, — пытаюсь вырваться из мощного захвата крепких мужских ручищ.

— Я не уйду, если хорошо попросишь, — неожиданно уступает супруг. — Давай прямо сейчас поднимемся в нашу комнату, — его взгляд шарится у меня на груди.

— Что? Как ты можешь? У нашего сына только что спал жар, и он зовет не меня, а тебя! Ты его самый любимый на свете человек. Ты! — захлебываюсь в слезах.

О боги! Как же я не хотела плакать. Показывать перед этим жестоким человеком свою слабость. А теперь он знает, что я уязвима.

Пускай думает, что я слабая. Лишь бы удержать его рядом с сыном.

Цепляюсь за единственный шанс.

Протягиваю дрожащие руки и поправляю толстую цепь на здоровенной шее мужа.

— Или сначала в спальню... или я уйду. Аленькая, только тебе решать, — выдавливает жестоко муж.

Его слова оскорбляют меня как женщину, как мать.

В висках гулко стучит кровь. Сердце колотится в груди как сумасшедшее.

— Как хочешь! — разворачивается. Идет на выход.

Сглатываю слезы. Гляжу с ужасом, как высокая фигура мужа резко рвет на себя дверь.

Вхожу в полный ступор, когда он делает широкий шаг, и легко преодолевает порог дома.

Оборачивается. Бросает на меня тяжелый взгляд.

Отвечаю тем же. Прожигаю его смертельно обиженным взглядом.

— Если уйдешь сейчас, никогда не прощу! — шепчу сквозь зубы.

Глеб закрывает за собой дверь. И через мгновение слышу, как трогается с места автомобиль.

Вздрагиваю. Поверить не могу, что наш разговор закончился его уходом.

— Алевтина, Саша зовёт папу, — слышу где-то над ухом озабоченный голос няни.

От страха за ребенка во мне включаются все резервы. Вскрываю с лестницы, срываясь с места, вылетаю на улицу. Бегу к автомобилю мужа.

Запыхавшись, тараню переднюю дверцу авто, которое пытается выехать из ворот дома.

Водительское стекло медленно спускается. Вижу загорелую руку и дорогие часы на запястье.

— Передумала?

Становится нечем дышать. Открываю рот, чтобы сделать глоток и ответить.

Давлюсь воздухом, который хотела вдохнуть. Кашляю.

Аля

— Сын зовет тебя. Поднимись, пожалуйста.

Кривая ухмылка супруга злит меня, но стараюсь скрыть свой негативный настрой. Глеб не должен знать, что внутри меня стальной стержень. Пусть думает, что я уступила. Сломалась.

— Передумала, — шепчу, сжимая зубы. И в этот момент внутри меня всё сжимается.

Бесполезно сейчас объясняться с Шиловым. Он настроен воинственно и отстаивает свое право на меня.

Тогда как меня интересует только ребенок и его здоровье.

— Ладно, — Глеб выходит из машины. Окидывает меня недоверчивым взглядом.

И я трясусь. Но не от страха, а от гнева. Если Шилов получит свой секс, тогда оставит меня в покое на неделю. Снова исчезнет из дома. Укатит на моря с очередной любовницей. Я же знаю от его помощницы, что в эти выходные у него была запланирована подобная вылазка. Это он мне лапшу на уши вешает, что надо проверить объекты.

Понимаю, если супруг исчезнет из моей жизни хоть на неделю, то я буду счастлива. Лишь бы не ощущать на себе его плотоядные взгляды по утрам, и укорительные по вечерам.

Я бы сегодня развелась. Нет больше сил терпеть эту бесконечную боль после общения с ним. Но дурацкий контракт удерживает меня рядом с неверным супругом.

И мысли о Саше. Сын не выдержит долгой разлуки с отцом.

А я не хочу, не желаю ломать его детскую психику.

В какой-то момент твердая рука супруга хватает меня за талию и ведет по лестнице вверх.

Отрубаясь ментально. Не хочу знать, что будет дальше. Не желаю видеть свое унижение. Не желаю чувствовать эмоции, которые губят мою решимость.

Глеб толкает мощную дверь, за которой нас ждет Сашенька. И в следующий момент оказываемся в полутемной комнате.

Саша сидит на постели, опираясь о подушки спиной, вполоборота к распахнутой двери, в которую входим мы.

— Па-па! — кричит громко.

И адская боль пронзает мое материнское сердце. Сын два дня был полубессознательном состоянии из-за температуры и жара. Не видел ни меня, ни отца. Но сейчас он упоминает лишь отца.

И в этом виноват Глеб!

За три дня до болезни сына, я сообщила ему, что мы уезжаем на месяц в Сочи. Конечно же одни, без отца семейства. Саша был категорически против. Плакал, закатывал истерики. Но я оставалась непреклонна. Тогда мой умный ребенок умыкнул из холодильника килограмм мороженого и ночью съел его. Под утро няня проснулась и обнаружила, что у ребенка жар.

Ночная няня была моментально уволена. И на ее место заступила новая — молодая. Настя. Пышногрудая блондинка с медицинским образованием.

Сынок громко смеется и тянет крепкие загорелые руки к отцу.

— Сокровище моё! — мощная фигура мужа приближается быстро к кровати. — Сын!

Нельзя делать так, как ты сделал. Нельзя шантажировать взрослых, рискуя своим здоровьем. Ты же знаешь, что ты — наш свет. Ты — наше всё. Без тебя мы с мамой умрём!

— Не верю, — мой голубоглазый мальчик, крепыш, копия своего отца, громко смеется.

А затем заливается лающим кашлем.

— Всё- всё. Не разговаривай, — муж гладит темно-русую голову наследника.

А я ревную. Схожу с ума.

Виноват во всем Шилов, а Александр обвиняет меня! Свою любящую мать. Перебирая нервно подол платья.

— Саша, ты спи. Мы с мамой дома. Чуть позже придем к тебе, вместе посмотрим мультики.

— Ура! — хрипит сын.

Делаю два шага к детской кровати, чтобы погладить малыша по голове, поцеловать в теплую щеку. Но Саша предусмотрительно закрывает глаза и переворачивается на левый бок, показывая мне, что он не рад моему присутствию.

О боги! Чем я вас прогневала? Чем?

Муж дергает меня за руку, и в кожу впиваются сотни иголок.

Упираюсь глазами в грубую ухмылку Шилова.

Голубые неоновые глаза супруга сжигают мою душу дотла, раздевают меня. Ощупывают мое тело. Грубо спускают на землю с небес. Всё жестко и без прелюдий. Понятно без слов.

Глеб требует расплату.

Руки леденеют от холода, часто дышу.

Глотаю горячий воздух, пока крупная фигура супруга тащит меня через весь этаж в нашу супружескую комнату... в которой мы оба не спим уже много месяцев.

Глеб бросает меня на кровать, и сам нависает надо мной. Хочу послать его к черту, но исходящий от него поток злости сносит. От мужчины исходит угроза как от дикого животного. И я понимаю, что перечить сейчас, станет себе дороже. Попробовать поговорить тоже бессмысленно.

Глеб — сгусток животных инстинктов.

— Аленькая, — горячие пальцы оглаживают мое лицо. — Ты меня совсем не хочешь! Как так? Я же твой муж.

— Тебе есть с кем спать! — выплевываю слова в красивое лицо мужчины, будто вылепленное скульптором — виртуозом.

— Жenuшка, в твоих глазах презрение. Мне это не нравится. Потому что я хочу и буду спать со своей женой! Если хочешь сохранить нормальную семью, будь добра, подчиняйся правилам.

— Твоим? — выдыхаю с презрением, отворачивая лицо, чтобы Глеб не зацепил мои губы своими.

Противно.

Шилов целовал своим ртом все своих женщин. А теперь лезет ко мне!

Ненавижу! Презираю предателя. Изменщика.

— Алевтина, не выводи меня из себя, — крупные ладони супруга гладят мои бедра.

— Смирись с моим существованием. Поступи правильно — перестань сопротивляться!

Поверить не могу! Моё тело предаёт меня в самый неподходящий момент...

Глава 4

Алевтина

— Расслабься, — командую строгим голосом, испепеляя Алевтину глазами. И сними эту дурацкую резинку, — резким движением стягиваю серую резинку с волос жены. Каштановые волосы рассыпаются по плечам, и я зарываюсь в них носом.

Пахнут обалденно. Как всегда, меня заводит обнюхивать Алькины волосы. Но в последнее время крайне редко удается приблизиться к жене так близко, чтобы вдохнуть ее аромат.

Немного жаль, что Алевтина малость запустила себя за последнее время.

Конечно, она не поправилась и хороша даже без косметики, и дорогих костюмов. Но в домашней одежде жена кажется простушкой.

Безумно жалко её. Не повезло ей ни с отцом, который не дал выйти за любимого парня. Ни с мужем, который мстит за всё. Пытается выпить из нее все соки, лишь бы почувствовать, что месть удалась.

Алевтина как маленький выброшенный из дома кутенок, которого подобрал и пригрел у себя за пазухой хозяин — живодер...

Хотел бы я защитить жену от такого мерзавца, набросившись на него, располосовать ему рожу. Но как я смогу оградить ее от себя?

Подать на развод.

Забрать Сашку.

И уйти...

Вот это будет самая крутая месть на свете! Разорвать ее сердце включья, тогда она поймет, что я чувствую все эти годы.

— Аля, иди ко мне! — подливаю в голос нежности.

Но она продолжает меня отталкивать.

Злюсь, но не психую.

Я ревнивый. Собственник. Хищник. Охотник. Иногда бываю очень жестоким и бессердечным. Это не моя вина! Окружающий мир, люди сделали меня таким, заставив ожесточиться.

Никогда раньше не повышал на жену голос. Даже когда Алевтина выводила меня из себя назойливой любовью или излишней чистоплотностью, граничащей с патологией.

До тех пор, пока она не отказала мне в сексе.

С этого момента монстру внутри меня сорвало крышу.

— Глеб, пожалуйста... — нежный голос Аленькой тревожит мне душу и нервы. — Не надо. Езжай к своей любовнице. Оставь меня в покое. Я не хочу заниматься с тобой любовью... после неё!

— Хм! Называешь меня использованным? Я тоже взял тебя не девочкой... после него!

— Прекрати! — с отчаяньем смотрит на меня, и по загорелой щеке стекает слезинка.

— Ты сейчас такая невинная и милая. Пытаешься манипулировать мною? Заставляешь снова и снова считать себя монстром? Тварью. Виновной во всем, что с нами случилось?! — сильнее вжимаюсь в жену.

Гнев и злость, ее нежелание спать со мной, только распаляют мое сумасшедшее желание.

— Ненавижу, когда ты так смотришь. Прекрати, — цежу сквозь зубы. И поцелуями жалю ее шею и ключицы.

Аля извивается подо мной, и я чувствую, что в воздухе пахнет ее вождением. Оно имеет особый запах.

Прижимаюсь плотнее, и ощущаю напряженное женское тело каждой клеточкой своего.

— Расслабься!

Отдал бы всё на свете, чтобы не было между нами этой тяжелой атмосферы. Чтобы подо мной было податливое тело жены, а не вот это вот бревно.

— Пусти... — жалко скулит Аля. — Не трогай меня. После твоих любовниц... я не хочу. Ты же можешь заразить.

— Совсем ку-ку? Я предохраняюсь.

— Не хочу знать подробности, — плачет жалостливо так.

— Не плачь и губы не кусай. С красными зареванными глазами и опухшими губами, ты не такая красивая...

— Вот именно! Я некрасивая. Уходи к своим красивым! — захлебывается в слезах Алька.

Гадство. Я бы отдал многое, чтобы вернуть прошлое. И не было того дня, когда всё сломалось и пошло не так.

В глубине зачерствевшей души просыпается чувство, которое молодые парни зовут «любовью». Но я уже знаю, что это болезнь.

Моментально душу его...

Глажу жену по голове. Ее волосы мягкие и шелковистые на ощупь.

Жена поднимает на меня серые блестящие от слез глаза и долго смотрит.

— Шилов, давай разведемся...

— Милая, ты останешься без ребенка и с голой пятой точкой.

— Мерзавец! — бьет меня в грудь. — Ты обманным путем присвоил бизнес моего отца. Двуличный гад! Мне плевать на твои решения. Я украду у тебя Сашу и сбегу, — Алька набрасывается на меня. Кусает, царапает.

— От тебя так вкусно пахнет агрессией... — вцепляюсь в грудь жены губами. Припечатываю к полу, задираю платье и плотнее вжимаюсь, жадно сжимая упругие бедра...

Алевтина

— Глеб пусти! — со всей дури хватаю густые русые волосы мужа, натягиваю их на себя. Но он не отступает.

К своему сожалению, понимаю, что плохо сопротивляюсь. Не по-настоящему, и он это чувствует. Поэтому продолжает начатое дело...

Если бы я захотела оттолкнуть его, то дала бы вазой или телефоном по голове. Или позвала охрану.

Но я так жестко не умею. И не хочу выставлять чувства напоказ. Прекрасно понимаю, что люди в доме — все сплошь и рядом работают на мужа, не на меня. Все переметнулись на его сторону, едва узнали, что я переписала на него основной пакет акций. Дурочка! Хотела доказать, что люблю. И между нами полное доверие.

Сразу после этого Глеб изменился на сто восемьдесят градусов.

— Пусти, — шепчу, констатируя, что теряю последнюю деталь нижнего белья.

Так сильно ещё никогда не хотела мужа. Так сильно давно не возбуждалась.

Вся эта ярость, непонятное подвешенное состояние в наших отношениях, которые убивают настроение, делают меня слабой, сейчас действуют по-другому. Придают перчинки этому странному горячему сексу.

Меня будто греет, что супруг выбрал секс со мной, не поехал к другим женщинам.

К любовнице.

Или к той... к другой жене...

Яростно оцарапываю спину возлюбленного. Издаю очень громкий неприличный стон. Приоткрываю глаза и смотрю на искаженное вождением лицо супруга.

Оно сейчас совсем некрасивое. Даже наоборот, пугающее. Отталкивающее.

Но я сильнее впиваюсь пальцами в голые мощные плечи супруга, и... отталкиваю его со словами.

— Ну хватит!

Глеб издает что-то нечленораздельное и скатывается с меня, располагается рядом на кровати.

— Это было круто. Да? — поглаживает меня по бедру.

Молча сажусь на кровати, опираюсь спиной об высокую спинку. Аккуратно и внимательноправляю на себе измятое платье, застегиваю пуговички на груди. Те, что остались. В порыве супруг оторвал две штуки, когда пытался жестко раздеть.

Из глаз снова катятся слезы.

— Так понравилось, что ты рыдаешь? — интересуется нагло Глеб.

— Шилов, что с тобой не так? — спрашиваю измученным голосом. — Почему ты считаешь, что как мужик такой офигенный? Честно? На троечку. Это твои девки готовы визжать, и ставить тебе десятку. А я как опытная женщина... — не успеваю договорить.

Муж резко поднимается с кровати и оказывается рядом с моим лицом.

Замахивается.

— Только попробуй... — шепчу дрожащим голосом.

Останавливается. Цепенеет. В ужасе глядит на свою руку. Взгляд такой, будто не понимает, что сейчас произошло или наоборот не произошло.

— С ним тебе было лучше да? — выдавливая яростно, сжимая пальцами обеих рук мои ключицы.

Ощущение складывается такое, что сейчас он сломает их. У меня тонкая кость. И мне уже кажется, что она хрустит.

— Это ты изменяешь мне. Трахаешься налево-направо. А потом возвращаешься домой, и раскладываешь меня где попало как шлюху. Чтобы потом обвинить во всех смертных грехах. Я ни в чем перед тобой не виновата! Ну случилось так, что ты у меня второй, а не первый. Мы не можем изменить этого!

— Я никого не трахал, пока ты не обвинила меня в этом! — рычит Глеб.

Поднимаясь на ноги, чуть качаюсь. Спрыгиваю с кровати. И покачиваясь иду к окну. Вглядываюсь в пожелтевшие листья деревьев за окном.

— Кажется, это наша с тобой последняя осень...

— Прекрати нагонять меланхолию, — рывкает муж и через секунду оказывается за моей спиной.

Медленно разворачиваюсь, и глядя в его наглые глаза шепчу:

— Я всё знаю.

— Об Инессе? Могу бросить, если попросишь хорошо...

Глеб делает мне очень больно. Душа болит так сильно, что нет сил даже плакать и сопротивляться тому, что с нами сейчас происходит.

— Нет. Я всё знаю о твоей другой семье... — выдавливаю признание, которое готовилась произнести уже сотню раз и не решалась.

— Что?.. — супруг отшатывается от меня. Глядит с ненавистью.

— Скажи, что это неправда! — внезапно повышаю голос.

— Не лезь в это! — цедит зло, отталкивает.

Поднимает одежду и исчезает с ней в ванной.

— Я уехал. Мне здесь не рады! — бурчит себе под нос, появляясь в комнате спустя пять долгих минут.

— Так и уйдешь, ничего не ответив? — спрашиваю, как можно мягче, чтобы не раздражать его.

Не глядя на меня, разъяренный Шилов идёт на выход. Через мгновение дверь закрывается с громким хлопком, и я остаюсь абсолютно одна.

Брошенная. Ненужная.

Вздыхаю, думая о том, правильно ли я поступила, что задала наконец-то вопрос, который разъедал меня ржавчиной уже несколько месяцев.

Слышу, как автомобиль выезжает за ворота, мягко шурша гравием.

Рыдая, сползаю по гладкой стенке на теплый пол.

— Ты нужен мне и нашему сыну, — шепчу, захлебываясь слезами.

Глеб

После замечательного секса настроение взлетает ввысь. Надеюсь, Алевтина соскучилась по родному мужу, оценила старания?

Но Алька всё портит, как всегда. Куксится. Не благодарит. Не целует. Встает и идет к окну.

— Я всё знаю, — говорит и обреченно глядит на меня.

— Что. Ты. Знаешь?

Умеет же стерва испортить настроение. Как ей это удастся?

Поднимаюсь, нехотя подхожу к супруге. Она сейчас такая красивая, удовлетворенная, но у меня не возникает ни малейшего желания поцеловать ее в чуть припухшие губы, которые она продолжает нервно кусать.

Чувствую такую адскую злобу на супругу, что хочется реально положить ее красивое тело поперек своих колен и хорошенько приложиться ремнем к ее шикарной попе.

К сожалению, практики БДСМ мы не практикуем, а за то, что ударил сам себя никогда не прощу.

Хватаю подбородок супруги двумя пальцами и резко поднимаю ее лицо на себя:

— О чём ты можешь знать? Ты же дома безвылазно сидишь. Спряталась за ребенка и домашние хлопоты, никуда не выходишь. Когда в фитнес-клубе была в последний раз?

— Зачем? Я соблюдаю диету. У меня нет лишнего веса, — спорит со мной. И с сомнением осматривает свою худую фигуру.

— В том-то и дело, что ты так сильно исхудала, что пора начать набирать мышечную массу! — давлю на жену.

— Мы говорили не о моем весе, — тихий шепот Алевтины въедается мне в мозг, сверлит его. А серые глаза глядят на меня с таким презрением, будто я мусор.

— Понял. Речь об Инессе? Могу бросить, если попросишь хорошо... — усмехаюсь.

— Глеб, ты делаешь мне очень больно, — супруга театрально бьет себя в грудь.

— Значит, ты знаешь, каково это, когда здесь болит?..

Именно так, Аленькая, чувствуют себя люди, у которых из груди вырвали сердце с мясом.

Привыкай.

Венка на шее супруги напрягается и пульсирует, когда мои пальцы сжимают ее ключицы.

— Алевтина, что с нами происходит? Зачем разрушаешь наш крепкий брак? — спрашиваю тихо. Из последних сил пытаюсь сохранить спокойствие.

— Глеб, — голос Али пронзительный и высокий. — Я всё знаю о твоей семье. О той — другой... — выдавливает признание.

— Что?.. — включаю глухого, непонятливого идиота.

— Уже несколько месяцев знаю...

— Вот как? — отшатываюсь от жены. Судорожно принимаю решение, стоит ли сейчас рассказать ей всю правду или сохранить в секрете.

Алевтина отступает на шаг, и я машинально надвигаюсь на нее. Впечатываю со всей дури в стену. Пристально изучаю ее красивое холеное лицо. Огромные, горящие ненавистью

глаза.

То есть вот откуда все эти догадки про другую женщину. Мерзкие обидные слова о том, что я — изменщик и предатель.

Безумно хочется узнать, откуда она знает о другой семье, но не могу спросить. Не смею. Я же выдам себя с головой.

— Скажи, что это неправда! — внезапно супруга повышает на меня голос. — Дай опровержение!

— Не лезь в это! Не трогай своими грязными руками... — цежу зло и сам же отталкиваю её от себя.

Поднимаю одежду, и исчезаю в ванной комнате.

Вот и всё. Дурак! — ругаю себя последними словами. Своей выходкой я подтвердил ее доводы, а ведь у нее даже доказательств не было.

Выхожу и не глядя в обвиняющие глаза бегу на выход. Как трусливый заяц — без объяснений.

— Я уехал. Мне здесь не рады! — бросаю в сторону, и мои слова ударяются о барьер, который жена выстроила между нами несколько месяцев назад.

Уже в гараже даю себе возможность расслабиться, и понимаю, что ноги подкашиваются, руки дрожат, не слушаются команд.

Внутри меня все обрывается.

Смертельно ненавижу себя за трусость. Надо было давно объясниться с супругой, рассказать правду десятилетней давности. Объяснить, что, да как. Она бы поверила.

— Слабак! — ору, и бью кулаком по рулю своего авто. Во мне сейчас вопит весь мир. А перед глазами проплывает вся моя счастливая жизнь с Алевтиной и Сашкой.

Я всё потерял.

Хуже того, чтобы победить жену, теперь придется идти до конца.

Как только вернусь, подам на развод.

А там не за горами раздел имущества. В мою пользу.

Определение места жительства сына. Со мной.

Не оставлю же я бизнес и ребенка Алевтине после всего, что случилось...

Мне пришлось потеть эти годы, пока я пахал на клан.

Мне приходилось глотать обиды и боль, пока она просто любила. Просто жила как принцесса, не зная, какая кровоточащая пропасть скрывается за всем этим показным великолепием.

Выезжаю в ворота, и шестое чувство подсказывает, что Алевтина сейчас пялится в окно. Провожает меня ненавидящим взглядом.

Я же этого хотел?

Тогда почему на душе так скверно?! Нервно сглатываю смертельную обиду и бесконечную болючую боль.

Очень громко включаю музыку и битый час добираюсь до города в пробке.

Пока еду, вспоминаю, каким счастливым выглядело личико спящего семилетнего сынишки, когда я зашел с ним попрощаться. Он чутко спал, супился, сопел, но так и не проснулся.

Двойное чувство накатило на меня — с одной стороны, не хотел будить Сашку, с другой — я знал, что обязательно должен попрощаться.

Это наш ритуал. На дорожку. На счастье.

Громкий звонок мобильного выдирает из воспоминаний о самом любимом человечке на свете. Со злостью хватаю трубку, гаркаю недовольно:

— Да!

— Котик, это твоя Инесса. Когда вылетаем в Дубай?

— Планы изменились. На эти выходные летим в Сочи, у меня там происшествие на стройке!

— Хорошо, как котик скажет.

— Не называй меня котом. Бесит! — рявкаю грозно.

— Если ты будешь кричать, то я не полечу, — отвечает обиженно.

— Ладно, не дуйся. Езжай во Внуково, — отключаюсь. Убираю трубку из рук.

— Почему всё так?!

Снова звонок мобильного. Но на этот раз ринг-тон звонка вызывает бесконечную радость. Лицо непроизвольно растягивается в широкой улыбке, а сердце убыстряется, предвкушая общение. Отвечаю в трубку с бесконечной нежностью в голосе.

— Да. Солнышко?

— Папуля, когда ты прилетишь из командировки? — лепечет звонким голоском десятилетняя дочка Елизавета.

— Лизок, вылетаю через два часа. Жди. Маме передавай привет. Пусть красную рыбу в духовке приготовит.

— Люблю тебя!

— И я тебя.

— Чмок-чмок, — отправляем друг другу виртуальные поцелуи.

— Жди.

Алевтина

С трудом поднимаюсь с пола, делаю шаг и замираю. Прислушиваюсь к гулкому шуму в ушах. Если бы мне было семьдесят лет, я бы решила, что давление подскочило.

Но это что-то абсолютно другое. Потому что мне двадцать семь.

Кладу ладони на вздымающуюся грудь, и до меня медленно доходит, это бедное мое сердце сходит с ума.

— Любимый, зачем ты так со мной?.. — шепчу, слушая как собственное сердце ударяется о ребра и отдается в ушах звонкой барабанной дробью.

— Ответь... — шепчу, покачиваясь на пяточках взад и вперед.

Я не сумасшедшая. Не взбрендившая. И обращаюсь сейчас не к мужу, который уже очень далеко от дома телом. (Душой он вообще давно отсюда вылетел и не вернулся, позабыв дорогу назад).

Жду ответа от своего сердца. Томлюсь ожиданием, кусая нижнюю губу в кровь. Оцарапываю ногтем руку. До боли, до крови. До вскрика.

Хочу услышать себя, понять, зачем выбрала такого неправильного мужчину.

Почему сердце полюбило не того???

Прикладываю палец к губам, провожу по ним мягко. Напоминаю себе, как это бывает, когда муж касается их. Нежно. Пылко.

А не как сегодня — жестко и быстро.

Вспоминаю, когда впервые увидела Глеба, у меня аж пальчики на ногах подогнулись от предвкушения, что он станет моим парнем.

Почему он?

Почему именно моим? Ведь на него претендовали многие.

Потому что Алевтина влюбилась, а значит, Шилов должен был стать моим по определению.

Глядя на высокого, статного парня с густой русой шевелюрой и крепкими загорелыми руками, с тестостероновой растительностью на груди, и почти квадратной челюстью, я верила. Такой защитит от любых жизненных невзгод. Что на него можно положиться.

А его сексуальные четко очерченные губы всегда будут сладко целовать. Меня одну. Везде-везде. И мы будем несказанно счастливы...

А сейчас в моей душе пустота. И в доме. И в сердце. И ящик Пандоры, который открыл не я, пуст. Надежда улетела в окно. Сегодня. Вместе с моим признанием о том, что я всё знаю.

Больше не получится мне лгать. Я показала, что не буду больше глупой женой, верящей предателю и изменщику безоговорочно.

В моих мыслях темная зияющая яма, через которую надо перепрыгнуть, не забыв прихватить с собой сына.

С грустью осматриваю комнату, супружескую кровать, которую сама выбирала в каталоге модной итальянской мебели.

Зря старалась! Глупая Аля! Глеб не оценил моих порывов.

Провожу пальцем по стенам с обоями в мелкий цветочек. Тяжело вздыхаю, прощаясь. И босиком на носочках бегу в гардеробную. Так тихо, чтобы никто не слышал, не обращал

внимания.

Я ведь не знаю точно, кто из домашних следит за мной и доносит обо мне мужу всё. Вплоть до того, что я ела, и в каких трусах сегодня.

Неприятно. Мерзко.

Веду плечами и дрожу. Стоит только подумать, что посторонний копается в ящике с моим бельем.

Аля! Не время раскисать! Когда будешь далеко, тогда и подумаешь о том, как жила.

Сейчас же надо успеть собрать сумку.

До того, как вернется «любимый», «любящий», «верный» муж.

До того, как сын поймет, что в нашей жизни грядут большие перемены.

До того, как мир расколется на два неровных куса под громкими жизненными названиями «до» и «после».

«До» — огромный, яркий, счастливый. «После» — темный, непонятный, скользкий. В нем явно меня не ждет ничего хорошего. Если только я не «проснусь», не стану прежней.

Той — другой Алей, какой была до встречи с Глебом. До момента, когда безумная любовь ворвалась в меня и поглотила мой мир, а меня саму превратила в пустое место. В дополнение к супругу, который хотел одного — стать большим, богатым, всесильным.

Вывести бизнес на космические горизонты, захватить весь строительный рынок региона и ближайших областей. Создать Седьмой Рим имени Глеба Шилова. Империю, которой он будет править как император.

Похоже, меня в этих планах не было!

Осторожно открываю дверь гардеробной, замираю, прикидываясь мышкой, когда слышу приближающиеся шаги...

Алевтина

Прячусь за длинной шубой, подаренной мужем на Новый год. Впервые радуюсь, что она такая длинная и пушистая, прячет меня от макушки до пят.

Кто-то торопливо распахивает дверь в гардеробную, включает свет. Обходит огромную комнату, заполненную вещами хозяев.

— Странно. Никого, — выдыхает непонятливый охранник, и уходит прочь.

Через мгновение слышу, как закрывается наглухо замок снаружи.

— Мама дорогая! — шепчу, и прикрываю рот ладошкой. — Как я теперь выйду? Неужели не смогу сбежать.

Смотрю на экран телефона, пока пытаюсь сообразить кого набрать, незаряженный вовремя телефон сдыхает у меня в руках.

Как же здесь тяжело дышать, воздух пропитан одеждой и парфюмом. Задыхаюсь.

Срабатывает закон подлости — никогда не было клаустрофобии, а сегодня началась.

Делаю глубокие глотки воздуха.

— Вдох-выдох, — разговариваю с собой как с маленькой.

От нехватки воздуха, в глазах темнеет, и я погружаюсь в события, произошедшие четыре месяца назад.

«— Лизок! — муж окликает симпатичную девочку. Она поворачивает милую головку с русой косой, улыбается ярко-голубыми глазами. Как у мужа.

А я отмечаю, ей лет десять.

— Шла бы ты в дом. Сгоришь ведь совсем! — обращается нежно мой муж к чужой малышке.

— Пфф! Па-па! — фырчит девчушка. — Я — синхронистка и пловчиха, что мне твоё солнце?! — отвечает она немного грубовато и даже фамильярно.

Удивляюсь.

Почему она обращается к моему мужу, называя его «папой»?

Почему никто не воспитал ребенка, не объяснил, что нельзя переходить границы дозволенного в общении со взрослыми.

— Малявка, еще хамить будешь! Иди отсюда, сказал! — супруг повышает голос, показывая девочке, что он в доме главный.

Девочка отворачивается, демонстрирует всем своим видом, что жутко обижена на несправедливость.

Резким движением высокая худенькая девчушка убирает косу за правое плечо и убегает прочь со словами:

— Папа, так бы и сказал, что соскучился. Хочешь маму потискать!

О чем это она?!

Мама. Папа десятилетняя дочь. Что происходит?

Удивленно округляю глаза и гляжу на своего полуголого мужа. Из одежды на нем лишь плавки. И полуголую шикарную женщину в бикини.

Они лежат на шезлонге у шикарного бассейна, за их спинами добротный двухэтажный дом. Солнечный свет играет в каплях воды на их дорогих, ухоженных, загорелых телах».

Хочу выключить видео, но Инесса заставляет меня смотреть дальше.

— Гляди, женушка! Самое интересное пропустишь.

А мне совсем неинтересно.

Час назад жена партнера моего мужа заявила к нам в дом и объявила, что она любовница моего супруга Глеба Игнатьевича Шилова.

Поблагодарив за информацию, я попыталась вытолкать ее из дома. Но не тут-то было. Она видите ли привезла конструктор «Лего», и хотела вручить его нашему сыну собственноручно.

— Зачем тебе?

— Хочу увидеть, каким вырастет мой сынок! — огорошила меня Инесса.

— Ты беременна?

— Нет, но мы с Глебом планируем ребеночка, — молодая женщина нагло поглаживает свой живот.

— Не боишься, что расскажу твоему мужу? — интересуюсь решительно.

— Нет, — отвечает ухмыляясь.

— Почему? — спрашиваю упрямо.

— Потому что я знаю один маленький секрет, касающийся тебя. И я готова открыть его тебе, но за хорошую цену!

Ювелирно выверенным броском женщина добивает меня.

— Знаю телефончик адвоката, который готовит для тебя большой сюрприз по заказу твоего мужа!

— Стерва! — беззвучно шепчу.

Перед глазами стоит напряженное лицо мужа, которое вижу в последние месяцы. Начинаю верить непрощенной гостье, что Шилов готовит сюрприз. Похоже, неприятный...

От осознания и страха мои пальцы немеют, и холодок бежит по телу.

Пытаюсь контролировать напряженные нервы, но Инесса будто хочет добить меня, заставляет смотреть проклятое видео.

А я как назло чувствую всё, что происходит на экране так остро, что, зажмуриваюсь, когда вредная гостья жмет на экран снова, заставляя глохнуть от голосов, врезающихся в мой мозг в тот же миг.

Ненавистные голосам убивают морально, уничтожают женскую гордость.

Меня окутывает сумасшедший коктейль эмоций, и я начинаю умолять гостью:

— Пожалуйста, просто уйди. Оставь меня в покое!

Но она не уходит, поэтому я сама делаю шаг, чтобы сбежать из гостиной собственного дома.

Инесса перехватывает мою руку и упрямо шипит:

— Ты должна знать правду, хватит бегать от нее! Надоело ждать. Твой кобель тоже никак не решается поставить жирный крест на вашем браке. Так хоть ты будь мужественной! *Не хочу. Не могу. Не буду.*

Через секунду спохватываюсь, что уже смотрю продолжение шоу. И его уже нельзя остановить.

«Мой муж — крепкий, могущественный. С властным холеным лицом, и гордо выпрямленной спиной — главный герой видео.

Глебу тридцать три. Он в самом расцвете сил, лет, успешной карьеры. У него всё и везде схвачено на строительном рынке нашего огромного города и области. Он очень умный

и хитрый, поэтому умеет выкручиваться из любых незавидных ситуаций.

Шилов настолько самоуверен в себе и уверен в своей неотразимости и харизме, что не может скрыть от людей презрительное отношение к ним. Оно проскальзывает в его взгляде, в жестах, с кем бы он не общался.

(Поэтому и друзей у него настоящих-то нет. В его окружении выживают и удерживаются только такие как он).

Открыв рот наблюдаю за тем, как супруг проводит рукой по стройной спине женщины. Как завороченная наблюдаю за тем, как загорелая рука ползет ниже и ниже. Звонко шлепает женщину по аппетитной пятой точке.

Русоволосая красавица довольно хохочет.

А затем тянет к моему мужу пухлые губы.

— Викуся, не надо! — отмахивается от нее Глеб, как от назойливой мухи.

— Ты первый начал!

Я в полном ауте. Зажмуриваюсь. Но спустя мгновение заставляю себя усилием воли распахнуть глаза.

В шоке залипаю на кадрах. Шумно выдыхаю боль. Но к горлу снова подкатывает ком.

Прижимаю ладони к груди, пытаюсь успокоить громко колотящееся сердце. Закрываю рот руками, чтобы не закричать.

Глеб

— Инесса, отвали от меня, — отталкиваю от себя жену партнера.

— В чем дело? — поднимает на меня растерянный взгляд.

— Ты мне не нужна!

Хмурится, складывает губы в узкую полоску. Стучит пальцами по бедру.

— Кто тебе нужен? — нервно прикусывает собственную губу, тут же болезненно морщится.

— Точно не ты...

— Почему? Недостаточно хороша для тебя? Так скажи, что мне исправить в себе, и я посету своего пластического хирурга!

— То, о чем я говорю, хирург не поправит.

— Ах. Поняла. У меня же за душой ни гроша. После развода с супругом по моей инициативе, я не получу ни копейки, к тому же потеряю опеку над дочерью. Зачем, я тебе такая? Хотя, твоя жена...

— Что «моя жена»?

— Ничего. Ты же не останешься с женой?

— Я не понимаю тебя!

— Твоя вторая жена знает о первой. Уверена, Алевтина не потерпит соперницу.

— Вот оно как?! Когда ты успела выяснить про первую жену?

— Думаешь, я дура. Умею только загорать и на шоппинг ходить. Я давно поняла, зачем ты меня в Сочи таскаешь, когда есть возможность любой курорт посетить.

— У меня здесь стройка, — давлю я. Придерживаясь своей точки зрения.

— Семья у тебя здесь. Первая...

— Вот как. Получается, Алевтина узнала о другой семье от тебя??? — продолжаю шокировано.

— От меня! — заявляет гордо. — Помню, как она бедненькая рыдала в тот день, чуть дом не затопила потоком истерики.

— Ты дрянь!

— Жалко дом?

— С чего бы?

— Жена чуть не затопила дом, который теперь принадлежит тебе!

Девушка застывает на мне вызывающим взглядом, полным ненависти.

— Ты не имела права лезть к Алевтине!

— Ой ли! — голос Инессы на секунду дрогнул. — Сейчас разрыдаюсь.

Мы едем в машине, и здесь очень жарко, но почему-то я зябко ежусь.

— Приехали, — говорю я, едва авто въезжает на парковку отеля. — Ты иди. Размещайся. Отдыхай. А я по делам, — выхожу из машины и помогаю Инессе выйти и забрать сумку. — Вечером приеду, пойдем в ресторан.

— Шутишь?

— Нет.

— Даже не поднимешься?

— Нет.

— Ты же меня хочешь!

Молчу, гляжу себе под ноги.

— Посмотри мне в глаза.

— Слушай, у меня не то настроение.

— Но ты позвал с собой, сказал, что яйца звенят.

— Я думал, что это так, но оказалось иначе.

— Признайся, у тебя есть сексуальные отношения с Викторией?

Делаю шаг к стервозной заразе. Хватаю ее за руку, сдавливаю запястье.

— Не смей, — шиплю на нее.

— Затыкаешь рот. Не желаешь слышать правду?!

— Не смей. Никогда. Говорить. О моей жене.

— Какой именно? Первой. Второй.

Инесса округляет глаза, приподнимает брови. Но продолжает игнорировать боль. Не позволяет себе стенать вслух, показывать слабость.

— Не смей трогать обеих. Одна — мать моей дочери. Вторую я... — осекаюсь, чуть не проговариваюсь. — Вторая — мать сына, — исправляюсь мгновенно.

— Хорошо устроился. Послушаешь, аж сердце разрывается. Лучший отец года. Твою мать!

Капитально злюсь.

Впервые девушка меня взбесила так, что хочется что-нибудь с ней сделать. Инесса видит меня таким впервые. Перекошенное лицо, желваки, ходящие на скулах, вздымающиеся ноздри и руки, сжатые в кулаки.

Считывает ситуацию. Понимает, что взять нахрапом не получилось, меняет тактику.

Всхлипывает. И по ее красивому личику бегут слезы. Смотрит с отчаяньем.

Отпускаю ее руку, медленно выпрямляюсь.

— Любимый, а я кто?

— Не знаю.

— Я жду от тебя ребенка. Сыночка, — шепчет нежно.

В голове взрываются все мысли разом.

— Не гони! Это ребенок твоего мужа. Меня не приплетай.

Слышу неровные удары сердец. Своего и ее. Женская грудь нервно вздымается в нескольких сантиметрах от моей.

— Нет. Ты замужем. Мы предохранялись. Ребенок автоматически принадлежит твоему мужу. А мне хватит!

— Детей много не бывает.

— Бывает. И я не предохранялась. У меня дочь, и я всегда хотела сына. Время пришло, — заявляет мстительно.

И я тону в отчаянье.

Делаю шаг к машине, открываю дверцу.

— Заеду в восемь. Обсудим «проблему» в ресторане.

Инесса бросается на меня, остервенело хватается за руки. Оцарапывает в кровь.

— С ума сошла? Твой пластический хирург мозг не реставрирует?

— Дурак! Я проверяла тебя на вшивость!

— Что?

— Не беременна я. Я же не дурочка портить фигуру. После первой беременности мне

стоило огромных усилий грудь восстановить.

Делаю резкое движение и обхватываю фигуристую девушку за плечи. Трясу. Вижу, что чересчур сильно, но она не сломается.

Инесса крепкая. Прожженная баба. Поднялась по «социальной» лестнице с самого низа, через постель, приложив невероятные физические и умственные усилия. (Жаль ее супруг не в курсе, что его жена может умножать в уме четырехзначные числа. Без калькулятора).

Это мои женщины — Виктория и Алевтина — слабые. Им нужна защита и забота.

А эта справится со всеми проблемами сама.

— Ты меня пугаешь! — жметя ко мне. Дрожит. И соленые дорожки слез бегут по щекам.

— Прости. Больше не буду шутить. Иногда забываю, что у тебя нет чувства юмора. Слишком многое стоит на кону. Можно многое потерять, если расслабиться. Ты же как я. Мы одинаковые! Поэтому нам хорошо вместе, понимаем друг друга.

— О чем ты?

— Ты тоже поднялся из низов...

— До вечера, — цежу, сцепив зубы.

Глава 10

Глеб

Спустя двадцать минут выхожу у уютного светлого двухэтажного дома, который купил жене и дочери недавно.

— Странно, — открываю калитку своими ключами, отключаю сигнализацию. Удивляюсь тому, что меня никто не встречает. Набираю охранника нашего поселка, но он как всегда куда-то отошел и не отвечает.

Вика! Зараза! Она же знала, что я еду. Куда свалила, прихватив мою любимую дочь, по которой я безумно соскучился.

Бегом направляюсь к бассейну. Обычно здесь весело и плескается дочка с подружками. Но сегодня на удивление пустынно.

Неожиданно замечаю, что в доме включается свет. Ускоряюсь.

Вхожу через заднюю дверь на кухню и ошеломленно взираю на испачканный пол.

Твою мать! Какого черта здесь происходит?

Неровная дорожка из розовых лепестков роз, обрамленная редкими свечками, уводит к лестнице, ведущей на второй этаж.

Только здесь начинаю ощущать вибрации музыки, раздающейся сверху.

Тихо поднимаюсь, тянусь рукой к двери. И резко стопорюсь, услышав мужские неторопливые шаги.

— Малыш, иди ко мне, — слышу нежный голос жены.

Становится дико неприятно.

Сердце бешено колотится. С ноги распахиваю дверь и смотрю как огромная фигура мужика наваливается на мою жену.

От мерзкой картины жутко режет в глазах.

— Вика! Чертова дрянь. Что творишь?

— Устраиваю личную жизнь, — шипит она, выглядывая из-за мужского татуированного плеча.

Абсолютно голый мужчина моментально скатывается с Виктории, и подхватив одежду, уносится вниз. Через мгновение слышу, как непрощенный гость громко хлопает дверью.

— Что это было?

— Я перед тобой отчитываться должна? — отвечает с вызовом.

— Прикройся, — бросаю в жену халат.

Виктория поднимается на длинные загорелые ноги, очень долго «не может» найти пояс и запахнуться. Демонстрирует мне свои буфера и плоский живот, который она круглосуточно качает в зале.

— Достала! — вспыхиваю яростно. Подхожу, и не глядя в ее дерзкие глаза, запахиваю грубо халат, и завязываю пояс.

— С ума сошел! Ты перетянул. Я же дышать не могу!

— Скажи спасибо, что не морской узел завязываю, — рявкаю в ответ.

— Где моя дочь? Я разговаривал с ней перед вылетом, она не могла взять и уйти, не дождавись папку!

— А где ты был целых три недели?! — Вика подходит совсем близко, и нагло запускает пальцы мне под футболку.

Нежно поглаживает подушечками пальцев мой живот.

Неужели думает, что я отвечу на ее ласки?

Мерзко.

Резко хватаю молодую женщину за запястья, убираю ее руки ей за спину.

— Не трогай меня!

— Котик, не в духе!

— Котиком называй своего жеребца.

Злость, нахлынувшая на меня, когда вошел в дом, увидел Вику с мужиком, и понял, что она избавилась от Лизы, чтобы хорошо отдохнуть и начпокаться, медленно угасает.

Набираю на мобильном Лизу:

— Папуля, — слышу плаксивый голосок моей девочки. — Мама меня бабуле сдала, сказала, что у нее очень срочное дело.

— Милая, я сейчас же приеду и заберу тебя! — шепчу с нежностью и заботой.

— Лю тебя! — рыдает радостно в трубку дочь.

— И я тебя лю! — отвечаю и тут же отключаюсь.

Пока разговаривал, руки жены освободил и теперь они снова гуляют по моему телу. На этот раз Вика водрузила свои грабли мне на плечи.

— Если бы ты смог меня простить, тогда бы тебе не приходилось скучать по дочери. Ты бы забыл о моей измене, я о твоём браке, и мы смогли бы соединиться и жить счастливой семьей.

— Вот как? Вика! Очнись. Нас давно нет. Ты всё загадила, пока строила свою модельную карьеру, превратилась в дешевку!

— Я работала.

— Ходить в эскорте с богачами, пока твой муж — студент пашет в ночную смену, по-твоему это работа? А потом заявляться утром домой, и вонять чужими мужиками?!

— Я зарабатывала больше тебя! Мне надо было содержать няню нашей дочери! — выплевывает жена. — Между прочим, ты стал тем, кем стал только благодаря мне.

— Вот именно! Я стал козлом благодаря тебе. Спасибо.

— Разве наш брак был таким уж плохим? — неожиданно Виктория успокаивается и пытается трезво оценить положение. Что бывает с ней крайне редко.

— В последнее время наш брак превратился в сплошной ад. Ты сильно заигралась там в богиню эскорта. Ничего не делала по дому. Да, ты даже материнские обязанности переложила на мать и няню. А от дочери откупалась подарками.

— Кто бы говорил! — фыркает Виктория, зачем-то снова раздвигая ноги, оголяет их до бедра. — Ты привез дочери то, что она просила?

— Да. Всё по списку.

— Сколько потратил на подарки?

— Я не считаю деньги, когда дело касается Лизы, — выдаю жестко.

— Уверена, тысяч триста!

— Ты мои деньги не считай. Я с тобой полностью расплатился за то, что ты дала мне развод.

— М-м! — Вика проводит пальцами по своим губам, затем по моим. — Я передумала. У меня есть последнее желание, — жена сбрасывает халат, и прижимается ко мне голой грудью. — Сделай мне сыночка, тогда отпущу окончательно.

— Что. Ты. Имеешь. Ввиду???

— Не расскажу твоей женочке всю правду о вашем браке!.. Думаю, бедная Аленька расстроится, что ты начал с ней жизнь с вранья.

— Она уже знает о тебе и Лизе.

— Я не об этом. У меня много другой информации.

— Чего ты хочешь? Ты только что потрахалась со своим мустангом.

— Я же ясно выразилась. Лизе нужен родной братик... — первая жена с ненавистью глядит на меня. — Иначе...

Алевтина

Как сквозь вату слышу мужской голос. Знакомый до боли. Тихий и спокойный, одновременно.

Распахиваю глаза и вижу перед собой темноту. В руках ощущаю что-то мягкое, меховое. А в ушах слышу, как что-то лязгает и глухо стучит.

Медленно возвращаюсь в реальность, вспоминая как страшный сон всё, что произошло со мной сегодня.

— Алевтина, это я. Назар.

Молчу, не решаюсь ответить начальнику службы безопасности супруга.

Слышу как включается выключатель и струйки неуверенного света проникают ко мне в укрытие.

— Я знаю, что вы здесь. Знаю, что вы в большой беде и хочу вам помочь, — мужские шаги приближаются, становятся всё громче и громче. А голос всё твёрже и твёрже. — Я вам не враг. Выбирайтесь. — В голосе мужчины сплошной металл, не смотря на все его попытки спрятать характер за успокаивающими интонациями.

Руки мужчины вцепляются в норковое манто и сдвигают его с места.

Пытаюсь скользнуть по стеночке, спрятаться за ним снова. Но я не моль, и мне не удастся исчезнуть так быстро, как хотелось бы.

— Вот так, — мужчина протягивает ко мне две мощные руки, хватает меня за талию и тащит аккуратно на себя.

— Не надо, пожалуйста, — умоляю я, едва оказываюсь на твердом полу. — Отпустите.

— Алевтина, я вас не обижу. Успокойтесь. Выслушайте, — цедит, дерзко заглядывая в глаза.

А я не хочу успокаиваться, я намерена сбежать отсюда, пока муж не вернулся.

— Я не наврежу вам... тебе, Алевтина.

Удивленно гляжу в карие глаза молодого мужчины. Не понимаю сейчас его от слова совсем.

Очень хочется верить, думать, что Назар не лжет. Он работает в нашем доме не первый год. Его нам передал мой отец. Как вещь. Как наследство.

Так и сказал: — Алька, береги Назара. Он тебе еще пригодится.

Только Назар сразу же после смерти отца и перехода бизнеса моему мужу, переметнулся на сторону Глеба, и отдалился от меня.

А сейчас пытается убедить, что он мой друг.

Не верю! И сердце щемит, подсказывает держаться от этого странного жесткого человека подальше.

Чуйка кричит о надвигающейся опасности. Я не понимаю. Что это! Реальное предчувствие или излишняя мнительность. Я ведь достаточно накрутила себя, пока сидела как моль за своей шубой.

— Послушай, Алевтина, тут такое дело, — произносит Назар каким-то чужим хриплым голосом. Нам пришлось усилить охрану дома, нанять персональных телохранителей. И твой муж дал распоряжение — не отпускать тебя одну никуда. Так что ты теперь будешь выходить из дома с телохранителем.

— Что-то случилось? — спрашиваю ошарашенно. Заглядывая в потемневшие карие глаза.

Назар смотрит так нежно, что меня окутывает тепло его глаз. Ощущение такое, будто мужчина действительно боится за нас с Сашенькой и желает уберечь от большой беды.

Впервые вижу, что начальника безопасности одолевают эмоции. Я-то всегда считала, что он-войка. Бесчувственный чурбан. Ему лет сорок, а я никогда не видела его ни с одной женщиной больше двух раз. Никогда. И детей у него до сих пор нет. Станный он, как все, заточенные на борьбе с врагами своего босса.

Но сейчас на безмятежном мужественном лице внезапно отражается целая буря эмоций.

Назар делает ко мне шаг, и осторожно берет мою руку в свою. Рука у него крепкая, надежная и очень теплая.

— Аля... Прости. Алевтина. Я очень волнуюсь за вас с Сашей. Нервничаю, места себе не нахожу. Боюсь.

Я так остро чувствую эмоции и чувства, которые сейчас топят Назара, что прихожу в шок. А беспокойство передается мне.

— Что это значит? — нервничаю. Потому что ощущаю сердцем, что мужчина явно равнодушен ко мне. — Вы не смеете!

— Я... — осекается. — Я только выполняю наказ вашего отца. До конца жизни наблюдать за вами и заботиться о вас, — неуверенно лжет охранник.

— Тогда помогите мне сбежать. Сегодня же! — приказываю ему.

— Не могу. Я сойду с ума, не зная, где вы и как. Здесь мне легче обеспечивать вашу безопасность.

— Пожалуйста... — из уголка глаза вытекает горькая слезинка.

— Только не плачь! Не выношу слышать, как ты рыдаешь! — злится на меня Назар.

— Собери сумку, но только со своими вещами, — хмуро произносит Назар спустя мгновение.

— Что?..

— Я помогу сбежать, но никто не должен знать, что я стою за этим. Никто! — ожесточенно говорит он, и поджимает губы.

А я смотрю как теплый огонек в глазах меняется на решительный огонь, готовый сжечь любого, кто встанет на пути Назара.

— Как же вещи сына? — начинаю я.

— Аля, я всё сказал. Хочешь помощи, выполняй условия, — обрывает меня на полуслове. С тебя — подчинение, с меня — план.

Снова замечаю в его глазах странное мерцание. Мужчина будто залипает на моих губах и о чем-то шепчет своими.

Пугает до чертиков.

Что он задумал?..

Глеб

— Виктория, бесишь! — отталкиваю навязчивую жену. Поднимаюсь на ноги, растерянно осматриваюсь. В комнате красиво, но как-то неуютно.

Десять лет назад мы были бедны и счастливы, строили планы, как будем много работать и строить дом мечты.

Вот он! Есть. Только мы несчастны и разделены неумемной тягой Вики к деньгам и роскоши.

— Проветри здесь. Воняет твоим мужиком! — бросаю женщине, которую когда-то любил до умопомрачения, до дрожи в пальцах, иду на выход. — Меня дочь ждет.

— Иди, — бросает в спину обиженная Вика. — Лучший отец в мире. Даже на первое сентября к ребенку не прилетел. А она тебя ждала, между прочим! Хотела похвастаться крутым папаней перед одноклассниками. Ты же в курсе, что Лиза в новую школу перешла?

— Иди к черту! — отвечаю жене, и сбегая по широкой лестнице на первый этаж. Подарки я успел разложить в комнате дочери, и загружать их в багажник кабриолета было бы глупо и не практично. По дороге что-нибудь куплю.

Выезжаю из гаража, и вижу, как Вика высунулась из окна, и ждет меня.

— Шилов, мы не договорили. Я так просто не сдамся! — сипит охрипшим от слез голосом.

Это что-то новое, если Вика вооружилась слезами, значит, намерена дойти до конца. Меня это пугает. Похоже, она действительно не шутит, и намерена добиться своего — вернуть меня.

Твою мать! С чего бы это. Именно сейчас.

Не помню, что давал ей повод. Всегда говорил, что между нами ничего не может быть, потому что люблю вторую жену.

Если только... Вика не узнала про мои похождения. Разлад в семье. Любовницу.

Ничего не отвечаю, включаю громко музыку и еду к автоматически разъезжающимся воротам.

— Шилов, ты попадешь в ад! Лжец. Подлец. Мерзавец, — орет как полоумная на всю улицу.

— Знаю, милая, — улыбка трогает мои губы.

По дороге к родителям жены покупаю два букета кустовых роз, огромный торт, и спустя двадцать минут выезжаю в ворота скромного, уютного домика.

— Папа приехал! — слышу родной голос дочери. Звонкий и счастливый. Через минуту моя красавица выбегает на улицу. Стучит низкими каблучками туфелек по крылечку.

Выхожу из машины, раскрываю руки для объятий, и Лиза врывается в меня с разбегу. Крепко обнимает.

Задирает загорелое личико с огромными голубыми глазами, такими же ясными, как у моего сына, и с обожанием во взгляде глядит на меня жадно.

— Детка, ты так сильно выросла за три недели! — констатирую я. — Вытянулась, похудела. Ты хорошо кушаешь?

Замечаю, что мать Вики вышла на крыльцо, и бросает на меня убийственные взгляды. Бедная женщина осталась не в теме, так и не узнала истинную причину развода, поэтому

всегда во всех бедах винит меня.

В ее ненавидящих глазах я априори козел и упырок. Если бы ее внучка не любила меня беззаветно и преданно, она бы закрыла ворота дома сразу, как только узнала о моём прибытии в город.

Замечаю, что моя малышка плачет.

— Лизок, не надо. Папе очень больно. Видеть твои слезы невыносимо, — достаю из кармана джинсов салфетки, стираю с родных щечек слезы. — У тебя даже щек не осталось!

— Правда? — дочь отлипает от меня и хлопает в ладоши.

— Лизок, что-то твой папаня тупит. Чему радуешься?

— Ты ничего обо мне не знаешь! — говорит с обидой дочь. — Я — модель!

— Ты. Кто? — прихожу в шок. Что я пропустил за эти гребаные двадцать дней.

— Удачное вложение Вики, — отвечает за девочку бабушка, и спускается к нам.

Достаю из машины букеты, дарю дочери и теще. Бывшей. Она одаривает меня неприязненным взглядом, но цветы берет.

— Вика отдала Лизу в школу моделей. Москвичи открыли у нас филиал. Срам!

— Срам?

— Стыдоба, — выплевывает теща, и повернувшись к Лизе просит ее изобразить модельную походку.

Дочь моментально меняется в лице, становится похожа на свою стервозную мать. Надменная, жеманная.

Отбегает от меня метров на пять, а потом идет ко мне походкой от бедра, виляя всем, чем можно.

— Они же им там губёхи красят, шпаклюют глаза. Вот увидишь, через пару лет начнут обучать разврату! Эта модельная школа только прикрытие! — продолжает нагнетать теща.

— Ну ба! — пищит Лиза, — врешь ты все! Они хорошие, и гарантируют, что я буду звездой подиума или актрисой. Или певицей.

Сердце бешено колотится. Поверить не могу, что Вика отдала дочь в модели. Я же просил не делать этого сейчас! Лиза еще очень маленькая и наивная, нельзя ей ломать психику.

— А ещё, — продолжает ябедничать женщина, дорвавшаяся до моих бедных ушей, — у Лизы по математике четверка! Скатилась девочка. Теперь у нее на уме танцульки, пение, кривляние. Моделька растёт, одним словом.

Желваки ходят ходуном, губы сжимаются в полоску, а руки складываются в кулаки.

Готов прибить Вику. К счастью, она далеко от моей ярости.

— Лиза, как это все понимать? — наезжаю на дочь. Для начала мягко.

— Бабушка, ты плохая, — визжит дочь. — Сдала меня. Стукачка!

— Не смей повышать голос на старших! — взрываюсь я.

Лиза в ужасе застывает передо мной. Явно не ожидала, что я буду защищать не ее. Но она действительно стала борзой и разговаривает слишком дерзко.

Ее тонкая девчоночья фигурка вмиг сжимается, становясь маленькой и беззащитной.

Голубые глаза наполняются слезами. И через мгновение мою малышку прорывает.

— Папочка, пожалуйста, не наказывай меня. Я так сильно скучаю по тебе!..

Сердце обрывает от ее признания и кубарем летит вниз.

Хватаю дочь в охапку, усаживаю в машину.

— Милая, мы поедem сейчас в наше любимое кафе, где будем только ты и я. Спокойно

все обсудим, — успокаиваю ребенка.

— Папуля, обещаю, что не оставишь меня... — ревет дочурка, размазывая слезы по щекам.

Блин.

Хватаюсь за руль обеими руками и делаю музыку громче.

Кажется, я совсем заблудился в жизненном лабиринте.

Не знаю, что ответить собственной дочери.

Заврался, пообещав сыну, прийти к нему вечером, чтобы смотреть вместе мультик, а сам сбежал.

Притащил с собой любовницу, которая мне не нужна.

Не могу поговорить начистоту с Алевтиной, потому что знаю, что, выложив правду, потеряю ее навсегда.

А я не могу уже без нее жить.

Но между нами болото из лжи и предательств, и как преодолеть зловонную жижу, я не знаю.

Алевтина

Собрав сумку только со своими вещами, прихожу в полное оцепенение.

Почему Назар распорядился, не брать ни одной вещи сына? На что он намекал? Он же понимает, что я не уйду отсюда без Александра!

Может, я неверно поняла охранника?

Ну конечно. Это моя ошибка.

Подхожу к тумбе, где на полках сложены брюки, рубашки, футболки, джемперы ребенка. Беру два комплекта одежды на смену, упаковываю их в отдельную дорожную сумку. Сверху бросаю носки, трусики и коробку с новыми белыми кроссовками, которые сынуля выбирал сам.

Как странно распорядилась судьба. Саша купил такие же кроссовки как у отца, чтобы быть похожим на него, когда они поедут кататься на великах в парк.

А теперь этого не будет!

Резкий скачок мыслей, и я снова думаю о супруге. Судорожно выдыхаю боль, и отдаю себе отчет, что уже соскучилась по мерзавцу.

Как же мне его не хватает!

Нервно веду плечами.

Похоже, придется учиться жить без Глеба. Может это к лучшему, ведь отношения, которые сложились между нами в последние месяцы вымотали нас обоих.

Виски пульсируют болью. И меня терзает вопрос, как Глебу удавалось так долго скрывать жену и ребенка?

То, что он промолчал про первую супругу вызывает много вопросов? Зачем? Понятно же, что на момент брака со мной он был разведен.

А повторная любовь к ней вспыхнула в нем намного позже.

Когда именно?

Когда он начал игнорировать меня, избегать секса или до того, когда я начала пилить его, подозревая в неверности после длительных командировок в Сочи.

Или тогда, когда я узнала страшную правду от Инессы?

Голова взрывается от миллиона мыслей.

Еще могу понять, почему умолчал о бабах, но зачем скрыл дочь?

Она же не котенок, не щенок, оставленный где-то там, чтобы умолчать о нем!

Ей уже десять. Невеста на выданье.

Получается, когда мы поженились, Лизе было... было...

Господи! Даже сосчитать не могу, потому что не хочу произносить эту цифру.

Два с половиной годика!

Глеб бросил двухлетнюю малютку, — ужасная правда оглушает.

— Какой кошмар! — из глаз непроизвольно вытекают горькие слезы.

Как Шилов чувствовал себя всё это время? Как жил? Как мирился со своей совестью и отцовским чувством долга?

Получается, что, находясь неотрывно с сыном, думал о дочери?..

Такое себе открытие — неприятное, удушающее.

Жуткий приступ гнева и неприятия информации закручивает все мое тело, и оно

начинает болезненно трястись.

Почему я — женщина не почувствовала неладное?

Чем больше думаю о дочери мужа, тем сильнее меня лихорадит. Уже зуб на зуб не попадает. Вся эта ситуация болезненно давит на грудь и сильно давит на нервы. И внутреннюю дрожь никак не унять, потому что она ледяными паучками разбегается по всему телу.

Неужели я монстр в глазах мужа? Ведь Шилов считал, что я запрещу ему видеться с малышкой!

Снова хочется плакать, считаю себя виновницей. Из-за меня ребенок рос без отца.

Но я же не знала!

А если бы знала? Тогда что?

— Аля! — кричу сдавленным голосом. — Что ты могла сделать? Забрать отца у Сашеньки и отдать его чужой девочке?

К черту! Не буду думать об этом. Если Шилов не доверил мне — родной и любимой жене свою дочь, то возникает вопрос, любил ли меня. Доверял ли мне?

Ответ, однозначный — нет.

Бросаю взгляд на вибрирующий телефон. Машинально переворачиваю к себе «лицом», смотрю на экран и вижу заставку — улыбающиеся лица мужа и сына.

— Надо будет сменить заставку, оставив только сына, — говорю себе.

Перевожу взгляд на номер — супруг.

Поднимаю трубку и слышу глухой голос Глеба:

— Алевтина, ты теперь всё знаешь о моей семье. Надеюсь, не будешь возражать, если я привезу к нам мою дочь. Она хочет жить в Москве, мечтает стать моделью. Здесь у нее нет шансов, а там я смогу дать ей достойное образование.

Нервная дрожь бьет по телу. Супруг даже не спросил, как чувствует себя наш сынок. Не поинтересовался в каком состоянии сейчас я, после нашего грандиозного скандала.

Мы ему безразличны. Мы — его другая семья, которая должна заботиться о себе сама.

Жутко дергается глаз, похоже, нервный тик. А нервы напряжены как пружины.

Не думала, что мой муж превратится в беспринципного муженька и начнет устанавливать новые правила семейной жизни.

Даже не верится, что десять минут назад я сочувствовала его дочери!

Сейчас она желает приехать и разрушить мой мир окончательно. Не только мой! Но и хрупкий мир моего ребенка, который еще не знает, что должен делить любовь отца с другой чужой девочкой.

Мой бедный сынок, для него это будет удар!

— Как же Саша? — спрашиваю дрожащими губами.

— Что Саша?.. — отвечает холодно.

— Ты привезешь в наш дом чужую девочку...

— Чужую? — супруг повышает на меня голос. — Лиза — моя дочь. Мой первенец. Я ее люблю больше жизни!

— А Саша? Его ты любишь? Чем измеришь любовь к сыну?..

Муж замолкает.

— Говори!!! — не сдерживая эмоций, кричу в трубку.

Алевтина

— Не говори глупости. Я люблю тебя и сына! — говорит абсолютно спокойным тоном муж. — Мы приедем с дочерью, как только утрясу пару дел с ее матерью.

Глеб отключается, даже не дождавшись моего утвердительного ответа.

Ему безразлично мое мнение. Впрочем, как всё последнее время. Давно прошли те времена, когда он спрашивал меня о чем-то важном и не очень, советовался как с партнером, женой.

Делаю пару шагов на выход и понимаю, что забыла взять обе сумки. Возвращаюсь, поднимаю за ручки дорожные сумки. Подхожу к двери, выглядываю в ярко-освещенный коридор. Никого. Выхожу и бегу на цыпочках к собственной спальне. Прячу обе сумки под кровать.

Делаю всё так, как меня научил Назар.

Звонок мужа не изменил моих планов. Наоборот, укрепил уверенность в том, что я должна уйти отсюда. Из дома, который когда- принадлежал по бумагам мне. Потом дом стал совместной собственностью. А сейчас я здесь никто!

Этот дом, фирма, дом на море — всё принадлежит Шилову. Он отжал у меня всё. И сейчас весь мир принадлежит ему.

Как и мы с сыном!

Бросаю тяжелый взгляд на супружескую кровать еще раз. Вспоминаю, сколько времени потеряла, оплакивая отсутствие мужа в последние месяцы.

Я плакала потому что скучала. Муж был мне настолько родным, что я не могла прожить без него и дня.

В моей душе было так пусто без него, даже сынок не заполнял эту брешь в груди.

А сейчас я оплакиваю потерю супруга, веры в него.

Он стал для меня чужим человеком всего за какие-то пару-тройку месяцев.

Склоняю голову, заметив под кроватью розовую бумажку. Встаю на колени, протягиваю руку и достаю открытку, которую супруг обычно вкладывал в букеты, которые дарил мне.

Но это было раньше.

Вот и этой открыточке много месяцев.

Читаю золотистые буквы:

«Милая, родная, так как я тебя люблю, никто не полюбит никого и никогда. Ты — моя драгоценная девочка, и я буду всегда с тобой рядом. Спасибо, что подарила мне сына».

Нервно провожу рукой по лицу, волосам, вспоминая, на какой день рождения Саши супруг дарил эту открытку.

— На шестой!

Тогда мы были безумно счастливы, и ничего не предвещало беды.

Как же сильно я любила. Он был первым с кем поцелуй казался горячим и бесконечно сладким, объятия — самыми теплыми. До него я так сильно не любила. Женихов было много, но все шли мимо.

Его глаза — голубые как небо. Чистые. Верные. Когда он смотрел на меня с бесконечной нежностью, сама себе завидовала.

Любила в муже все — фигуру, тату, тембр голоса, улыбку.

Вместе мы проходили все жизненные препятствия, сидели у кровати сыночка, когда он болел. Шилов даже подгузники менял наследнику, ездил за детским питанием на другой конец города.

А сейчас Глеб снял маску и за ней оказался совсем другой человек, не тот, кому я доверилась, не тот, кто спас меня своей любовью.

— Я тронулась умом, если до сих пор думаю о любви к предателю!

От мужа не исходила явная угроза нашему браку, как сейчас.

Боже!

Время как вода. Утекло. И всё. Точка. Ничего не вернуть. Даже воспоминания закружились в вихре проблем и затерялись где-то.

Меня снова накрывает. Чувствую утрату каждым нервом. Я как будто под гипнозом после звонка супруга.

Как он может так легко рассуждать? Ломать нашу жизнь.

Глеб убеждал меня, что нам с сыном ничего не грозит, его любви и заботы хватит на всех.

Только я не верю ему больше!

Перед глазами стоит его наглое красивое лицо. Шилов глядит на меня нахальными голубыми глазами. Волевой подбородок напряжен, высокие скулы придают породистости загорелому лицу, красивые губы обрамлены светлой ухоженной щетиной.

Красив гад.

У меня не хватает смелости оттолкнуть от себя даже его образ, силуэт наплывает на меня как облако и поглощает полностью.

Аля! Проклятая трусиха!

Слезы бегут горячими обжигающими струйками по щекам. Стираю ладошками, размазывая по лицу. Поднимаюсь на ноги, отряхиваю колени.

Считаю до трех, чтобы забыть о муже, и перед сыном предстать в успокоенном состоянии. Ребенок чувствует мое настроение остро, и он не должен заподозрить неладное. Иначе будет звать папу, а того нет дома. Сашенька расстроится, и болезнь может вернуться.

Более того, с Сашкиным упрямым характером неизвестно, что сынок может выкинуть, чтобы вернуть отца.

Вся эта ситуация вводит в депрессию, а мне нужно сейчас пойти к сыну. Улыбаться ему. Делать вид, что всё в порядке. Смотреть мультики, развлекаться.

А потом мы уснем, проснемся, возьмем сумки, и убежим из любимого дома туда, куда скажет Назар.

Не знаю можно ли ему доверять?..

Но больше некому. Он — последний рубеж между настоящим, прошлым и неизвестным будущим.

В желудке голодно ноет. А в душе по-прежнему царит цунами. Но я выдыхаю и иду к сыну.

Глеб

Уже и не помню, когда чувствовал себя пустым местом. В которое меня раз за разом превращала эта стерва Вика. Наверное, в тот день, когда я узнал от друзей, что она изменяет мне. Что ее видели с мужиком в частном отеле, где снимают номера на часик — другой, чтобы усладить собственное тело.

Зачем она так поступила со мной?

Зачем растоптала нашу любовь?

Я же старался как мог ради нее и нашей малышки.

Тяжело выдыхаю, вспоминая, как поехал в отель, как караулил несколько суток, ждал, пока она объявится со своим молодым мальчиком.

Как идиот пошел к ним в номер спустя час и застал картину, которую долго не мог забыть.

Не хочу впускать в сознание того себя. Раздавленного. Со съехавшей крышей. Я же тогда чуть не убил её, и того юнца. Меня только охрана мотеля уберегла от тюрьмы. Иначе бы убил обоих и сел надолго. И осталась бы наша дочь сиротой.

Стерва! Выдыхаю едва слышно.

— Папочка, не ругайся, пожалуйста, — слышу звонкий голос дочери и вспоминаю с чего всё началось. С чего меня вдруг накрыло прошлое.

Я сейчас как раненное дикое животное. Мне очень-очень больно, нужно просить помощи у человека, которого я укусил, не подумав, а последовав инстинкту.

— Лиза, дочка, — произношу едва слышно, и в груди болезненно горит.

— Да, папуля, только не ругайся, пожалуйста.

— Обещаю. Не буду.

Конечно, не буду. Приеду, и уделаю Вику. Словесно. Стерва гребаная. Снова поступила мне наперекор, показав дочери, что мое решение — говно.

Совсем гадина совесть потеряла. Забыла, с чьей руки кормится!

Ничего. Я ей напому.

Во мне тлеют угольки добра к жене, и на их месте зреют зерна мстительности. И даже не ёкает в груди. Знаю, что прав.

Она со мной поступает грубо, и я отвечу жестко.

И даже не буду требовать, как раньше, чтобы она просила прощения.

Тоже мне умная нашлась. Хитросделанная зараза.

— Малыш, — смотрю на несчастную мордашку дочери. — Действительно мечтаешь стать артисткой?

— Не артисткой, а моделью или актрисой. Можно певицей или блогером, — глаза дочери загораются азартом.

Не хочу гасить ее мечту. Мои дети — мои наследники. Ради них живу.

— Станешь. А папа тебе поможет, — выдаю хрипло, принимая решение.

В морду автомобиля летит гравий, ударяется и я вздрагиваю. Вдруг, Алевтине не понравится моя идея? Тогда получится, что я обману собственную дочь.

Значит, не буду спрашивать жену, поставлю перед фактом. У моей дочери должны быть равные шансы с Александром. Они оба Шиловы.

Беру телефонную трубку, набираю Алевтину, сообщаю ей, что моя дочь будет жить с нами.

Супруга не рада от слова совсем.

— Как же наш сын. Ты его не любишь?

Она рехнулась? Кто и когда втемяшил ей этот бред? Я люблю детей одинаково. Только о дочери чаще думаю, потому что она далеко, и я беспокоюсь, сыта ли, обута ли, здорова ли.

А у сына миллион нянек, бабушек, дедушек. Мать сидит дома, не работает. Чего он нем волноваться? И скучать не успеваю, мы созваниваемся с сынулей даже когда я на работе.

Разговор с Алевтиной заканчивается на нервной ноте. Она так и не поняла меня, не приняла моего решения, перевезти дочь в Москву.

Черт с ней! У нас огромный дом. Дочь будет жить в другой части особняка, там даже есть свой вход. Так что могу и не встречаться.

Обнимаю руль руками, вцепляюсь так крепко, чтобы дочь не заметила, как сильно дрожат мои пальцы.

Ненавижу ругаться с Алевтиной, но последнее время именно так мы и общаемся. Жена перестала меня понимать. Совсем.

Внезапно вспоминаю, наш последний жесткий секс. Как я взял ее, а она меня отталкивала, пока не почувствовала этот ни с чем не сравнимый вкус и запах секса.

Даже сейчас вкус ее тела и губ у меня на языке и губах. А в подушечках пальцев колет и проносится ток, едва они вспоминают текстуру кожи супруги — чистый бархат.

Завожусь. Понимаю, как сильно соскучился по Аленькой.

Копец! Как всё сложно.

Если бы я так сильно её не любил!

Хочется орать во всё горло.

— Па-па! Ты берешь меня в Москву? — выпаливает дочь.

— Ты рада? — бросаю на Лизу вопросительный взгляд.

— Спрашиваешь! Ты — самый лучший папка на свете! — спустя мгновение дочь открывает рот буквой «о», и замирает на пару минут.

Отвиснув, спрашивает тихо: — А маму мы берем?..

— Извини, Лизок. Но там у тебя будет другая мама...

Алевтина

Широко растягиваю губы в улыбке и вхожу в детскую, где меня уже ждет Саша.

— Мама, — сын поворачивает голову и улыбается мне.

Сердце учащенно бьется, радуясь тому, что ребенок выздоровел.

— Сашутка! — быстрыми шажочками достигаю площадки в центре огромной светлой комнаты, заставленной коробами и полками с игрушками.

Сынок сидит на кресле-мешке, играет с железной дорогой. А я краем глаза выхватываю два игровых пульта, лежащих рядом. Понимаю, что сын приготовился играть с отцом.

Присаживаюсь на желтый мешок и продолжаю улыбаться, как стукнутая по голове.

Зато драгоценная улыбка сына медленно сходит на нет.

— Саш, в чем дело? Плохо себя чувствуешь? — спрашиваю нервно, протягивая руку к его лбу.

Сынок легко уворачивается, спрашивает с обидой:

— Папа где?

— Милый, ты уже взрослый, должен понимать, чтобы мы с тобой могли жить и меть всё это, — обвожу дрожащей рукой комнату с хорошим ремонтом, компьютером, игрушками, плазмой на стене, — папе нужно много работать. — Поджимаю губы и виновато гляжу на сыночка.

Чувство такое, будто я именно я провинилась перед Сашей.

В голубых глазах застывают прозрачные слезы. А потом они наполняются льдом.

— Он снова уехал в Сочи на стройку?

— Да.

— Ненавижу Сочи!

Аналогично, — проговариваю мысленно.

— Завтра поедem на картинг без него?

— Получается так.

Молчу о том, что завтра мы не поедem туда, куда планировали. А наша жизнь изменится до неузнаваемости — не станет этого дома, железной дороги, любимых старых игрушек. Ничего у нас не останется, кроме нас самих.

Мы освободимся от Шилова. Только пока я не решила, что буду делать с этой мнимой свободой!

И чем закончится наш побег, представить не могу.

В моих глазах сейчас полыхает огонь, и я готова спалить мужа, оставив от него лишь горстку пепла.

Он заставляет моего сына плакать, и я не прощу Глебу ни одной слезинки ребенка. Заставлю рассчитаться за каждую!

Одного не могу понять, неужели у мужа совсем нет совести. Или она у него бракованная, инвалидная, и совсем не шевелится.

— Хоть ты со мной поиграешь? — спрашивает тихо сын. — Или как обычно, играть с няней?

— Любимы мой мальчик. Я так устала, можно просто посижу рядом, а ты сыграй с охранником. Или можем вдвоем посмотреть хороший мульттик.

— Хочу только с тобой... — говорит мой насупившийся малыш. — Лигу справедливости включи. Пожалуйста.

О-о! Комиксы. Терпеть не могу.

Сладко улыбаясь, беру пульт, включаю нужный канал. Едва сдерживаюсь, чтобы не скорчить рожицу. Но я же мама — супергерой, должна всё делать с улыбкой на устах.

Придвигаю мешок к красному креслу ребенка и внимательно смотрю на экран.

Спустя пять минут гляжу на сына — он замороженно смотрит на экран, пытаюсь повторять за героями их слова и действия руками.

А я кусаю губу, любуюсь своим ангелочком, и думаю о том, права ли я.

Мама для него оплот веры, нерушимая стена, на которую можно всегда опереться, когда папа исчезает из дома.

Что будет завтра, когда я разрушу его мир и веру в семью???

Из глаз снова текут слезы.

Думала, что уже всё выплакала, пока принимала решение. А теперь снова даю слабину. Какая же я слабачка. Трусиха.

Или всё же я просто любящая мама, думающая в первую очередь о сыне?

Голова взрывается от непосильной ноши — принять решение, от которого зависит маленький мальчик.

Вроде простая истина — если муж изменил, пошли его на три буквы и уходи.

Но никто никогда не говорит, как это сделать? Когда у тебя любовь, общий ребенок.

Это же как порвать что-то живое на две части. Оно просто не выживет, умрет!

Провалившись в свои мысли, забываюсь, и начинаю плакать громче, чем хотелось бы. А плечи сотрясаются так, что мешок подо мной дрожит.

— Мама! Ты чего? — Саша замечает, что со мной происходит неладное. Поворачивается. Бросается ко мне. — У тебя что-то болит?

— Ты хотел бы иметь старшую сестру?

— Зачем? Мне и так хорошо. Не хочу девчонок в доме.

Я продолжаю плакать, не в силах унять слезы.

— Если тебе так горько, тогда я согласен на братика, — мой малыш ложится мне на колени головой. — Пусть это будет кроха — братик. Я буду с ним играть, заботиться о нем. Научу его всем играм, которые знаю сам.

— Хорошо, Сашуня. Я поняла, — натянуто улыбаюсь.

Сашенька, мальчик мой. Любимый, родной сынок. Мамина радость. Маленького братика у тебя уже не будет, зато старшая сестра есть, и она уже отобрала у тебя любовь твоего отца! А скоро приберет к рукам этот дом, твои игрушки, твою комнату.

Всё что было твоим перейдет к ней в руки.

Глеб

После кафе возвращаемся с дочерью в дом ее матери. Понимаю прекрасно, каким будет наш разговор. Вряд ли виктория обрадуется моему решению, но она сама нарвалась на грубость и жесткость.

Не умеет по-хорошему общаться, выполняя совместные родительские обязанности, будет по-плохому!

Я так решил!

— Почему так долго? — шипит на меня бывшая, едва с дочкой входит в дом. Холл здесь просторный, на стене висит плазма, и жена восседает на диване, смотрит кино.

— Мы улетаем, — выдыхаю рвано, ничего только не поясняя.

— Кто. Мы. Когда. Куда? — Вика округляет неприятно удивленные глаза. — Дочери завтра в школу. Ты в курсе? Или ты так — проходной папа, заявившийся с подарками на один денек. Тебя же твоя... — Вика закусывает губу, вовремя спохватившись, что Лиза с нами, и не должна слышать похабных слов.

— Она в отеле. Но это уже не имеет значения. Я улетаю с дочерью. В Москву. Собери вещи и документы Лизы, — даю сухо распоряжение.

— Щас. Бегу, спотыкаюсь! — задыхается от негодования жена. Отрывая пятую точку от дивана, поднимается на ноги и приближается к нам. Хищно скалится, протягивая руку к Лизе.

Дочь чувствует от матери угрозу, препятствие, поэтому прижимается ко мне крепче.

— Ни. За. Что. — Чувственные губы бывшей дрожат.

— Я уже обещал ей новую школу с бассейном и кортом, элитное модельное агентство, отдельную комнату с плазмой на стене, и много всего другого.

— Хмм! Ты же мастер не выполнять данные обещания. Так что ничего не случится, если ты заберешь слова обратно! — выпаливает зло Вика. Необдуманно. Прямо при дочери.

Тварь крашенная. *опу себе нарастила и сиськи. Ни черта не делает. Даже ребенка смотрит няня. Еще палки мне в колеса пихает.

Я в бешеной ярости, но держусь. Не могу же при дочери показать свое истинное лицо. Именно Вика всегда была мастером вытащить из меня все мое дерьмо наружу. И сегодня справилась со своей задачей.

Вика замечает мое состояние и ее губы трогает нахальная усмешка.

— Я. Забираю. У тебя. Дочь.

— Рискни. Вызову полицию, — угрожает бывшая, чем жутко пугает Лизу. Чувствую как дрожит всё ее худенькое тельце.

— Шилов, я не поведусь на твои понты. Ты из для Альки своей оставь.

— Ты моя пленница, — выдавливаю гневно. Если хочешь бабки получать и дальше, не стой на моем пути.

— Хм, — жена поджимает губы. — Угрожаешь? А если совсем лишу общения с дочкой, как тогда запоешь? Индюк рублевский сырокопченный!

Тело прошибает озноб, а страх сжимает сердце липкими ледяными пальцами.

Сердце готово разорваться от страха. Я не готов к подобному повороту событий. Вглядываюсь в дерзкие глаза женщины напротив и понимаю. Блефует. У нее сейчас на руках

карты не козырной масти, чтобы играть со мной.

— Обещаю. С дочкой всё будет хорошо. Я не подпущу к ней Алевтину. Найму хороших нянь.

— Тысячу раз говори, я тебе не поверю! — шепчет нервно.

Вика до сих пор ревнует ко мне Алю. А уж позволить моей нынешней жене коснуться или поговорить с ее дочерью никогда не позволит. Она и малышку растит в ненависти к Альке. Так и говорит: — Эта баба украла у нас отца. Купила за большие деньги.

— Мамочка, обещаю. Я буду держаться от папиной жены далеко. Не позволю угонщице подходить ко мне близко, — Лиза подает голос, пытаясь убедить мать.

Но Вика не слышит ее.

— Ты сделаешь Лизе хуже. Она моя дочь и мне виднее, что для нее будет правильно. Москва еще не значит весь мир! В Сочи есть всё то, что нужно девочке для развития.

Жена дарит мне гневные взгляды, но я будто броню на себя надел, и она не пропускает ни слова, ни колкие уничтожающие взгляды бывшей.

Только так я спасся много лет назад, когда Вика разбила мое сердце, растоптала доверие. Броник не пропускает и сейчас ни боль, ни отчаяние.

Здорово!

Зараза! Забыл спрятать глаза. Единственное уязвимое место. Через глаза питаюсь энергией у Али, отдаю детям, и Вика проникает в мой мир через мои глаза.

Быстро прячусь, уткнувшись взглядом в поясok на халате жены. Избегаю тяжелого взгляда.

— Хорошо. Я ее отпущу с одним условием. Ты возьмешь меня с собой...

— Да! Мы берем маму! — громко и радостно кричит Лиза, бросаясь к матери.

Сердце грохочет в ушах. Ситуация явно вышла из-под моего контроля. Вика как всегда меня обыграла, обошла на жизненном повороте, использовав хитрость и любовь дочери...

Глеб

Готов придушить жену за то, что она смеет перечить мне при дочери. Она же роняет мой авторитет!

Делаю интересное открытие, получается, она меня обсуждает при Лизе за моей спиной.

— Обсудим без Лизы! — говорю очень тихо, но настойчиво. Даю жене понять, что она идет по грани, за которой можно и порезаться об лезвие.

— Па-па! — недовольно тянет Лиза.

— Мама приедет чуть позже. Мы должны ей комнату приготовить, — вру нагло, успокаивая малую. — Елизавета, иди к себе, собери свой рюкзачок. Только основное возьми, без чего не можешь жить.

— Я не давала разрешения! — визжит Вика, бросаясь к дочке. Опережаю бывшую, скручиваю ее за талию. — Иди! — команду перепуганной малышке.

Лиза так сильно растеряна, не понимает, кого из нас слушать. Кому подчиняться. Вроде папа — старший в семье, но так уж получилось, что живет она с мамой — и та решает за нее всё.

Лиза убегает к себе в комнату, а Вика начинает извиваться в моих руках, как змеюка. Умудряется наклониться вперед и укусить мою руку.

— Пусти мерзавец!

— От мерзавки и слышу! Вместо того, чтобы сказать спасибо за дочь, устраиваешь истерику с представлением. Хочешь расстроить Лизу? Ты же знаешь, что у нашей девочки подвижная психика, ей нельзя нервничать.

— Вот именно! Нельзя. А ты хочешь лишить ее матери!

— Я сказал ей, что ты приедешь чуть позже. Так что успокоил малышку.

Отпускаю первую жену и спокойно наблюдаю за тем, как она дергается в сторону детской. Вовремя останавливается, разворачивается и набрасывается на меня с кулаками.

Колотит везде, где может достать — по груди, спине, рукам. Терплю молча. Мы уже это проходили пару раз — Вика срывалась на мне, фактически избивала.

Так ей легче. Что ж.

— Лжец. Ты обманываешь ребенка, а сам не хочешь брать меня.

— Ты. Мне. Никто. — Обрубаю ее неправомерные претензии. Да и мать из тебя так себе. Лизу будут воспитывать высококвалифицированные люди.

— Она — девочка! Понимаешь? Девочка-девочка! Ей нужна настоящая мама рядом. С советами, нежностью. Посторонние люди даже с дипломом «Воспитатель года» не смогут заменить самого близкого на свете человека!

— Мы закончили разговор, — отвечаю упрямо.

— Может, чуть позже ты забереешь меня? — спрашивает шепотом.

Бросаю быстрый взгляд — вижу в ее глазах надежду и мольбу.

— У тебя есть гордость? Живи своей жизнью. Найди себе хорошего кобеля, наслаждайся тем, что любишь больше всего. Делай дело, для которого рождена! Не лезь в воспитание ребенка — это явно не твое.

— Я... ты... — удушливые волны истерики снова накатывают на Вику.

Хмурюсь. Как же она меня достала.

— Ты вещи дочери соберешь?

Отчаянно мотает головой.

— Ты только все усложняешь, — смотрю на женщину с угрозой. — Давай по-хорошему.

— У тебя нет ни капли сочувствия!

Нет. Мое сердце истерзано тобою. Моя душа чуть не погибла, пока был с тобой. Только Аля смогла его залечить.

— Лизе уже десять, она может выступить на суде и сказать с кем хочет жить! — внезапно бывшая обращается к закону. Надо же!

— Вика, тебе это не поможет. Только оттягиваешь неизбежное. Назови свою цену...

— Хочешь, чтобы я продала тебе свою дочь?

— Если ты это так называешь, то да. Хочу.

— Последний раз прошу — собери ее вещи. Хотя нет, не надо. Всё купим на месте. Так даже интереснее, узнаю, что Лиза любит, что ей нравится, что нет.

— С Алькой будешь выбирать дочери вещи? Надеешься, сделать из нее вторую мать? Мачеха есть мачеха! Такая как твоя жена никогда не примет чужого твоего ребенка. Запомни!

С криков первая жена переходит на слезы.

— Я буду скучать по дочери. Как я смогу жить, не желая Лизоньке «доброе утро», или не целовать на ночь? Не обсуждать наши маленькие секретки.

— Будешь общаться по скайпу. Как я раньше, — смотрю дерзко, а в душе чувствую, что возмездие свершилось.

— Ты разрушаешь мою жизнь, — Вика прикрывает рот ладонью, чтобы загасить всхлипы.

— Ты сама разрушила свою жизнь, когда изменила мне!

— Если не соглашусь? — Викуся пытается взять на «слабо».

— Тогда лишу довольствия, — привожу последний, но самый веский аргумент.

— Я подам в суд на алименты!

— О-о! Будешь неприятна удивлена последствиям. Так что не советую. Смирись.

— Ты непробиваемый. Жестокий.

— Ты сделала меня таким. Спасибо.

— Не благодари!

Копец. Как же я устал от этого бесполезного пинг-понга. Оба знаем, что я выиграю, а она отступит. Зачем тратим время.

Внутри все вскипает. Не люблю препираться с женщинами.

Наконец, до жены доходит, что этот бой она проиграла.

Толкает меня в грудь и бьет по лицу.

— Ненавижу!

— Какая драма! — тьма в моих глазах становится гуще.

— Предатель.

— Сама изменщица, — отвечаю той же монетой.

— Как же я в тебе ошиблась. Бездушный подлец.

— Мама, папа, — слышу тоненький голос дочери, извещающей нас о том, что она слышит наш скандал.

— Лизок уже готова? — улыбаюсь Лизе. Тоненькая фигурка с большим розовым рюкзаком застыла в дверях комнаты. На дочке джинсы, розовая курточка.

Виктория делает пару шагов и застывает как истукан. Рисуется на лице самую несчастную гримасу в мире.

— Лиза, ты действительно оставишь меня?

— Мама, я буду звонить.

— Ты меня предаешь... — нагнетает Вика.

— Не смей говорить дочери такие слова! — хватаю жену за плечи, трясую.

Слезы скатываются по её загорелым щекам.

— Шестьсот. В месяц, — выдавливает бывшая очень тихо.

— Повышаешь ставки? — Раньше я платил Вике двести тысяч.

— Да. Уже жалеешь? — голос жены пропитан болью и жаждой наживы.

Дряннь. Стерва. Заноза.

Как же сейчас ненавижу Викторию. Она продает дочь, а я покупаю. Такая вот поганая игра для взрослых.

Вика заставляет меня чувствовать омерзение к самому себе.

Одновременно с этим пышу яростью и готов придушить жену.

Иду на выход. Не оборачиваясь. Лишь слышу за спиной, что плач становится громче.

— Может, вы утром полетите. Сейчас же ночь.

Я не в силах на нее смотреть, но делаю над собой усилие. Оборачиваюсь.

Вика. Такая сейчас жалкая. Разбитая. В растрепанных чувствах.

И даже не понимает, что своими руками разрушила собственную жизнь. Отняла у себя любовь, семью. Дочь.

Обняв себя руками, тихо плачет, глядя нам вслед.

Дочь замерла в дверях, кусает губы, понимая, что она виновница слез матери. Растеряно смотрит на меня.

— Беги, попросишься, — разрешаю малышке обнять и поцеловать мать на прощание. Сам же иду к шкафу с документами.

Спустя десять минут едем в машине в аэропорт.

— Ты бы поспала, всё-таки ночь, — прошу свою малышку. Она смотрит на меня невозможными чистыми голубыми глазами и шепчет:

— Мы неправильно поступили. Надо было взять маму с собой.

— Комната для нее еще не готова, — бурчу себе под нос. — Спи.

Едва дочь засыпает, как на телефон приходит смс от любовницы.

Инесса: «Ты где???»

Глеб: «Извини. Забыл про тебя. Тут проблемы вылезли. Мы с дочерью улетели в Москву».

Инесса: «А я?»

Глеб: «Отдохни. Я на два дня проплатил все услуги. Жалко. Пропадут»

Инесса: «Пошел на...»

Понятно. Выключаю телефон, убираю в карман. Спустя мгновение достаю мобильный, и долго борюсь с желанием написать любимой супруге, предупредить, что мы вылетаем. И когда она проснется утром, уже будем дома.

Внезапно вспоминаю, как тяжело она восприняла информацию, пишу краткую смс:

Глеб: «Аленькая моя, любимая девочка. Что бы с нами не случилось, буду всегда любить тебя. Любовь к тебе течет в моих венах вместо крови. Спокойной ночи».

Глеб

— Проснулась? — смотрю на дочь серьезно. Скоро наш самолет пойдет на посадку, а я до сих пор так и не поговорил с наследницей на тему совместного общежития в доме с моей настоящей семьей.

Я уже пару раз начинал этот трудный разговор за время полета, но дочь тут же срывалась в слезы, не желая меня слушать. Уж слишком ее маленькие податливые мозги запудрены матерью.

Это и понятно. За время моего отсутствия дочь превратилась в мамину дочку. Три недели — большой срок для отношения между отцом и дочерью.

Я давно отрастил толстую кожу. Мне срать, что обо мне думают и говорят окружающие. Мне начихать на проблемы и слезы всего мира. Но только не моих детей.

Я ментально очень крепкий человек, меня не сломать железом, не согнуть, не разбередить мне душу слезами.

Глеб Шилов слезам не верит, как и обещаниям.

И только Сашке и Лизе удастся сделать меня мягким и пластичным как пластилин. Только они могут лепить из меня всякие разные заковыристые фигуры. И оба об этом знают. К моему сожалению.

— Проснулась? — спрашиваю у дочери. — Хочешь в туалет?

Мотает отрицательно головой.

— Пить?

Кивает.

— Есть?

Снова мотает русой головой, и пряди волос вылетают из ее косы. Отмечаю про себя, что дочь лохматая, но вряд ли я смогу исправить эту ситуацию.

Подзываю бортпроводницу, заказываю воду и колу. Приносит через минуту.

— Умеете заплетать косы? — киваю на дочь.

В глазах девушки проскальзывает изумление от моей дерзкой просьбы, но она мгновенно берет себя в руки и отвечает поспешно:

— Да.

— Лизок, пусть она тебя заплетет. Москва должна увидеть тебя во всей красе! — Не договариваю, кого имею ввиду под словом «Москва». А дочери невдомек, что у моих слов двойное дно, с удовольствием протягивает молодой женщине расческу и резинки для волос.

Меняюсь с Лизой местами, чтобы девушке по имени Валентина было сподручнее мастерить прическу на голове моего сокровища.

Спустя пять минут Лиза забывает всё плохое, и я замечаю на ее детском, уставшем от ночного бдения лице, слабую улыбку.

— Спасибо за колу.

С затаенной надеждой ловлю каждое ее слово. Вот. Вроде бы сейчас она расположена ко мне, полностью открыта для диалога.

— Елизавета, ты уже взрослая. Тебе десять. Должна понимать, что, живя в одном доме с моей семьей будешь вынуждена общаться с ними. Нет никакого отдельного входа и этажа для тебя. Мы живем в одном большом доме — я, Алевтина, твоя...

— Мачеха!

— Вторая мама, так лучше звучит.

— Нет!

— Дочка, она хорошая. Умеет заплетать косы, разбирается в моде, знает иностранные языки. Училась в колледже в Лондоне.

— Хоть в Нью-Йорке!

— Глупышка! В Лондоне очень хорошее образование.

Моментально появляется желание решить все свои проблемы разом, отправив дочь в Лондон.

Внимательно гляжу в умные глаза Лизы, и понимаю, какой бы умницей она у меня не была, слишком мала для самостоятельной жизни.

— Ты не сможешь избегать Алевтину! — выдавливаю и сурово гляжу на малышку. Она же бросает мне в ответ затравленный взгляд. — Но ты обещал маме!

— Я хотел ее успокоить. Ты же видела, она была взвинчена и не хотела отпускать тебя со мной.

Лиза срывается в плач.

— Не хочу жить с твоей женой в одном доме. Хочу отдельный этаж. Отдельный вход, — кричит на весь салон самолета срывающимся, осипшим от слез голосом.

Вашу мать!

Почему так сложно уговаривать женщин?

Может, старею. Не хватает эрудиции.

— Я же не заставляю тебя звать ее мамой или смотреть на нее с обожанием. Нет. Милая. Ты только говори обычные слова типа: — добрый день, добрый вечер, спасибо, приятного аппетита, спокойной ночи, Алевтина. Обращайся на вы.

— Не буду! — продолжает реветь дочка.

Тяжело выдыхаю и делаю обиженный вид.

— Я надеялся на тебя. Думал, ты моя помощница. Будешь доброй, ласковой девочкой, папиной дочкой. А ты хочешь всё испортить. Зачем?

— Пусть мама приедет.

— Конечно, приедет... когда комнату ей приготовим, — снова вру. И весь горю. Как же я устал от вранья. Стопроцентно попаду в ад, куда попадают такие как я. Лжецы. Изменщики.

Я готов страдать и платить за грехи. Но не хочу делать больно своим детям, хочу, чтобы сын и дочь нашли общий язык.

Слезы дочери постепенно высыхают. За это люблю её вдвойне — у Лизы доброе сердце и она быстро меня прощает. За обман, предательство. Она меня любит по-настоящему. Как и Сашка. Только любящие маленькие сердца могут простить такого как я.

— Комната у меня будет своя?

— Конечно, будет. У Саши две комнаты, мы переселим все его игрушки в его большую детскую. А тебе отдадим игровую под комнату.

— Какие там обои? Мальчишковые?

— Не помню. — Безумно стыдно, но я действительно никогда не смотрел и не замечал обои в детской. Может потому, что я там редкий гость?

— Хочу розовые с вишенками. И диван розовый или красный.

— Я уловил твой посыл. Дизайном дома занимается Алевтина. Вместе выберите всё.

что твоей душе угодно.

— Папа, я люблю тебя! — дочка целует меня в щеку. И самолет начинает плавное снижение.

Спустя тридцать минут мягко приземляемся в аэропорту.

Надеюсь, наша встреча с женой пройдет также «мягко» — спокойно, без происшествий и скандалов.

Алевтина

Поужинав, рано ложимся спать. Нам же завтра очень рано вставать, чтобы успеть на самолет. Назар уже купил билеты и готов рисковать собою, чтобы доставить в аэропорт, пренебрегая приказами Шилова.

Глеб не разрешает нам сыном путешествовать в одиночестве, даже с охраной.

«— Моя семья может отправляться в вояж только со мной.

— Почему?

— Не хочу, чтобы люди думали, что я плохой муж, оставляю семью в момент отдыха. Хорошая семья — полная семья».

Грозный мужской голос стоит у меня в голове, пока я ворочаюсь, пытаюсь уснуть.

Едва удастся избавиться от гипнотизирующего голоса Шилова, как мой мир раздирает другой голос. Противный, надменный. Женский.

Снова проваливаюсь в события четырехмесячной давности.

«— Я разведусь с мужем! — говорю решительно, убирая телефон с видео, на котором мой муж нежится на солнце с Викторией. Минуту назад узнала, что у супруга другая семья. И теперь мне нужно принять верное решение, что я и делаю.

В ответ слышу истерический женский смех. Бросаю растерянный взгляд на любовницу мужа Инессу.

— В чем дело? — понимаю по тону и выражению лица, что она знает намного больше, чем говорит.

Немного обидно, всё-таки я жена Глеба, а она всего лишь жена партнера.

— Рискни и увидишь на что способен твой муженек!

— Не понимаю твоих намёков, — вжимаюсь в стену.

— Он тебя давно ободрал как липку. В курсе, что ты голая? Ну не в плане одежды, — усмехается Инесса, перекладывая волосы с одного плеча на другое. — Дом, бизнес — всё давно принадлежит Глебу.

— Это ложь! — повышаю голос.

Кровь бешено пульсирует, и голова кружится. Глеб просил меня немного похудеть, сказа, что я набрала лишние пару килограмм, поэтому последние недели хожу полуголодная.

Видимо, из-за этого я сейчас как на карусели.

— У тебя ничего нет! Но если ты пообещаешь уйти от Шилова, тогда я познакомлю тебя с адвокатом. Он сможет помочь тебе противостоять твоему мерзавцу.

Меня всю трясет. Что такое говорит эта женщина. Почему лезет в финансовые дела моей семьи.

— Что тебе с этого?

— Мне нужен Шилов. А ещё согласна на одну треть денег Глеба. Ой, прости. Денег твоего отца.

Как же хочется вжаться в стену, слиться с ней и не существовать в этот момент времени.

— Ты же сама богатая!

— Уже нет. Супруг поймал меня на измене и лишил денег. Я по нулям.

— Ты разводишься?

— Нет, что ты. У нас всё хорошо, только мой благоверный решил сделать из меня собаку, которая будет жрать только у него с рук. А меня не устраивает подобный расклад. Я старалась ради другой жизни, — пышногрудая девушка обводит рукой свое тело, лицо. Явно претерпевшие хирургические изменения.

Продолжаю трястись. Поверить не могу, что всё вышесказанное правда. Меня обвели вокруг пальца.

Не мог же Глеб испортить мне жизнь целенаправленно и злонамеренно.

Что это? Чистая случайность или продуманный план?

Но зачем? Он меня любит.

Нет, не любит. У него другая семья, о которой он мне не соизволил рассказать!

Никак не могу смириться с мыслью, что муж меня предал.

Как и зачем Глеб рискнул пойти против меня?

Вспоминаю, как два года назад муж попросил меня полностью отойти от дел, чтобы заняться сыном.

Получается, уже тогда он придумал этот грандиозный план по захвату всего, что принадлежало мне.

Выходит, он что-то задумал. Развестись и жениться на Инессе? Или на бывшей, которая ему изменила?

Глеб терпеть не может гулящих женщин. У него на них аллергия. Он не приветствует свободу в интимных отношениях. Только не он!

Я же видела, как сильно он одержим бизнесом. Думала, старается ради семьи, и нездоровая одержимость скоро пройдет.

Чем я думала? Куда смотрела!

Чувство, что меня растоптали, предали трижды за сегодняшний день давит, разрывает меня.

Слезы текут ручьем и ненависть к предателю затапливает.

Как дальше жить? Без копейки денег, но с расходами, к которым я привыкла. Вечно ходить с протянутой рукой, просить у мужа закинуть пару тысяч на карту? Чувство неполноценности сжирает меня.

Конечно, я бы могла вернуться на работу, работать на удаленке, но уверена на сто процентов, Шилов откажет мне в этом праве.

Странная мысль пронзает мой мозг — Глеб присвоил всё себе, желая унижить меня? Напомнить о тех годах, когда он спрашивал у меня разрешения на каждую покупку.

Если это такой вид мести, то очень жестокий.

Эмоции рвутся наружу, но не хочу показывать их при его любовнице. Еще один вид унижения, придуманный для меня Глебушкой.

— Ничего уже не исправить. Если деньги перешли к нему, пусть так. Он мой супруг. Мы любим друг друга, никогда не разведемся. Точка. Тебе пора.

— Черт-те что! — Инесса тычет меня в плечо. — Алевтина, не узнаю тебя. Перестань быть женой, матерью, стань просто человеком. Шилов вытер об тебя ноги, верни своё достоинство!

— Я его люблю!

— А он тебя...

Молчу.

— Короче. Поступим так. Хочешь быть жертвой, будь ею. Но если передумаешь, то у

меня есть адвокат на примете. Он поможет тебе выйти из ситуации, в которой ты глубоко увязла.

— Из ситуации? Мой брак и годы счастливой семейной жизни ты называешь «ситуацией»? Убирайся! — теряю голову от гнева, выталкиваю женщину.

Она уходит, а я еще долго содрогаюсь в беззвучном плаче. Прикрываю ладонями рот, чтобы не кричать и не пугать домочадцев»

Переворачиваюсь на другой бок. Тяжело вздыхаю, выбрасывая тот день из памяти.

Адвокат...

Может пришло время взять его номер телефона?

Телефон вибрирует, и я беру его в руки, чтобы взглянуть на экран. Хочу надеяться, что на том конце супруг и он хочет сказать мне, что разговор о приезде дочери был всего лишь проверкой на вшивость и преданность. И я не прошла проверку, но в этом нет ничего страшного. Потому что он меня любит больше жизни.

А всё остальное — чередой случайных случайностей.

Номер незнакомый, но я отвечаю...

Алевтина

— Здраваться не буду, спокойной ночи желать тоже не хочу, — слышу красивый женский голос в трубке.

— Представьтесь, пожалуйста, — говорю машинально. Сердце давно подсказало с кем говорю. Только один человек на всем белом свете посмел бы позвонить в столь поздний час и побеспокоить постороннего человека. Почти постороннего, если не считать того, что наши дети приходятся друг другу братом и сестрой по отцу. А значит мы связаны с оппоненткой незримой нитью крови через своих детей.

О чем лично я сильно сожалею, и даже если бы могла вернуться в прошлое, то не смогла бы ничего исправить.

Ничего.

— Виктория, мама Елизаветы, дочери твоего непутевого и упрямого мужа. Который забрал дочку и сейчас летит с ней к тебе.

— Ко мне? — машинально сжимаю трубку так сильно, что пальцы немеют.

Наверное, это такая злая шутка.

— Что ты думала, когда уводила из семьи женатого мужчину?

Нервно сглатываю ком обиды, застрявший в горле, едва слышно шепчу:

— Я не знала, что Глеб был до меня женат. Честное слово. Если бы он сказал, что у него есть жена и дочь, я бы не посмела. Я бы приказала себе не любить!

Обвинение первой жены впивается в душу. Колкие слова ранят.

— Неисправимая лгунья! Так ты захомотала его в сети? Или сексом приманила? Ах нет! Деньгами своего папочки!

— Я не...

— Ты хоть знаешь, что этот козел бросил меня беременную с двухлетней дочкой и укатил к тебе?

— Беременную?.. — спрашиваю с замиранием сердца.

— Удивлена? Я тебе очень много могу рассказать про твоего «любимого».

В этот момент понимаю, что не выдержу горькую правду, а то, что она будет именно такой, не сомневаюсь ни минуты.

Слишком поздно отказываться. Я уже ответила на звонок, и Вика намерена припечатать меня так, как не удавалось никому за всю жизнь.

— Я была на третьем месяце, а он обвинил в неверности. Ему было очень удобно скинуть меня как ненужный груз. Зачем ему в городе перспектив, где полно богатых невест, прицеп в лице бедной жены и малютки?!

Слышу в трубке рваное тяжелое дыхание.

— Мне жаль — мой голос подрагивает.

— Жаль? Издеваешься? На нервной почве у меня случился выкидыш, и я не могу забеременеть уже восемь лет. Ты лишила меня возможности стать матерью во второй раз! Гадина! — выдыхает соперница злобно.

И я облегченно выдыхаю, что она не здесь. Не рядом. Иначе оттаскала бы меня за волосы или хуже того — поубивали бы друг друга.

— Надеюсь, пока я страдала, убивалась, вам двоим было хорошо? Секс, море, золотой

песок Мальдив. Отметили мое горе? Мою потерю?

Мне сейчас очень тяжело, потому что мы действительно восемь лет назад ездили с Глебушкой (тогда я называла его так) на Мальдивы. Представить не могу, что чувствовала Вика в тот момент.

Конечно, последние месяцы заставили меня разочароваться в супруге, но эта исповедь брошенной жены добивает окончательно. Убивает веру в супруга.

Моё сердце распадается на миллион осколков.

Начинаю всхлипывать прямо в трубку, чем сильно радую оппонентку. Давлю в себе всхлипы и слезы. Дрожу в ожидании очередной порции негатива от женщины с красивым голосом.

— Ладно, — выдыхает зло Вика. — Звоню тебе по другому поводу.

Как же больно. Рыдания прорываются наружу, и я не могу остановиться.

— Прекрати! — командует мною первая супруга Глеба. — Ты мне должна. За мужа. Пришел день для расчета между нами. Я хочу, чтобы ты сделала так, чтобы Лиза разочаровалась в отце и вернулась домой. Иначе...

— Иначе?.. — повторяю на автомате. — Я вытащу наружу грязное белье всей твоей дрянной семейки! Даже не представляю, как твой сыночек будет жить в новой для себя реальности. Ни почета, ни уважения. Одна боль... В школе его будут дразнить, буллить. Как тебе такой расклад?

Рывком поднимаюсь с кровати, прижимаю трубку к губам, шиплю как разъяренная дикая кошка:

— Никогда. Не смей. Угрожать. Моему. Сыну! — выключаю телефон и мысленно бросаю его в стенку. С грохотом разбивается — в моем сознании.

Бросаю телефон на кровать. Стремительно бросаюсь к стулу, где меня ждут джинсы, футболка, ветровка и кроссовки.

Одевшись в крошечной темноте, подхожу к зеркалу, гляжу на свой силуэт. Но ни черта не вижу. Только представляю решительное лицо и пылающие уверенностью серые глаза.

На голову водружаю кепку с козырьком. Бросаю взгляд в окно — ночь окутала холодом всё вокруг. И мне от этого становится легко на душе — сегодня темнота послужит добрым другом.

Вытаскиваю из-под кровати сумку. Свою.

— Какого? — сажусь на колени, шарюсь руками под кроватью — второй сумки нет.

Паника растекается по крови.

Делаю шаг к двери и тут же сталкиваюсь с высоким темным силуэтом. Мужским. Он мягко подталкивает меня назад, давит на плечи...

Слишком остро воспринимаю происходящее, вскрикиваю, но мужчина успевает вовремя зажать мой рот рукой. Дышу только носом, вдыхаю острый необычный запах ночного гостя — парфюм перемешанный с запахом кожи.

Хочу вырваться, но слишком поздно...

Глеб

Под утро подъезжаем к особняку.

Двухэтажный загородный дом встречает нас приветливо. Двухэтажный роскошный коттедж был построен моими рабочими под моим руководством. Всегда мечтал жить в доме, построенном по собственному проекту. Спустя десять лет мечта превратилась в реальность, благодаря фирме, перешедшей по наследству от отца Алевтины.

Дом изящный и компактный, занимает не так много места на участке. Но вместительный. Зараза!

Лиза удивленно глядит в окно автомобиля, и я вижу по ее недовольному личику, что ей не нравится.

— В чем дело? Не нравится?

— Похож на большую какашку!

Обидно. Если учесть, сколько времени и любви вложено в этот дом. Ну да благородная кирпичная кладка почти шоколадного цвета, вот и вызвала подобные ассоциации. Но декор светлого цвета и покрыт белой штукатуркой. Высокие окна, ажурные балконы — всё отделано этой штукатуркой.

Легкая крыша с круглыми окошками.

— Там сделаем тебе игровую! — показываю на одно из окошек.

— Па-па! Я уже взрослая. Мне не нужна игровая!

— Ладно, сдаюсь быстро. — Останавливаю автомобиль рядом с крыльцом. Выхожу сам, помогаю выбраться дочери.

Лиза выходит, оглядывается по сторонам. Удивленно округляет глаза, глядя на ёлки.

Мы с женой это место выбрали именно из-за соснового бора, здесь так красиво и воздух обалденный.

— Не люблю ёлки! Посади кипарисы, — капризничает дочь.

— Милая, выбор деревьев зависит от местности, в которой построен дом, — стараюсь быть деликатным, спокойным, объясняя ребенку прописные истины.

— Папочка, разве ты не понимаешь? Я хочу чувствовать себя как дома, — Лиза грустно смотрит на меня.

— Ладно, подумаю, как исправить ситуацию.

Даже представить не могу, как сообщить жене или сыну о том, что Лиза просит уничтожить ряд елок рядом с крыльцом и на их место воткнуть кипарисы.

Сашка точно расстроится, для него каждая ель — живое существо, друг. Он им даже имена давал, когда ему было пять.

Тяжело выдохнув, подхожу к багажнику, забираю сумки, и подталкивая дочь перед собой, веду ее в дом.

— Назар, всё спокойно? — спрашиваю начальника охраны, встречающего меня в гостиной моего дома.

— Да. Глеб. — Глядит на меня откровенно нагло. Чем очень сильно злит.

В темных глазах мужчины плещется нечто такое, от чего хочется взять пистолет и прострелить ему башку, чтобы больше не смотрел, не угрожал мне.

Жаль. Не могу это сделать. Не имею права.

Отец Али приставил ко мне этого бугая восемь лет назад под предлогом, что он будет заботиться обо мне, станет моей правой рукой в делах охраны дома и на объектах.

Но я не дурак.

Как бы Назар не выказывал мне своё почтение после смерти настоящего хозяина, понимаю, что объектом его защиты является моя жена. Ну и сын заодно.

Ладно. Время придет, избавлюсь от него.

— Ночью ничего странного в доме не произошло? — спрашиваю издевательским тоном.

— Всё спокойно, — отвечает жестко. Не теряя времени даром, бегло сканирует мою дочь.

Не хочет колоться. Прячет настоящие эмоции и чувства за маской.

Понятно.

Тварь! — эмоции захлестывают меня.

Почему не рассказывает о том, что Алевтина пыталась сегодня ночью сбежать? Я ее муж. Мой долг знать о ней всё!

Если бы не мой человек, остановивший Алю, я бы сейчас приехал в пустой дом.

Сердце грохочет, по телу проносится озноб.

— Майя! — кричу в глубь дома. — Подойди, пожалуйста.

— Глеб. Время шесть утра, Майя еще спит. Может, я вам помогу?

Майя наша домоуправительница, и я хотел поручить ей устроить место для дочери, чтобы она могла поспать. Ночь была ужасной, и Лиза явно не выспалась.

Даже сейчас мой воробушек уже упал в мягкое кресло и спит.

— Давай ты! Уложи ее в мою постель, а я к жене пойду спать. Устал чертовски, да и поговорить надо, — пристально смотрю в глаза Назара.

Гад. Ни один мускул не шевелится на его лице. А ведь он наверняка гадает, как так вышло, что Алевтина не смогла улизнуть из дома. Он же всё приготовил для этого побега. Ворота открыл, охрану усыпил, камеру выключил.

Всё предусмотрел, только не знал одного — у меня в доме ест свой человек среди обслуживающего персонала.

Прищурившись продолжаю глядеть на мощную шею и мускулистую грудь Назара. Интересно, если бы мы схлестнулись, кто бы победил?

И какой у него интерес к моей жене?

Вот самый важный вопрос, на который я должен найти ответ.

— Глеб! Мы пойдем? — Назар продолжает сверлить меня дотошным взглядом.

— Милая, иди с ним. Я разбужу тебя к обеду, — наклоняюсь, целую дочку в щеку.

А сам поднимаюсь к жене. Безумно соскучился по ней. Весь горю от желания поскорее обнять и затискать все ее выпуклости.

Толкаю дверь ногой, вхожу, по дороге к кровати сбрасываю с себя одежду.

В комнате темно, большие окна закрыты кофейными плотными шторами.

Душно, всё пропитано запахом парфюма Али и этот аромат чуть перебивает аромат кислинки от пота.

Включаю ночник у кровати. Хочу любоваться женой.

Женская фигурка лежит в позе эмбриона, сверху накинуто тонкое одеяло. Голова с русыми перепутанными прядями покоится на мягкой подушке.

Касаюсь нежно женского плеча. Кожа очень горячая.

А я моментально начинаю дрожать от желания.

— Девочка моя, — шепчу пересохшими губами. Переворачиваю Алевтину на спину, сбрасываю с нее одеяло и передо мной открывается прекрасный вид. Тонкая шелковая сорочка облепляет все выпуклости.

Пальцами провожу по шее с бархатной кожей. Залипаю на родинке справа. Сначала пальцами, потом губами.

— Куколка моя. Нежная.

Наклонившись над женой, внимательно наблюдаю, как она тяжело просыпается. Приоткрывает глаза и с ужасом и непониманием смотрит на меня.

— Соскучилась? — не даю Але ответить, накрываю ее сухие губы своими.

Мои руки на ее упругих бедрах.

Ее ногти царапают мою спину.

В комнате очень жарко и пахнет нами.

Спустя пять минут скатываюсь с Али, откидываюсь на подушки. Тяжело дышу, продолжая гладить молчащую супругу.

Неужели она думает, что я когда-нибудь дам ей уйти от меня?

— Глеб, мы должны развестись, — спокойно сообщает жена.

Алевтина

— С чего бы это? — Глеб прикусывает губу и смотрит на меня таким взглядом, будто я порю несусветную чушь. И вообще лишилась рассудка, и он мне очень сильно сочувствует.

— Это... это... — собираю эмоции в кулак. Не хочу сейчас ни плакать, ни ругаться. Всё чего мне нужно, так это конструктивного диалога с неверным мужем. По совместительству отцом моего сына.

— Действительно не понимаешь, как унизительно ложиться в постель с мужчиной, который только что вылез из койки другой женщины. Я... я будто облита какой-то грязью. Внутри. Снаружи, — провожу руками по бедрам, животу.

И мне действительно кажется, что я липкая и неприятная на ощупь.

— Во-первых, сегодня я никого не трахал. Во-вторых, у тебя началась какая-то ненормальная фобия. Тебе нужно записаться на онлайн приемы к нашему психотерапевту!

Едва сдерживаюсь, чтобы не закричать. Не запустить в мерзавца чем-нибудь более жестким и угрожающим, чем подушка.

— За что ты так ненавидишь меня? — лишь спрашиваю тихо, абсолютно смирившись с мерзкими словами лживого супруга. — За что?

Я была верной женой. Ради тебя и нашего сына научилась готовить, печь, шить. Потому что всегда хотела всё делать своими руками для своих любимых мужчин.

Я ушла их бизнеса, когда ты попросил не маячить и не отсвечивать. Ведь после смерти моего отца все видели во мне его преемницу, и тебе это мешало. Тебя это страшно раздражало. Отдала тебе бразды правления не только внешне, но и подписала все документы.

Я хотела видеть в тебе главу нашей семьи.

Я хотела, чтобы ты чувствовал себя наравне со мной...

Не сразу понимаю, что сказала то, что думала. То, что нельзя было говорить. Никогда. Даже под страхом пытки и смерти.

— Стоп! — голос мужа врзается мне под дых. Резкий. Неожиданный. Очень неприятный.

Вздрагиваю.

Муж поднимается и подходит ко мне, становится так близко, что я слышу его тяжелое дыхание, аромат, сотканный из соков, пота и парфюма.

Действительно. Сегодня Глеб не пахнет телом чужих женщин. Надо же!

На мгновение забываю какую опасность для меня представляет супруг, люблюсь им, как мужчиной.

Высокий. Широкоплечий. Русоволосый. С узкими губами и красиво очерченной линией рта. Пристальным взглядом теплых ярко-голубых глаз. (Но не сегодня. Сейчас они ледяные).

С аккуратной щетиной, которую Глеб холит и лелеет также как и своё рельефное тело.

Надо сказать, для тридцати трех Шилов выглядит отлично.

Шикарный подонок!

К сожалению, супруг замечает, что я зависла, пользуется моментом.

Ловит мои запястья и крепко прижимает к своей оголенной мощной груди.

— Сама услышала, что сказала?

Не собираюсь признаваться. Не на ту напал!

— Именно из-за твоих закидонов всё это и случилось! «Я, я, мне, мне». Вечные обсуждения кто кому ровня. Да ты даже когда ничего такого не говоришь, умудряешься взглянуть так, что без слова понятно, оппонент тебе не ровня!

— Думаешь, ты сама пошла на курсы готовки, шитья, ухода за вещами? А? — пытается муж словами. — Аленькая, вспомни, как это было! Очень важно!

Пытаюсь вспомнить первый свой раз, когда Глеб попросил меня самостоятельно приготовить блюда к годовщине.

— Да-да. Именно к ситцевой свадьбе я хотел получить от тебя подарок.

— Что? Не понимаю!

Я действительно ни черта не понимаю!

Почему Шилов обсуждает вопросы быта шестилетней давности?

Зачем настаивает на ненужном воспоминании?

В крепких тисках Глеба не могу ни думать, ни вспоминать.

— Я мечтал унижить тебя, — неожиданно сообщает супруг. — Ты же тогда была белоручкой, привыкшей, что папочка оплатит труды прислуги.

— Унизить? По твоему мнению, если богатая девушка приложит руку к тому чтобы всё было выстирано и выглажено. Чтобы муж был накормлен не едой из ресторана или блюдом, вышедшем из-под руки лучшего шеф-повара в столице, это оскорбление?

Женщина — хранительница домашнего очага. Она должна и обязана ухаживать за собственной семьей, если у нее есть время и желание!

Глупая издевательская ухмылка рождается на губах супруга.

Но глаза кричат другое! Глебу нравится слышать то, что я говорю. То, что я старалась не ради того, чтобы доказать ему, что такие как я — белоручки могут справиться с любой проблемой.

— Ты никогда мне не доверяла. Поэтому я попросил тебя подписать документы на передачу мне акций и твоей доли в недвижимом имуществе.

— Я подписала.

— Спасибо. Мне было необходимо знать, что ты мне доверяешь.

— К чему ты клонишь? — ощущаю, что захват становится более крепким. Муж прижимает меня так сильно к своему натренированному телу, что у меня ребра хрустят.

— Вчера ты предала доверие...

В ужасе округляю глаза.

Алевтина

Глеб стоит очень близко. И мои мысли в голове моментально перемешиваются, превращаясь в кашу.

Прикрываю глаза, пытаюсь сконцентрироваться на проблеме. Вернее, на обвинении в недоверии и обмане!

Становится только хуже, путанные мысли заводят в тупик, и я не могу расслабиться. Волнение захлестывает меня так сильно, что руки холодеют. Да еще это рванное возбужденное дыхание мужа над ухом не дает сосредоточиться.

Широко распахиваю глаза и тут же натываюсь взглядом на крепкий торс.

Давлю в себе желание оттолкнуть мужчину, убежать подальше от него. Но понимаю, что сделаю только хуже. Таким взбешенным я еще мужа не видела.

Подняв глаза чуть выше мужской груди, сталкиваюсь с ненормально горящим ярко-голубым взглядом глаз, похожих сейчас на льдинки.

Смотрю расфокусировано, скольжу по волевому подбородку, ухоженной светло-русой щетине. Демонстративно молчу.

Глеб склоняется к моему лицу и расстояние между нами пугающе сокращается.

— Я знаю, когда ты мне врешь! — яростно шепчет в губы.

В следующее мгновение принимаю решение заговорить, но мужчина не дает сказать ни слова — впивается в мои губы жадным страстным поцелуем. Целует так, что я растворяюсь в нем снова.

Поднимаю руку и пальцами касаюсь любимого.

Безумно хочу зарыться в его волосах пальцами, чтобы ощутить тепло. Погладить рельефную спину мужа, и вспомнить, какой он у меня сильный. Обнять за плечи, и вспомнить, что когда-то рассчитывала, что со временем, когда стану матерью его детей и буду заниматься их воспитанием, отойдя от дел, смогу опереться на Глеба и не думать о хлебе насущном.

Дикое желание мужа передается мне. Его сумасшедшая энергетика засасывает в воронку. Боюсь даже представить, что будет дальше! Зачем Глеб снова хочет заняться сексом вместо серьезного разговора?

Бойтся, как и я?

Едва успеваю подумать, как мужская рука нежно касается моего бедра. И я тут же проваливаюсь глубоко-глубоко, куда-то лечу в бездну.

Глеб тяжело дышит и ведет себя как хищник. Как провокатор.

В следующее мгновение острая боль пронзает мое бедро. Его сжимают тисками с такой силой, что невозможно терпеть боль. Вскрикиваю и бью Шилова в грудь.

— Больно!

Из глаз бегут слезы. А внутри меня умирают все мысли разом. Нет ни одной. Ничего больше нет. Только острое ощущение боли. Чувствую, как горит кожа на ноге.

Пытаюсь оттолкнуть от себя мужа, но он не отлипает. Ведет себя как ненормальный! Целует мое тело, прикусывая кожу. Каждое касание вызывает во мне вскрики. Но вместе с болью ко мне приходит странное сладкое ощущение неги. Таких странных ласк у нас никогда не было. Вся дрожу, при этом испытываю странный дискомфорт.

Глеб явно чего-то добивается и ведет себя так неспроста.

Смакует каждый укус-поцелуй, растягивает удовольствие.

Сердце колотится в груди. Оно так стучит. Громко. Очень громко. Словно еще один удар и пробьет грудную клетку, вылетит наружу. Я на пределе. Еще один жалищий укус в грудь. И я пытаюсь выбраться из капкана. Дергаюсь. Но зажата так сильно, что нет возможности уйти.

Шилов, опьяневший от желания и какого-то звериного чувства — сожрать меня, добирается до моей шеи.

Засасывает кожу так сильно, что я уже кричу, не церемонясь с тем, что меня услышат домочадцы.

— Больно!!!

— Готово! — супруг отпускает меня и я, покачиваясь, едва удерживаюсь на месте.

— Что ты натворил??? — бросаюсь со всех ног к окну, открываю шторы. Осматриваю свои руки, грудь. Шепчу: — что ты сделал со мной? Мерзавец!

Приближаюсь к зеркалу и бросаю на себя быстрый взгляд.

Все мое тело, грудь, шея покрыты засосами! Синяками — отметинами странной формы. Я вся в этих гадких кровоподтеках. Как какая-то малолетняя шлюшка!

— Что ты наделал? — из глаз текут горькие слезы.

— Не нравится? А мне нравится. Я пометил тебя, чтобы напомнить, что ты моя. Когда в следующий раз соберешься бежать... прихватив моего сына... подумаешь сто раз о том, что последует за этим.

Глеб подходит ко мне со спины, прислоняется грудью к моей горячей от его засосов, крепко прижимается.

— Я твой, ты моя. Аленькая, давай без сюрпризов. У меня сейчас очень тяжелый период жизни. Не хочу волноваться за тебя, сына. Кстати, дочка спит пока в моей постели. Нужно будет организовать для неё место. Много места — для танцев, пения, учебы, сна. Подумай. Может, сына к себе в комнату пока забереешь? Кстати, Лиза просит срубить елки у входа и посадить на их месте кипарисы. Займешься этим или я сам? Надеюсь, ты возьмешь эти обязанности на себя. Будешь хорошей мачехой.

Не понимаю слов. Будто слышу инопланетную речь.

Не дышу. — Воздух отравлен Глебом.

Не думаю. — Бесплезно. За меня уже всё решили.

Не ощущаю. — Не хочу.

Кажется, я умерла в адском огне, в котором сейчас горит моя кожа.

Супруг целует меня в плечо и смотрит на меня в зеркало.

— Прикрой засосы и приготовь завтрак Лизе. Сама. Не знаю, что она ест, спросишь у неё. Мне пора в офис.

Шилов поспешно собирает одежду с пола, одевается и уходит в свою комнату, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Дрожащими пальцами убираю мокрые от слез пряди темных волос с лица.

Раскачиваюсь на пятках, соображая, как сбежать из этого дома. Любимого родного. Внезапно превратившегося в темницу.

— Стоп!

Приходит понимание того, что случилось сейчас. Сегодня. Четыре месяца назад.

Не имею права уйти просто так, оставив без защиты ёлки, комнату сына, его игровую.

Я должна отвоевать своё. Отомстить за себя.

Алевтина

Пока принимаю душ и одеваюсь в одно из лучших домашних платьев, чтобы произвести впечатление на падчерицу, проваливаюсь в день нашего знакомства с Глебом.

Восемь лет назад

Мне восемнадцать. Отец организовал пышное празднование величайшего события.

А я даже не поблагодарила его за это, посчитав данностью, данной мне от рождения, получать что хочу, когда хочу.

— Папа, я могу пригласить, кого захочу? Всех-всех-всех? — интересуюсь, одаривая отца обворожительной улыбкой, под воздействием которой он всегда ломается.

— Да, милая. Только я тоже приглашу своих гостей. Позволишь? Всё-таки это и мой праздник. Я же причастен к твоему рождению.

— Только маму не зови! — вспыхиваю моментально.

— Ладно-ладно, — соглашается и смотрит на меня с укором.

(Мама бросила нас с папой, когда я была совсем маленькой и объявилась недавно с мольбой о прощении. Но я не приступна, как скала. Не хочу давать ей второй шанс стать матерью. У нее уже есть свой сын, пусть его и любит).

— И стариков чтобы было поменьше, а то моим друзьям будет не комфортно, когда они начнут заказывать у музыкантов шансон!

— Хорошо. Приглашу молодых менеджеров? Идет? Парнишка у меня помощник появился толковый. Присмотрись к нему. Парню двадцать четыре. Закончил металлургический. Толковый управленец из него выйдет!

— Ладно.

Спустя сутки в нашем доме собрались гости. Красивые. Нарядные. В основном, из нашего круга, и те, кого пригласил отец.

— Алевтина, познакомься, — отец подводит ко мне молодого долговязого человека.

Громко играет музыка, и я плохо слышу, что говорит парень, кажущийся мне стариком.

О боги! Он старше меня на шесть лет!

Протягиваю ему руку, он жмет. А я думаю лишь об одном, как бы поскорее отвязаться от него.

Ладно. Не буду расстраивать отца. Сделаю вид, а потом отошью.

На мне вечернее платье, заказанное у лучшего дизайнера Москвы. Придерживая длинный подол, спускаюсь по ступенькам к бассейну, и кто-то ловит меня за локоть.

Оборачиваюсь.

Я совсем забыла об этом долговязом Глебе, а тут он.

И совсем не в моем вкусе. Огромные голубые глаза такие наивные и преданные, аж бесит.

— Алевтина, у меня для вас подарок, — парень протягивает мне дешевую коробочку. Смотрю на подарок из-под длинных приклеенных ресниц.

— Что это?

— Подарок! — открывает. И на меня смотрят сережки. Маленькие, аккуратные, из белого золота с жемчужиной розового оттенка.

— Не ношу такое!

— Прости?

— Ну. Это как бы мовитон. К серым глазам не подходит.

Пару минут парень смотрит на меня молча.

— Мовитон? Ты хоть знаешь значение этого слова?

— А должна? — не удержавшись, смеюсь громко. Беру Глеба за руку и вкладываю сережки в ледяную ладонь.

— И имя у тебя немодное! Если ты переехал в столицу, будь в тренде — смени имя.

Парень напрягается, и я замечаю, как перекашивает его бледное лицо.

Жду. Очень хочу, чтобы он ответил мне так, как я заслуживаю. Послала меня подальше.

Нагрубил.

Но нет. Молчит. Как и все подхалимы, работающие на моего папочку.

— Глеб, ты забавный.

Замечаю, что десятки глаз следят за нами и глаза моего парня также. Поэтому громко смеюсь.

— Не нужно больше ухаживать за мной. Ты мне не пара, — фыркаю я. — К тому же старый.

Парень окончательно сходит с ума от злости. Фырчит.

И я обманываюсь. Останавливаюсь, проявляя к нему интерес. Жду, когда он снова вступит в игру.

— Алька, ты скоро, — кричат парни и девушки из моей компании.

— Иду!

— Я тебе не нравлюсь потому что не из твоего круга?

— Отстань, — делаю шаг в сторону. И в этот момент меня хватают за руку. — Алевтина, никогда не уходи от меня, когда я с тобой разговариваю, — цедит сквозь зубы новый помощник отца, и я в шоке смотрю на него.

— Что. Ты. Сказал? — спрашиваю тихо.

— Если я проявлю себя и стану топ-менеджером, пойдешь со мной на свидание? — спрашивает тихо.

Смеюсь. Но уже тихо и нерешительно.

А парень больше не злится. Выжидательно смотрит мне в глаза своими невозможно-внимательными голубыми.

И я вижу в них такой огонь, что во мне просыпается любопытство и соревновательный дух игры.

— Даю тебе год!

— Справлюсь за шесть месяцев! — Глеб явно ещё тот игрок, моментально включается в спор.

— Даже не знаю, сколько стаканов кофе тебе придется принести топ-менеджерам моего отца, сколько выпить с ними водки, чтобы войти в их круг. Это невозможно!

— Посмотрим! — разворачивается, чтобы гордо уйти.

— Сережки оставь! — выхватываю у Глеба из руки коробочку.

Обиженный парень уходит, зато ко мне подбегает подруга.

— Зачем ты с ним так?

— Он же никто!

— А ты? А я? Мы без своих отцов тоже никто!

— Отстань! — недовольно пожимаю плечами. — Идем веселиться, — иду за подругой, но мой взгляд провожает Глеба.

Настоящее

Открываю нижний ярус шкатулки с цацками, достаю старые серьги — простые, дешевые. Но такие дорогие моему сердцу.

Глеб

Поднимаюсь к себе, злой как черт. Принимаю душ, переодеваюсь. Бужу дочь.

— Лиза, чистить зубы и завтракать. Алевтина уже спустилась на кухню, скоро нас позовут.

— Не буду есть еду твоей жены!

— Это еще почему? — бурчу себе под нос.

— Вдруг она меня отравит? — округляет огромные голубые глаза.

— Еще раз такое услышу, накажу рублем! — рявкаю тихо, но внушаю дочке трепет.

Теперь, когда ее мать далеко, могу воспитывать наследницу так, как считаю нужным.

Лиза моментально убегает в ванную, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Восемь лет назад

Алевтина возвращает серьги, и я понимаю по взгляду девушки, что не понравился ей совсем.

— Поверить не могу! Она отвергла меня. Отправила восвояси, сказав, что я ей не пара. На так выгляжу. Не вхожу в топ-менеджмент! — жалуясь другу, такому же приезжему парню как я.

— Глеб, ты рехнулся? — напарник округляет глаза.

Нет. Я не рехнулся. Возможно меня занесло — что решил завоевать дочку босса. Но это лишь моя месть Алевтине за то, что унизила.

Всё в ее мире продается и покупается, и мужчин она оценивает по этому критерию.

Тачка. Деньги. Дорогие подарки.

Накаченное загорелое мужское тело.

Значит, так и поступлю. Стану «человеком», как это называет Аленькая, соблазню ее. Влюблю в себя. И кину.

Мне она не нужна. Не из-за того, что характер у нее не очень. Я бы согласился укротить строптивую. Это вызов Глебу Шилову, а я умею и люблю принимать вызовы.

Но здесь другое! У меня. Уже. Есть. Жена. Вика Сазонова. И я ее люблю. У нас с супругой лишь одно разногласие — она любит деньги и отправила меня в Москву зарабатывать большое бабло.

«В столице стройка идет круглосуточно, там море объектов. Езжай! Я взрослая, справлюсь с годовалой дочкой. А тебе я верю, поэтому отпускаю одного. Главное, держись от женщин — охотниц подальше!»

— Я не рехнулся! — наконец выдавливаю зло. — Око за око. Зуб за зуб.

Друг конечно смутился, увидев мою решительную настойчивость, но пообещал помочь влиться в коллектив мощного строительного холдинга, принадлежащего отцу Алевтины.

— С чего начнем? С кого?

— Сбавь обороты. Всё сделаем так, что твоя Алевтина сама за тобой начнет бегать. Что ты о ней знаешь? Подруга есть?

Неопределенно пожимаю плечом, отворачиваюсь на зов начальника.

— Может тебе попробовать подкатить к Альке яйца через ее папашу?

Хорошая тема, но с какой радости состоятельному человеку отдавать в мои руки

любимую дочурку?

Автоматически прокручиваю в голове идеи. Одна безумнее другой. Блестящие и тупые. Успешные и провальные.

— Стань для него незаменимым. Научись решать его насущные проблемы, которые ему самому не нравится обдумывать. Заведи связи. Превратись в человека, вхожего в его дом.

Замолкаем. Напарник испепеляет меня взглядом.

— Одно не пойму. У тебя жена, дочь. Остыл что ли? Или хочешь в Москве валяться в койке с красоткой, чтобы тепло и сладко, не скучать на чужбине. Но тогда не ту ты выбрал, парень. Надо что-нибудь попроще. Обидишь дочку, главный растерзает тебя. Живьем в клетку к тиграм кинет.

— Секс не любовь, — шиплю зло.

— По опасной грани идешь! — раздраженно продолжает коллега. — Вон. У нас в фирме сотня баб, выбери любую.

— Нет! Я уже выбрал, — бросаю коротко. — Мне нужна Аля.

Меня действительно колбасит со вчерашнего дня. Кроет желанием не только отомстить девчонке, но еще и поиметь её.

Кроме Вики не хотел ни одну женщину. А тут вдруг такое желание. Странное. Пригласить красотку на свидание и поиметь. Буря чувств надвигается на меня, угрожая смести на своем пути все запреты.

— Шилов! Мать твою! Долго ждать? Уволю! — слышу крики босса на подступах к его кабинету.

— Нет. Уж. — прибавлю шагу, почти бегу.

— Садись! — босс кивает на кресло, что раскинулось напротив его стола.

— Вы серьезно?

Это первый случай, когда сам хозяин позволяет сесть при нем.

— Нет, шучу, — грозно кивает в кресло. Подчиняюсь, падаю.

— Как тебе моя дочь?

— Э-э... — теряюсь, не понимая, что можно сказать влюбленному в свое чадо отцу.

Седовласый худощавый мужчина с призрачными серыми холодными глазами смотрит на меня хитро. Лис явно рад тому, что задал мне шокированный вопрос.

— Красивая, стройная, — тараторю.

— Хватит. Я не то хотел от тебя услышать! — недовольно сообщает мужчина. — Шилов, ты мне понравился только своей прямоотой. Устал я от подхалимов. Думал, ты — свежая струя в моем офисе. А ты уподобляешься другим.

На мгновение лишаюсь дара речи. О чем это он?

— Я трачу на воспитание и образование Алевтины баснословные деньги и толку ноль. Как была вредной занозой — подростком, такой и осталась. Колледж закончила в Лондоне, вернулась. Вроде как со мной, но мы с ней очень далеки. Я ее абсолютно не понимаю.

Ошарашенно смотрю на отца той, которую решил наказать.

Усмехаюсь про себя. Получается, ее отец на моей стороне и тоже с удовольствием отшлепал бы дочурку.

— У вас ко мне дело или вы просто делитесь со мной наболевшим? — спрашиваю осторожно.

— Я не об этом, — безнадежно махнув рукой, босс достает из кармана банковскую карту.

— Вот!

— Что это?

— Если ты поможешь мне, я осуществлю твоё главное желание.

— Какое мое и какое ваше? — включаю дурака.

— Поставить Алё на место, научить жизни. А твоё у тебя на лбу написано — стать топом моей компании.

— Вот как? — думал это будет долгая беседа, пинг-понг, а оно вон как вышло, босс не стал юлить, решил довериться парню с улицы.

— Как же я подойду к вашей дочери, она сказала, что не выносит смердов.

— А займись-ка ты дружок ремонтом нашего загородного дома, заодно Алька приручи. Фу! Научи, как к делу подходить с умом. Она же на ландшафтного дизайнера учится. Сообразите там что-нибудь.

— Хорошо, — беру карту и с недовольным видом иду на выход.

— Только аккуратно с ней. Она у меня ещё девочка, и должна остаться такой для мужа!

Вот как? Слова мужчины прозвучали провоцирующе. Но главное, мне не понравилось, как среагировало мое тело.

Выхожу из кабинета босса, иду к себе.

Здесь уже не сдерживаюсь. Ору мысленно. Подпрыгиваю очень высоко и бью рукой в вымышленную стену.

Не придется ползти по карьерной лестнице как все офисные черепахи. Не придется крутиться вокруг Аленькой, убажывая ее, петь бесполезные дифирамбы. Ее отец дал мне все полномочия, и я воспользуюсь ими! Вот так! Уж я научу ее договариваться с людьми. Сделаю из бестии простого человека!

Что сказал ее отец? Она должна согласиться на встречу с матерью.

Это будет моим экзаменом.

Ладно, порешаем вопрос.

Ради места под солнцем я научу вашу доченьку здороваться со старшими по-японски, шить, вышивать, печь блинчики и мыть полы.

Самодовольно улыбаюсь.

— Тебя повысили? — напарник бьет по плечу.

— Что? Бери выше!

— Безумец. Выскочка! — цедит парень и бросает на меня завистливый взгляд. — Мне бы такую самоуверенность как у тебя!

— Ну да, я безумная сволочь, готовая на всё ради жены и дочери. Лишь бы обеспечить им крутое будущее. Моя Лиза должна учиться в элитной школе, а Виктория ездить на европейски спа-курорты. Ради своих любимых девочек заставлю Землю вращаться вокруг Луны.

Алевтина

Разглядываю себя в зеркале — терракотовое платье из тонкого трикотажа сидит на мне идеально. Серовато-красный оттенок не портит впечатление, наоборот подчеркивает все плюсы. И даже высокий ворот не портит впечатление от молочного цвета лица. Немного бледноватого. Но персиковая пудра моментально закрашивает и стирает странное восприятие моего лица. Немного уставшего от бессонной ночи и семейных проблем.

Убеждаюсь в том, что длинные рука хорошо и плотно закрывают руки, манжеты доходят до запястья. На всякий случай надеваю широкие браслеты, которые будут удерживать манжеты.

Ворот платья застегиваю под самый подбородок.

Наносить тональник или пудру на синяки нет смысла, только одежду испачкаю. Поэтому выбор и пал на это платье, больше подходящее монашенке.

Но платье хитрое, с подвохом. Полностью обтягивает фигуру — попку, живот, грудь.

Глеб обожает, когда я провоцирую его нарядами, и сегодня я намерена вывести его из себя, а потом послать подальше. Он же предлагал мне взять сына в свою комнату?

Так и поступлю.

Спустя пятнадцать минут размышлений и приготовлений, спускаюсь на кухню, где наш повар уже приступил к готовке завтрака.

— Михаил, сегодня я сама, — мило улыбаюсь, отодвигая мужчину от плиты. — Случайно не знаете, что предпочитают десятилетние девочки модели на завтрак?

Мужчина округляет глаза, и до меня доходит. Что именно так будут смотреть на нас окружающие, увидев пополнение в нашей семье.

— К нам приехала племянница мужа!

— Родные — это хорошо, — улыбается мужчина, расслабившись. — Ну я точно не знаю, но уверен, что мои блюда ей понравятся. Даже у Глеба не бывает ко мне нареканий.

— Уговорили, — решаюсь довериться профессионалу. — Давайте вдвоем приготовим и накроем стол, — принимаю быстрое решение.

— Идет!

Спустя час слышу звонкий голосок сына. А затем глухой — мужа, и еще один — посторонний. Девчачий. Недовольный. Вызывающий.

Они входят на кухню одновременно. Все трое. Сын, муж... и чужая девочка.

Моментально отмечаю про себя, что малышка совсем не малышка. К тому же действительно красивая девочка.

Высокая, худая, с длинными светлыми волосами, вульгарно распущенными и разбросанными как попало по плечам.

Мой взгляд застывает на ее бездонных голубых глазах. Какими Бог наделил ее, моего сына и их непутового отца.

— Детка, — муж подходит, целует в щеку. Сканирует мой дерзкий прикид, ухмыляется. *Козел! Чему радуешься? Сомневался в том, что твоя жена смекалистая?*

— Здравствуй, Лиза, — сама подхожу к девочке, протягиваю руку.

Фыркает, идет к столу, выбирает себе место. Как назло, ей нравится яркая чашка и тарелка Сашки, поэтому она падает на стул с резными ножками, принадлежащий моему

сыну.

— Лиза! Это... — не успеваю договорить, муж сжимает мой локоть клещами.

Хочу закричать, испепелить здесь всё взглядом и ором как дракониха. Забываю об игре, которую затеяла.

В этот момент слышу спокойный и радостный голос Саши:

— Мама! Пусть сидит там. Она же наша гостя! — перевожу удивленный взгляд на сына и прихожу в шок. Когда он стал таким взрослым. Умным. Откуда в нем столько рассудительности и спокойствия? В моем сыночке.

— Хорошо, милый, садись со мной, — переставляю тарелки, чашки детей, перекладываю приборы. И делаю всё это с улыбкой. Чистой. Открытой. Дружелюбной.

«Я взрослая. Я справлюсь с маленькой десятилетней девочкой», — твержу себе как мантру.

Если первая половина завтрака проходит спокойно, но нервно, то ближе к концу девочка с ледяными глазами начинает напоминать мне представительницу белых ходоков, обитающих на крайних подступах к Вестеросу.

Лиза бросает на меня эти изучающие, пробирающие до озноба, взгляды и я мечтаю спрятаться где-нибудь за толстой каменной кладкой замка, чтобы избежать общения с девочкой.

— Хочу клубничный йогурт! — внезапно сообщает Лиза.

— У нас есть? — муж обращается ко мне.

Мотаю головой. Он даже не знает, что у его сына аллергия на красное. На красные фрукты и добавки в пищу. Поэтому запрещено держать продукты красного цвета, в том числе йогурты.

— Нет, милая. Но мы поедем сегодня с тобой в супер маркет Мега, где ты сможешь выбрать всё, что тебе нужно, — рисую улыбку на лице.

— Сейчас хочу! — Лиза бросает ложку на светлую скатерть, и брызги разлетаются во все стороны — на белую рубашку супруга, на голубую футболку Сашки. Пару капель овсянки попадают мне в лицо.

Маленькая дрянь. Провоцирует. Проверяет на прочность. Выводит меня, чтобы я показала свое истинное лицо перед Глебом.

Ну я тебе покажу!

Сладко улыбаюсь всем.

— Пока вы переодеваетесь, я займу йогурт у соседки, — поднимаюсь и поспешно иду на выход.

— Только не у Кристины! — рычит мне в спину муж, но я не слушаю.

Милый, дорогой, сладкий супруг. Пупсик мой. Теперь каждый из нас играет на своем поле своими шахматами, которые раздала жизнь.

Каждый играет за себя!

— Я быстро! — посылаю Глебу воздушный поцелуй.

На дворе золотая осень. Я в теплом-претеплом платье. Вся вспотевшая и целеустремленная, направляюсь к воротам соседского дома. Звоню в калитку. Меня впускают, но удивленно рассматривают. Давно здесь не видели Алевтину Шилову. Давно...

Алевтина

Когда-то мы с соседкой были почти в одинаковом положении. Дочки своих богатых папочек.

Потом Кристина вышла замуж, родила дочку. И мы долго не общались, не находя точек соприкосновения.

А затем случилось так, что я вышла замуж за Глеба, забеременела и приехала в лучшую женскую клинику матери и дитя в нашем районе, где и встретила Кристину. Она была снова беременна и ждала мальчишку. Решили возобновить дружбу. Вместе двум мамочкам веселее. К тому времени у Крис росла трехлетняя Влада, и она вытрясала из нас душу, заставляя бегать за ней.

Родили мальчишек — крепьшей. И дальше целый год всё делали вместе. Пока росли сыновья делились с подругой информацией, помощью, нянями, проблемами, радостями.

Но вскоре нашу идиллию нарушила смерть моего отца.

Тогда Глеб захотел срочно перестроить дом, и нам пришлось переехать на несколько лет в другой район.

А когда мы вернулись, я не узнала Кристину. К тому моменту она развелась с неверным мужем, выставила его за порог, лишив денег своего отца. Сама занялась бизнесом, став настоящей классической бизнес-леди.

А потом между нами начались ссоры и недомолвки. Свободолюбивая, мужененавистница Кристина не нравилась моему мужу, а он — ей. О чем она не забывала напоминать Глебу. Прилюдно, на вечеринках и мероприятиях.

Дошло до того, что Глеб поставил меня перед выбором «соседка» или «муж».

Конечно, я выбрала его. И теперь сомневаюсь в правильности выбора. Похоже, Кристина была абсолютно права в своем недоверии мужчинам.

Меня проводят в дом и позволяют ждать бывшую подругу в гостинной.

Слышу шаги, поднимаюсь на ноги, встречаю высокую стройную блондинку в бирюзовом халате.

— Ты?.. — замирает у порога. — Какими судьбами? — интересуется чуть хриплым голосом.

— Крис, привет! — смотрю на нее молящими глазами.

— Привет, коль не шутишь! Чего в такую рань, и зачем надела зимнее платье? На улице сентябрь. Сегодня обещали плюс пятнадцать.

— Крис, я бы не пришла к тебе, если бы не одна щепетильная проблема.

Сердце учащенно стучит.

— Говори... — подходит ко мне, встает на расстоянии десяти сантиметров, сканирует.

— Нужен клубничный йогурт. И, может, у тебя найдется пару модных нарядов для девочки десяти лет, — замолкаю под тяжелым взглядом Кристины.

— У тебя большие проблемы! — решает за меня соседка.

Смотрю в ее серьезные глаза, и принимаю решение лгать, не сдаваться.

— Всего лишь йогурт. Для племянницы мужа.

— А-а! Это теперь так называется! — смеется, и я вторю ей. Теряю бдительность.

В следующую секунду Кристина бросается на меня, хватая за ворот и рвет его на себя.

Две пуговицы отлетают с грохотом на пол.

А соседка внимательно рассматривает мою шею в кровоподтеках.

— Он тебя бил? Сильно? Где еще синяки? Он привез к тебе в дом дочь своей шлюхи? Я говорила, что ты с ним доиграешься! Заявление в полицию напишешь?

— Не надо, не надо, — пытаюсь закрыть шею горячими ладонями.

Слезы текут беспрерывно по щекам.

— Дай мне йогурт и платье. Я справлюсь с ним. Обещаю тебе!

— Дочь от другой женщины в твоём доме. Шилом всадил тебе нож в спину, а ты по-прежнему с ним нянчишься!

— Только йогурт и платье. И обещай, что не полезешь в это, — прошу подругу молодости.

— Ты мне обещай, что будешь спрашивать советы. И выдворишь этого облезлого кота из собственного дома!

Киваю. Реву. Если расскажу Кристине, что переписала на мужа свое имущество, она усомнится в моих умственных способностях.

А я ведь только хотела показать мужу, как сильно доверяю ему.

— Спустя десять минут выхожу из дома подруги с клубничным йогуртом и пакетом с ворохом модной новой одежды для Лизы.

— Я вернулась! — вбегаю на кухню. Довольная собой ставлю на стол йогурт. — Вот.

— Уже не хочу, — шипит Лиза.

— Ладно, — отвечаю с обидой и бросаю взгляд на своих мужчин.

— Сашенька, ты уверен, что хочешь сегодня пойти в школу? Может, вместе с нами день проведешь?

— Я... — начинает сын.

— Сегодня только девчачий день! — отвечает за него девочка с яркими глазами. — Мальчикам не место в нашем мире!

С ужасом смотрю на побледневшее лицо собственного ребенка, на его блестящие от слез глаза.

Не выдерживаю, крепко прижимаю к себе наследника, целую в макушку.

— Будь умницей!

— Мама не должна целовать семилетнего мальчика, — фыркает Лиза. — Иначе из него не вырастет мужчина!

— Правда? — наивные глаза моего мальчика глядят на сестру.

— Ага! — девчонка старательно кивает Сашке.

А у меня сердце обрывается и летит к ногам.

Что эта маленькая дрянь делает? Теперь же мой доверчивый малыш не позволит себя целовать!

Проглатываю обиду. Руки сжимаю в кулаки. Раскачиваюсь на пятках, но продолжаю улыбаться всем.

Кажется, жизнь решила проэкзаменовывать меня по всем фронтам, чтобы выявить дефекты моей личности и изъяны души.

Не позволю!

Не сдамся!

Не побегу!

— Лиза, — показываю девочке на пакет. — Выбери себе одежду, переоденься, жду тебя

внизу через двадцать минут. — У нас много дел!

Пакет с хорошими шмотками делает свое «доброе» дело — заинтересовывает Лизу. Она с головой погружается в выбор тряпок, а я сажусь завтракать.

Меня тошнит, но я знаю, что должна поесть.

Это моя обязанность... — из глаз катятся обжигающие слезы.

Вчера я сделала тест на беременность. Две полоски.

Гребанные розовые полоски.

Слезы градом катятся по щекам. Тошнит от всего. От мужа, от этой чужой девочки. Но я заставляю себя есть, потому что моей девочке нужны силы, чтобы жить...

Алевтина

— Готова? — изумленно смотрю на девочку, ворвавшуюся в мою жизнь так внезапно, что я не успела перевести дух и принять решения.

Лиза уже переоделась в ярко-голубую водолазку (из пакета) и свои потертые синие джинсы. Сверху накинула на плечи розовый яркий теплый пиджак (из пакета).

— Совсем не сочетается! — отрицательно мотаю головой.

— Так-то ты тоже не с подиума! — тычет в меня пальцем. — Такое платье не в моде.

— Поверь! Я знаю о моде больше, чем все твои подружки вместе взятые. Знаю толк в брендах и трендах, — хмыкаю дерзко.

Выбираю ту же самую ноту общения, какую задала Лиза.

— Ну не знаю! Если только у вас в Москве своя мода, а во всем мире другая! Или у вас — у старушек нет вкуса! — перечит девчонка, провоцируя меня на жесткий ответ.

Именно так и поступаю, бросаю ей в ответ:

— Мода, она везде одинаковая! У меня подруга — дизайнер, бывшая топ-модель, — гляжу на девочку взглядом «съела»!

Я уже расписалась в том, чтобы переспорить Лизу.

Неожиданно замечаю, как ее яркие глаза цвета неба становятся еще ярче! Читаю в них жуткий интерес.

Прокручиваю в голове миллион всяких разных способов, как наказать жену.

А наказывать есть за что! Двойное предательство. Чуть не сбежала из дома, чуть не лишила меня сына.

Стерва. Прикидывалась сладкой пташкой.

А ещё начинаю подозревать её в неверности. Назар бы не посмел пойти наперекор мне, если бы на пути не встал кто-то или что-то. О его отношении к хозяйке дома мне известно давно.

Я же не слепой, замечал, как он смотрит на Алевтину. Как кот на сметану.

Хмыкаю. Вспоминаю, что хотел освободить мужчину от службы нашей семье два года назад. Подумывал взять кого безопасника помоложе, но он отказался.

За то, что предала.

Конечно, не ко мне. Не претендую. Не строю иллюзий на свой счет.

Но к моей подруге — точно появился.

Наклоняюсь к малышке, которая скоро догонит по росту меня, шепчу:

— Я вас познакомлю...

— Сегодня! — тут же требует эгоистка, явно привыкшая получать от отца всё что желает в ту же минуту.

Считываю по горящим глазам, что уловка сработала. Идея станет для Лизы навязчивой, и девчонка будет мысленно волочиться за ней. И за мной.

Будет думать о связях, которые приехала заводить в столицу в столь раннем возрасте.

Это раньше мы наивные начинали заводить знакомства с института, а сейчас дети настолько продвинутые умницы, что думают о профессии и карьере заранее. Может, это наша вина — родительская. Мы напрягаем их с детства, заставляем думать о будущем, ведь шанс дается лишь раз.

Хмыкаю.

Лиза мерзко ухмыляется в ответ.

Моментально ловлю себя на мысли, что играю в опасную игру. С дочерью врага.

Будь жив мой отец, он бы спросил меня, не тронулась ли я умом?!

Но он умер, и решение вынуждена принимать сама. Теперь за моей спиной никого нет.

Ни мужа. Ни Назара.

Поверить не могу в том, что Назар — верный человек отца так быстро перевернулся к Глебу, оставив меня на поле боя одну.

— Сегодня у нас другие планы! — говорю твердо, стараюсь быть убедительной.

— Модельное агентство?! — Лиза подпрыгивает на месте, бьет в ладоши.

Прищурившись, изучаю сложную обстановку, выбираю правильный тон беседы.

Не дам чертовой гостье сломить мой настрой и испортить план на этот день.

— Едем в школу, подавать документы на перевод. Только после этого всё остальное.

Посмотрит по времени.

— Нет! Сначала модельная школа! — топает ножкой и скрещивает руки на груди.

Адреналин и горячая кровь мешают сообразить, что и как возражать засранке.

На нервной почве разыгрывается воображение. Представляю, как хватаю дочь Глеба и

Вики за длинные волосы, кричу ей в лицо:

— Убирайся из нашего дома!

Наглотавшись злости, возвращаюсь в реальность.

— Ты чего так разволновалась? — бросает мне в лицо малолетка. — Красная вся.

— Это гормоны, — касаюсь щек ладошками. Действительно кожа лица горит.

Какая же я дурочка. Даже сбежать не смогла. Ругаю себя мысленно.

Только сейчас до меня дошло, что муж сделал, когда приволок из Сочи в наш дом свою драгоценную дочурку. Этот поступок сложно назвать изменой. Это больше, чем любая измена!

Подстава подстав.

Подлость.

Глеб — чертов вун!

А я... а я... — не могу подобрать эпитета своему нынешнему положению и состоянию.

Прокусываю нижнюю губу до крови, и ощущаю терпкий вкус теплой субстанции, затекающей в глотку.

— В моем доме будешь жить по моим правилам!.. — рявкаю с перекошенным лицом.

Тут же на нас сваливается тягостное молчание. Обе сейчас понимаем, что идет игра на выживание в этом доме.

Или она. Или я.

Здесь нет иного решения. Выбора нет.

— ... это в твоих интересах, — заканчиваю предложение, заливая металл в голосе фальшивой нежностью.

— Каких???

— Помогу тебе стать настоящей моделью.

— Когда вырасту, без тебя стану! Мама говорит, у меня есть для этого все данные.

— Не надо расти, всё достижимо уже сейчас!

— Мама говорит, ты — домохозяйка! Никто. Просто стираешь, гладишь, готовишь. Ты не можешь разбираться ни в чем!

Однако обидно, но не обращаю внимания, иду к своей цели.

— Я не всегда была домоправительницей, — машинально повышаю свой статус. Хотя, вряд ли эта милая девочка знает разницу в значении слов. Если захочешь, я расскажу тебе о себе. По рукам?

— Нет! Я еще ничего не решила.

— Твои проблемы, — теряю терпение и драгоценное время. — Решись по дороге, — беру капризную девочку за руку, веду на выход.

Неожиданно слышу:

— Правильно мама говорит, ты купила папу. Предупреждала, что и меня попробуешь подкупить! Не продамся! — злобно шипит на меня Елизавета.

Таких обидных слов мне еще не говорили про мой брак, мою любовь.

— Что???

— Папа. Тебя. Не любит, — выплевывает девчонка.

— Мама говорит, он живет с тобой, чтобы у нас с ней были деньги.

— Что еще она говорит? — спрашиваю дрожащим голосом, помогая девочке забраться в машину.

— Что осталось потерпеть совсем немного. Папа уже подготовился. Скоро бросит тебя и твоего Сашу!

Вдох-выдох.

Прокручиваю слова младшей Шиловой в мозгу снова и снова. Думаю об имуществе. Понимаю, что пришло время заняться этим вопросом вплотную.

Развод. Девичья фамилия. Возврат имущества. Определение опеки над сыном.

Яркие перспективы «прекрасного» будущего рисует мое воображение.

Занимаю место на заднем сидении рядом с незваной гостьей, достаю из сумки подарок Инессы — визитку с золотыми буквами.

Надо позвонить. Набраться смелости. Обсудить встречу с хваленным адвокатом по бракоразводным процессам.

Неужели сможет помочь?

Инесса сказала, что он самый безбашенный и борзый. Готов делить имущество любых топов.

Посмотрим, что из этого выгорит.

Вечером этого дня

Глеб

— Шторы закрой! — прошу у жены. Голова трещит, морщусь.

— Что-то не так? — спрашивает тихо.

— Можешь таблетку принести? — спрашиваю вежливо. — Все эти проблемы с сочинской стройкой бьют прямо по башке. Виски и затылок горят адски.

Аля поспешно исчезает из комнаты, возвращается обратно через пять минут с бутылкой воды и таблетками.

— Как прошел день? — интересуюсь спустя минуту.

— Как видишь! — жена показывает на девчачью школьную форму, которую наглаживает старательно в данный момент.

— Тебе обязательно гладить вещи самой? Может делегируешь полномочия няне или домработнице?

— Думаешь, нарочно плохо поглажу? — Алевтина вскидывает на меня серые внимательные глаза.

— Ну... мне кажется, тебе не нравится это занятие. Лицо кислое.

Жена рисует на лице улыбку.

— Так лучше?..

— Не ёрничай.

— Иди к чёрту!!!

— Что?.. — морщусь от усилившейся головной боли. Не понимаю, что сейчас произошло. Аля никогда не позволяла себе подобных вольностей.

— Ничего, — отвечает тихо и склоняет голову с заправленными за ухо волосами, над белой блузкой. Аккуратно раскладывает рукава.

Как же хочется вытрясти из нее всю информацию, но мне сейчас так плохо, что хочется пойти спать прямо сейчас. Но больше всего хочет заняться сексом с женой. В подобном состоянии дикой пумы она меня невероятно возбуждает.

— Я поднимусь к нам, ты приходи, как захочешь. Я не буду спать, дождусь тебя.

— Больше нет нашей общей спальни. Забыл? Ты распорядился отдать комнату сына твоей дочери. Я так и поступила. Саша спит со мной. А ты переехал в гостевую.

Копец. Звучит как выстрел. Как приговор.

Будто жена перевела меня в одиночку.

— Милая, давай что-нибудь придумаем. Ласки хочется. Может, прямо сейчас потискаемся? — я уже готов стянуть с себя боксеры, но неожиданно Аля швыряет мне в лицо юбкой моей дочери.

— Иди к черту!!!

Поднимаюсь на ноги, направляюсь к жене. Понять не могу, какая моль сточила нервы Альке. Кто мог взбесить ее настолько, что она забыла о всех правилах приличия.

— Разговаривала с Викой? — делаю предположение. — Или Лиза что-то лягнула? Не обращай на обеих внимание. Они нарочно, чтобы позлить тебя. Ревнуют меня к тебе.

Алевтина недовольно щурится, долбит пальцами по гладильной доске.

Конечно, я рассчитываю на нормальный диалог со своей женщиной, но она явно

настроена воинственно и непримиримо.

— Значит, я тебя купила? — шипит яростно.

— Что?.. — замираю в десяти сантиметрах от супруги.

Как же паршиво слышать эти слова снова. Будто жена здесь, в этой комнате и шипит мне в ухо «она тебя купила».

Воздух в комнате мгновенно электризуется и любое дуновение ветерка приносит лишь боль.

Нельзя было оставлять девочек наедине.

Ну откуда я мог знать, что Вика и дочери наговорит этих гадостей, настроив против непризнанной мачехи.

Поднимаю на разъяренную супругу растерянный взгляд и отшатываюсь. Когда она берет в руки горячий утюг.

— Будешь нападать? — спрашиваю шокировано, и хмурюсь, прочитав в призрачных серых решительность.

— Заслужил! — произносит тихо и болезненно морщится.

— Ты агрессивная, — замечаю растерянно, не зная, что делать и говорить в такой тухлой для меня ситуации.

За восемь лет совместной жизни Алевтина впервые показывает характер дикой кошки.

Глупец.

Я-то думал, что приручил строптивую. Дикую. Непокорную.

Ан нет. Ошибся. Переоценил свои возможности и силу любви. Безграничной любви, которую испытывала ко мне Алевтина всю жизнь.

Тяжело выдыхаю.

Лучше бы Аля плакала. Унять поток бегущих слез обиженной женщины намного проще. Надо всего лишь проявить настойчивость, заставить выслушать, добавить ласки в отношения. И вуаля!

Но сейчас не то время. Не то положение. У меня. Чуйка подсказывает, лучше молчать.

Смотрю исподлобья на любимую женщину.

Аля в ответ застывает на моем лице взглядом, полным бесконечной боли.

— Ты меня предал, растоптал. Ладно. Но зачем обманываешь самого себя? Обвиняя во всем меня? Я тебя купила, серьезно?!

Становится жутко обидно. В конце концов, подлец здесь не я один.

— Твой отец приложил руку к нашему браку... — произношу грубо, и мой голос, наполненный обидой, дрожит.

— Конечно, он всё оплатил — церемонию бракосочетания, путешествие, автомобиль. Первый наш домик.

Делаю шаг к жене. Впечатываюсь в нее. Вцепляюсь пальцами в ее подбородок, приближаю свои губы к ее губам. Шиплю:

— Он заставил меня развестись с женой, которую я любил. И заставил жениться на тебе. Он поставил меня перед выбором, пообещав мне дар небес и одновременно затребовал заплатить за него частицей моей души. Вот поэтому иногда я бываю бездушным. Твой отец приложил к этому огромные усилия.

Выговорившись, признавшись, чувствую облегчение. Давно надо было всё рассказать супруге, а то жила она в неведении.

Слышу странные смешки. Отстраняюсь.

— Не. Верю. — роняет Аля.
Гляжу на нее в отчаянье.

Алевтина

«— Твой отец заставил меня развестись с женой и жениться на тебе». Слова, уроненные мужем, прожигают меня насквозь.

— Ай! — не сразу понимаю, что обжигает не только ужасная правда, но и утюг, которого случайно коснулась пальцем.

Отстраняюсь от гладильной доски. С удивлением гляжу на форму девочки, висящую на плечиках тут же в комнате.

Зачем я ее гладила? Зачем!

Вспоминаю, как супруг обвинял меня в том, что я делаю это без особого желания. То есть я не только позаботилась, но еще и схлопотала за это!

Супруг ушел спать, а его запах по-прежнему со мной в комнате. И грозный силуэт перед глазами у меня.

Глеб смотрит волком, на скулах играют желваки.

Он прижимает меня к себе, и его ладони ползут мне под платье.

— Хочу тебя!

Упираюсь в мощную грудь, гляжу неприязненно в ярко-голубые озабоченные глаза.

— Я не хочу, Глеб. Настроение не то!

— Ты просила меня не чпокаться на стороне, я выполняю твою просьбу. Взамен мне нужен нормальный секс! Нормальный... со всеми вытекающими отсюда. Хочу, чтобы ты делала всё то, в чём всегда отказывала мне! — горячие мужские ладони шарятся по моим бедрам.

— Прекрати!

— Вот! Это именно то. Из-за твоего ханжества я был вынужден искать любовь на стороне!

— Ханжество? Заниматься оральными ласками в машине, или где попало в доме, по-твоему это «ханжество»? Это распущенное интимное поведение. И мы — семейная пара — не можем позволить себе подобную роскошь! — шиплю и вся горю от возмущения.

Ладони мужа выскакивают из-под юбки, ложатся мне на талию. Крепко ее сжимают. Намного сильнее, чем следовало бы. Но я не кричу. Только слезинка выкатывается из глаза.

На моем виске горячее тяжелое дыхание мужа.

До сих пор ощущаю горячие прикосновения к ягодицам.

— Если ты хочешь, чтобы я не изменял тебе, то ты должна наконец-то позволить мне делать с тобой всё, что я хочу в постели, — сообщает мне возбужденный Глеб хриплым голосом.

Впервые не хочу мужа!

Такое грубое животное отношение явно не для меня.

— Мы можем обсудить этот вопрос в другой раз? — спрашиваю, пытаюсь из последних сил сохранить спокойствие.

— Я. Хочу. Сегодня.

Опускаю взгляд, считаю до пяти. И в этот момент улавливаю новые вибрации, возникшие в моем теле.

Если раньше я бы среагировала на прикосновения своего мужчины возросшим

желанием, то сейчас хочу лишь одного — зарядить ему в его наглуую рожу. Схожу с ума от желания врезать. А главное, от невозможности осуществить его.

Руки супруга скользят по моим плечам, сжимают их.

Мои мысли лихорадочно мечутся в поисках зацепки для спасения от секса. Прекрасно понимаю, что Глеб мечтает не о простом супружеском исполнении долга, а о каких-то непотребствах, о которых он мне давно не намекал.

Видимо, Инесса выполняла все требования, а теперь он решил предложить ее обязанности на меня. Под предлогом, что я требую с него верности.

Большой глупости не слышала!

Мой взгляд спотыкается о школьную форму Лизы, и я тут же выпаливаю:

— Мне еще нужно собрать рюкзак Лизы и выполнить домашнее задание для неё!

— Врёшь!

— Нет. Уже прислали задание на почту. Не хочу, чтобы она завтра краснела перед одноклассниками. Ты же знаешь, как важно первое впечатление, оказанное на новых людей! — стараюсь быть убедительной и бить в самую болючую точку.

— Серьезно? Променяешь секс со мной на заботу о моем ребенке? — неприятно удивляется супруг.

Молчу, кусаю губы, сжимаю руки в кулаки.

Глеб отстраняется и смотрит на меня с сожалением.

Неожиданно снова прижимается ко мне и резко дергает меня на себя.

— Классная задница! Аля, ты уверена, что не хочешь меня?

— Я так не говорила, — вру, видя, что он взбешен. — У меня двое детей и оба завтра идут в школу. Я еще поделку для Саши не сделала!

— Что? — муж отстраняется, вмиг забывает о сексе и грязных притязаниях на мое тело. Рывкает гневно: Зачем? Ты делаешь за него поделки! Мы договаривались с тобой, какой бы трудной не была задача, мой сын должен выполнить ее сам! Пусть двойку получит, но сделает гребаную поделку собственными руками.

— Глеб! Так не принято в обществе! Родители делают поделки вместе с первоклашками. Так заведено, понимаешь? Дело не в оценке! — защищаю свою позицию.

Ну вот. О сексе забываем вмиг. Мы нашли еще одну животрепещущую тему для ссоры. Не совпадаем в выборе методов воспитания.

— Я сказал, чтобы это было в последний раз! — рычит тихо и уходит прочь.

Остаюсь одна, наедине с собой.

— Ай! — вскрикиваю, отталкиваю от себя утюг, дую на обожженный палец. Слезы катятся из глаз. Одно понимаю наверняка, нужно срочно вернуть свое имущество и выгнать Глеба из дома или сбежать самим. Вместе нам точно не жить.

Только вот не понимаю, как мы разделим детей?

Что делать со вторым ребенком?

Неужели, аборт? Только он остановит Глеба от притязаний на дочь (я всегда мечтала о втором ребенке — о доченьке).

Греховные мысли разъедают меня. Как я могу, как смею думать об убийстве живого существа. Крохотного человечка.

Страшное слово как нож врезается мне в живот, и я сгибаюсь от резкой боли внизу живота пополам...

Алевтина

Сегодняшний день можно было бы назвать худшим днем за всю мою жизнь. Но месячные, пришедшие в двенадцать ночи, раскрасили его гранатовыми красками радости и спазмами внизу живота.

Нет. Я не дрянь. Очень хочу родить доченьку, но явно не от мужа. И, точно не сейчас. Вспоминаю дочь мужа, как мучилась с ней целый день.

Тут же мои мысли перескакивают на мужчин, с которыми пришлось сегодня общаться. Ёжусь.

Подъезжаем к двухэтажному зданию школы, и Лиза гундосит себе под нос:

— Мне не нравится школа! Фу.

— Почему «фу»?

Выталкиваю девчонку из машины.

— Здесь всего два этажа, — говорит так буднично, будто в ее маленьком мозгу уже сложилась точная картинка ее прекрасной жизни — элитной школы в элитном здании.

— А ты ожидала увидеть башню как Москва-сити? — подначиваю ее.

— Да! — отвечает спокойно. Чем злит меня. Ума не приложу, что у этой крохи на уме, и как ее воспитывали родители.

Я росла в состоятельной семье, и то относилась к окружающему миру проще.

Сейчас она напоминает мне моего мужа. Он тоже никогда не довольствуется тем, что имеет, всегда хочет чего-то большего, лучшего.

Идет на всё, чтобы получить это и ему плевать на последствия.

Иногда они бывают чудовищными, но как правило, для других людей.

Я пыталась раньше объяснить Глебу, что так нельзя поступать с людьми. Небеса могут наказать. Но на все возражения получала грубый отпор.

— Аля! Сиди дома и помалкивай! Ты не понимаешь, что по-другому с этими людьми нельзя.

— Попробуй им объяснить, не лишай их бизнеса и единственного жилья. (Глеб сносил три ветхих дома в небольшой деревушке, чтобы построить на том месте большую ферму для заказчика).

— Женщина, не лезь в это!

— Меня тошнит...

— Тошнит, когда люди плюют на других людей, чтобы достичь своей цели. Так вспомни своего отца, он же ради прибыли, целые жилые кварталы снес.

Тону в отчаянье, вспоминая, как папа взял заказ на застройку большого жилого квартала в южном городе. А люди не пошли на его условия, не захотели покинуть частные дома. Спустя месяц кто-то поджег весь квартал и деревянные дома сгорели «заживо». Хорошо хоть люди спаслись. Оставшись без крова, они вмиг согласились на его условия.

Спустя два часа, уладив все дела со школой, мы покинули ее стены и направились к машине.

— Если бы ты была гордая, то не купила бы папу! — Лиза снова давит на больную мозоль, едва мы садимся в машину.

— Если бы ты не была такой занозой, то могла бы получить от меня намного больше, чем от своего отца или от своей матери! — парирую в ответ.

— Типа познакомиться с твоей подругой?

— Типа, да. И не только.

— Мама придет сегодня! — неожиданно сообщает малышка.

— Что?.. — схожу с ума от услышанной информации. — Зачем? Куда?

— Она будет жить со мной, в моей комнате! Мы так давно мечтали перебраться в Москву. К папе. А он всё сваливал на тебя. Говорил, что ты не даешь разрешение. Вредная!

Меня снова штормит и ощущение такое, будто я во сне. Понимаю, что настала пора проснуться.

Набираю супруга, шиплю в трубку:

— Виктория сообщила дочери, что сегодня прилетает в Москву! Останови это. Немедленно!

— Я не знал. Честно, — отвечает растерянно.

Но я уже бросаю трубку.

— Ты плохая! — девочка пытается расстегнуть ремень безопасности.

— Только попробуй!

Спустя мгновение срываюсь с места, автомобиль несется по шоссе к дому. А в душе так погано, и некому помочь. Рана, нанесенная изменами мужа, саднит очень сильно.

Одичало смотрю по сторонам. Бросаю взгляд на притихшую девочку. У нее такое лицо, будто я — ее кровный враг.

Подъезжаю к дому, требую у девчонки, чтобы она выходила.

— Ты обещала свозить в город, в модельную школу. Обманщица!

— Ты сама изменила наши планы, — даже не скрываю, что информация о ее матери сломала мою решимость и сделала из меня неуверенную истеричку.

Лиза выходит из авто, смотрит на меня взглядом «сверху вниз».

— Знаешь, если будешь так вести себя, то никто и никогда не полюбит тебя!

— Больно надо! — спорит со мной.

— Поверь, люди любят, когда их любят!

— Глупости! — кричит и убегает в дом.

— Ну вот, нажила себе врага. Поздравляю! — из дома выходит Назар.

— Что вы здесь делаете? Почему в доме. Не на объекте? — спрашиваю, отступая от мужчины на шаг.

— За тобой присматриваю, чтобы чего не натворила. Ты же бежать пыталась еще накануне.

Широко распахиваю глаза, спрашиваю:

— Это вы меня остановили?

— Мой человек.

Провожу ладонью по горящему лицу. Едва сдерживаюсь, чтобы не закричать. Из груди рвется вопль негодования.

— Как вы могли предать память моего отца?

— Я стараюсь не для него.

— А для кого?! — шиплю как можно тише, заметив, что Лиза вышла на балкон второго этажа.

— Для себя. Для той, которую люблю много лет.

Звучит как приговор. Он меня любит и хочет, чтобы я оставалась рядом.

Кусаю губы. Кажется, признание мужчины расстраивает меня окончательно.

— Я люблю мужа...

— Иногда поступки мужчины могут разбудить в женщине любовь. А я больше не хочу прятаться. Достало. Хочу взять своё!

Хохот рвется наружу. О какой любви говорит охранник?

— Счастье без настоящей любви невозможно, — констатирую я.

— Вот как? Когда тебе изменяют, вытирают об тебя ноги, привозят в твой дом чужого детеныша — это проявление большой любви? — мужчина вцепляется в мое лицо внимательным взглядом.

— Семейная жизнь не всегда простая.

Охранник наступает на меня, цедит очень тихо.

— Алечка, всё намного проще, чем ты думаешь...

— Назар, вы меня пугаете, — отталкиваю мужчину и убегаю в дом. Надо будет поговорить с мужем об охраннике сегодня же!

В эту же секунду до меня доходит, что мужу я не доверяю еще больше, чем Назару.

Господи! Кому верить?

— Поеду за сыном в школу.

— Сами? — мужчина сканирует меня тяжелым взглядом.

— Сама! Нужно проветриться!

Возвращаюсь в автомобиль и выезжаю из ворот дома. По дороге набираю адвоката. Андрея Князева.

— Андрей, простите, — лепечу в трубку. — Вы меня еще ждете?

— Уже рассчитался с официантом, иду на выход, — слышу приятный баритон в трубке.

— У меня форс-мажор, но я уже еду.

— Хорошо. За подобные ожидания введу штрафы, пропишу в нашем договоре.

— Хорошо, — отвечаю быстро и отключаюсь.

Совсем не хорошо! Услуги Андрея стоят баснословных денег, за простой он сдерет с меня три шкуры. А мне сейчас деньги пригодятся самой.

Бракоразводный процесс с Шиловым обойдется мне в потерю одной трети того, что причитается.

Выдохнув, давлю на педаль газа.

Наутро

Глеб

— Кто тебя сюда впустил? — ору я. Меня трясет от злости, когда вижу, как Виктория заходит ко мне в комнату, скидывает тонкий плащ, и остается в одном тоненьком платице.

На улице сентябрь и уже не настолько тепло, чтобы тащиться через всю страну в летнем платье.

— О чем я тебя вчера просил? — натягиваю одело на себя до самого подбородка.

— Не приезжать? — нагло интересуется бывшая жена.

Вместо того, чтобы дрожать, бояться, сжиматься в комок и просить, молить о пощаде и деньгах, она надвигается на меня. По дороге к кровати останавливается, присаживается в кресло и стягивает длинные тонкие сапоги-чулки с красивых ног.

Встает, вытягивается в тонкую струнку. При этом ее огромная аппетитная грудь вываливается из декольте платья.

— Бюстгальтер не пробовала носить в общественных местах?! — рычу на нее злобно. Злюсь как на нее, так и на себя, потому что, там под одеялом я давно возбужден. Ведь жена так и не соизволила прийти ко мне ночью.

Жена делает еще один шаг, замирает.

В комнате такое напряжение, что зажги спичку и все вспыхнет.

Беру с тумбочки часы, смотрю на время. Десять-ноль-ноль.

— Твою мать! Я всё проспал!

Алевтина наверняка увезла уже детей в школу, и нарочно не разбудила меня.

Гадюка!

В полумраке комнаты и затихшей тишине слышу лишь учащенное дыхание первой жены и своё — тяжелое.

Вика сбрасывает с себя платье, трусы. Идет ко мне.

А у меня в груди замирает.

— Кто тебя впустил в дом? — спрашиваю жестко.

— Назар.

— Понятно. Дочь видела?

— Нет. Сказали, что Алевтина уехала с детьми в школу два часа назад.

— Какого ты приехала сюда? — спрашиваю, сбрасывая с себя одеяло.

— Ты же мне сына обещал сделать!

— Я не обещал... — Вика подходит совсем близко к кровати, забирается на нее, потом на меня.

Обнаженное тело первой жены настолько красиво, что не выдерживаю — касаюсь бархатной кожи.

Вика запрокидывает голову назад, стонет.

— Не переигрывай! Вниз ползи! — пухлые губы бывшей сжимаются в обиде. — Напомни мне как это здорово, а я подарю тебе сына... потом.

Вика облизывает яркие губы, ползет вниз по моим ногам.

— Ты дверь закрыла?

— Прости? — жена склоняется надо мной. И в следующее мгновение пульс долбит по

моим барабанным перепонкам.

Внутри меня всё сжимается от кайфа, хватаю Вику за волосы и проваливаюсь в бездну удовольствия.

Спустя тридцать минут выхожу из душа. Гляжу на первую жену, лежащую на кровати.

Красивая, нежная, ласковая.

Но шлюха.

— Зачем приехала?

— У меня здесь дочь!

— И? — сбрасываю полотенце и надеваю боксеры.

— Хочу жить рядом с ней!

— Не получится, если хочешь чего-то добиться от меня, придется жить на моих жестких условиях.

— Сдохнуть можно от твоих условий! — вспыхивает Вика и соскакивает с кровати.

— Можешь сдохнуть, — отвечаю спокойно.

— Это она во всём виновата! Твоя Алевтина! Я ее убью! Так нам всем будет легче. Мы сможем пожениться и жить в этом красивом доме. А ее сына сдадим в детский дом или отправим учиться в Англию!

В следующую секунду оказываюсь рядом с женщиной, одним броском...

Глеб

Одним броском заваливаю ее на кровать, сам наваливаюсь сверху и бью кулаком рядом с красивым лицом бывшей.

— Никогда! Слышишь! Никогда не смей угрожать моему сыну! А со своей женой я сам разберусь!

— Ты — монстр!

— Ты меня сделала таким!

— Лучше сдохнуть, чем жить с таким как ты! Аля знает тебя настоящего? Она в курсе, что именно ты выполнил поручение ее отца — поджег целый квартал домов!

— Заткнись! — грубо кусаю нижнюю губу бывшей. До крови.

Вместо того, чтобы закричать или заплакать — принести мне этим удовольствие, Вика сжимает губы.

Сдавливаю ее всю своим телом и руками. Хочу, чтобы она подчинилась, дала мне то удовольствие, которое я обычно испытываю в подобные моменты. Раньше Вика дарила мне этот кайф. В отличие от Али, которая после первой же игры, предупредила, что не потерпит подобные вещи. Чем лишила меня возможности получать сомнительное удовольствие с ней, и толкнула в объятия Инессы.

Вика мелко дрожит. Смотрит мне в глаза. А я резко хватаю ее за руки и хриплю: — Не смей влезать в мой дом. Живи у себя. А я буду приезжать к тебе. Хочешь сына? Будет у тебя сын. А Лиза останется здесь, тем более, как я понял, она вроде подружилась с мачехой.

По щеке Вики бежит одинокая слезинка.

И это не от физической боли, я знаю. Это из-за того, что я сам определил место жительства для Лизы.

Единственный человек, которого Вика любит по-настоящему, это наша дочь.

Пристально вглядываюсь в подёрнутые пеленой горьких слез глаза.

— Если поняла, кивни!

Кивает.

А я снова чувствую дикое возбуждение от всей этой ситуации.

— Давай еще разок. На дорожку, — сбрасываю с себя боксеры...

Спустя двадцать минут садимся в мой спортивный кар.

— Прокачу с ветерком. Ты же на таких, никогда не каталась?..

Жена не отвечает и мои пальцы давят на ее колени.

Прикрываю глаза и понимаю, что рядом с Викторией я испытываю странные животные желания. Всегда.

— Отстань от меня! — смотрит в окно, игнорируя.

— Обиделась, что не дал увидиться с дочерью?

— Да.

— Не нужно напрягать без того сложную ситуацию, — бросаю спокойно и вцепляюсь в руль.

Давно я не управлял спортивным каром. Уже забыл как быстро он разгоняется до ста сорока.

— Ты не мог бы скинуть скорость? Дорога мокрая.

— А ты не могла бы замолчать! — рявкаю я. Громко звонит телефон, хватаю. Трубка выскользывает из рук, падает под ноги.

Опускаю глаза. Наклоняюсь, чтобы достать мобильный.

— Ты дурак? Смотри! — визжит Вика.

Вскидываюсь. По противоположной полосе идет фура, и джип, идущий за ней не выдерживает, ускоряется. Обгоняет ее и оказывается перед моим носом.

Пытаюсь взять немного влево, в сторону обочины.

— Скинь скорость!

— Не лезь! — ору в ответ.

Джип ведет. Расстояние между фурой и спортивным каром стремительно увеличивается.

Пройдет. Пройдет... Не проходит. Джип цепляет и фуру, и кар.

После удара, машину разворачивает и выкидывает в кювет.

— А-а! — кричит Вика.

В груди всё болезненно сжимается. Ярость душит. Теряю контроль над машиной и над ситуацией.

Прикрываю глаза, считаю до столкновения с землей...

Раз, два, три, четыре...

Алевтина

Утро. Обычно такое доброе и милое. Любимое. С солнечными зайчиками. Сегодня наполнено неприятными ощущениями.

Внизу живота ощущаю спазмированные боли. Голова гудит от множества непростых мыслей.

Как сын воспринимает все эти перемены? Он у меня умный, терпеливый, добрый мальчик. Понимает, что приехала сестра. Спокойно отнесся к тому, что у папы теперь двое детей, и надо отойти немного в сторонку, чтобы дать место и пространство старшей сестре. Отдал свою комнату, переехал ко мне.

Конечно, я убедила его в том, что это временная мера, и гостье нужно свое пространство, чтобы привыкнуть к новому дому, почувствовать себя в нем желанной.

«— Милый, я нарисую дизайн твоей новой детской, и мы переделаем комнату для гостей. Обе! Разломаем стену и соединим помещения. Ты же давно хотел играть в приставку, не выходя из детской!

— Мамочка, где будут ночевать наши гости? — сынок удивленно смотрит на меня рассудительно-умным не по-детски взглядом.

— Домой поедут или в отель.

— Так нечестно. Игорек не сможет ко мне приезжать, — голос сына грустнеет.

— А мы купим двухъярусную кровать для твоих друзей и установим ее на чердаке!

— Но там же будет подиум сестры, — с печалью отвечает сын.

— Вы не будете ей мешать. Лиза ночью на чердак не пойдет!

— Как здорово ты всё придумала, — сынок обнимает меня, и я треплю любимые вихры».

Впервые за всю свою долгую и счастливую жизнь не хочу вставать, потому что меня не ждет ничего хорошего, кроме улыбки сына.

Эта мысль заставляет подняться с постели и отправиться чистить зубы, принимать утренний прохладный душ.

К моменту, когда спускаюсь на первый этаж, понимаю, что дом почти проснулся. Из кухни раздаются голоса Лизы и Саши.

— Где папа? — канючит девочка, как только я вхожу в помещение, по которому гуляют обалденные запахи выпечки.

— Спит, просил его не беспокоить.

Я позаботилась о том, чтобы Глеб сегодня проспал и не поехал с нами в школу. Я же не глупая. Сразу просекла, что Лиза ведет себя намного хуже, когда рядом отец, и становится более управляемой, когда его нет рядом.

— Я не поеду в школу без него! И без мамы! Она сегодня прилетит, и мы поедем в школу втроем! Я, мама и папа. А ты езжай со своим сыном, — девочка задыхается от негодования. Хищно скалится как тигр на арене.

Но я не ведусь, поджимаю губы и спокойно сообщаю:

— После завтрака, марш к себе. Соберешь рюкзак. И спустишься вниз. Втроем мы сядем в машину — я, Саша и ты, — и поедем в школу. К восьми тридцати как положено по регламенту. Маму твою мы ждать не будем! — тело прошибает озноб при одной только

мысли, что эта женщина, первая жена моего супруга, заявится к нам в дом.

— Не поеду без родителей!

— Рискни! — угрожаю шантажистку в ответ. И перевожу взгляд на своего ребенка. Малыш сидит рядышком, весь сжался и пытается есть кашу, но видно по его лицу, какие муки он испытывает. Весь этот скандал отбивает у него аппетит напрочь.

Сердце разрывается глядеть на затравленного сына.

Ну почему в собственном доме он должен испытывать всё это? А не радоваться новому солнечному дню?!

Сынок, тысячу раз прости за всё! Прошу мысленно.

Спустя двадцать минут втроем садимся в машину. Девочка сидит на заднем сидении и смотрит на меня букой.

— Что опять не так?

— Ты не дала мне попрощаться с папой! Я хотела поцеловать его. На дорожку! — с болью в голосе кричит на меня.

— На какую еще дорожку? — злюсь на нее. — В нашем доме принято не будить спящих членов семьи.

— Я всегда целую папу на дорожку. В нашем доме принято так. Папа говорит, когда я его целую, у него день счастливый!

— В нашем доме свои правила! — обрубаю ее претензии.

Спустя пятнадцать минут паркую авто на стоянке школы.

— Выгружаемся! — командуя детям.

Мой моментально расстегивает ремень безопасности, подхватывает рюкзак и вылезает из зеленого седана. А вот Лиза продолжает сидеть и бросать на меня взгляды ледяной королевы.

— Знаешь, когда ты улыбаешься, то намного красивее, — неожиданно мягко произношу я.

Пыжится, не отвечает. Губки поджаты, бровки домиком.

— Ты только всё усложняешь!

Моё сердце, истерзанное мужем, начинает снова болеть. Терзаемое его ребенком.

Выхожу из машины, и сама вытаскиваю девчонку из машины.

— Пусти, мерзавка. Буду кричать!

— Тебе это не поможет! — повышаю голос в ответ.

— Ма-ма! — сынок уже зашел в школьную калитку и прощается со мной.

— Пока, милый. Заберу в четыре, после продленки.

(Сыночек обожает продленку, там он играет с одноклассниками, делает уроки и учиться программированию).

— Сюси-пуси! Маменькин сыночек, — шипит Лиза.

— Ну а ты, как я посмотрю, маменькина дочка, — парирую в ответ.

— С чего бы это? — девочке явно не нравится, что я сравниваю ее со своим сыном, и обвиняю в мягкости и приверженности чему-то или кому-то.

— Ты сама не хочешь думать, оценивать. Твоя мама плохо отзывалась обо мне, и ты притащила ее мнение с собой в Москву. Ты даже не хочешь выслушать меня, узнать обо мне. Твое мнение уже сформировано мамой, а значит, ты мамина дочка!

— Я знаю о тебе всё! Ты украла у нас с мамой папу!

— Какие-то проблемы? — к нам подходит директор школы.

— Надежда Львовна, Лиза немного напугана переменами в жизни. Её переезд в Москву был таким стремительным, что она не успела подготовиться.

— Ничего страшного. Пойдем, — высокая стройная женщина с фирменной укладкой берет девочку за руку и ведет за собой. — Мы сами справимся, Алевтина, вы езжайте домой.

Они уходят, а я остаюсь одна.

Падаю в автомобиль, еду домой. Радуюсь, что до вечера мне не придется видеть удушливые волны истерики Лизы и грустные глаза сынишки.

Дзинь.

На телефон приходит сообщение от Андрея Князева. Адвоката, которого я наняла вчера для бракоразводного процесса.

Андрей: «Алевтина, есть новости. Жду вас в нашем кафе через час. Удобно?»

Алевтина: «Уже еду».

Разворачиваю автомобиль, еду на встречу. Ломаю голову, что такого мог узнать адвокат, чтобы вызвать меня так срочно?..

Алевтина

— Здравствуйте, вежливо приветствует меня мужчина привлекательной наружности, едва вхожу в кафе. — Присаживайтесь, — настойчиво предлагает присесть рядом с ним.

— Что??? — не слышу, что он говорит. Занята оцениванием объекта. Давно мне такие экземпляры не попадались. Видимо, виной тому тот факт, что муж сделал из меня затворницу.

— Алевтина Дмитриевна, рад знакомству.

Стильная стрижка, волосы небрежно зачесаны назад. Черты лица немного резкие, но в целом приятные. Кожа загорелая. Глаза синие. Очень глубокие и говорящие. На дне зрачков пляшут черты, а в глазах такое самомнение, что сносит с ног.

Знает гад, какое впечатление оказывает на девиц.

Но я-то не девица! Напоминаю себе.

При этом продолжаю глядеть на него как кошка.

Смотрю в синие глаза и внутри меня всё переворачивается.

— Давно хотел познакомиться с вами вживую! — слышу приятный баритон.

Случайно бросаю заинтересованный взгляд на его музыкальные пальцы. Отмечаю, что кольца в форме бручального ободка нет.

— Ах, вы об этом! — показывает интересующий женщин палец. — Не женат. Бог смилостивился! — смеется открыто, и я столбенею.

Веду себя как все эти «кошки». Стыдно-то как!

Мужчина режет по живому откровенным взглядом, а я подглядываю за ним с любопытством из-под опущенных ресниц.

— Готовы делать заказ? — подходит официант.

Князев делает официанту заказ и возвращает свой взгляд мне.

— Андрей, зачем вы флиртуете со мной? — выдавливаю глухо. — Я замужняя женщина.

— Но это же ненадолго! — намекает на предстоящий развод.

— Мне неприятно, — царапаю ногтями скатерть на столе.

— Простите. Не хотел вас смущать. Честно, сам не знаю, почему плююсь на вас. Видно, бес попутал.

Чтобы перевести тему разговора в деловое русло, достаю из сумочки конверт с пачкой пятитысячных купюр, протягиваю мужчине в дорогом темно-синем костюме, тихо произношу:

— Аванс за ваши услуги.

— Наличные? Давно со мной клиенты кэшем не рассчитывались, — озадаченно трет гладкий лоб.

По моим подсчетам мужчине лет двадцать восемь, и лоб у него гладкий как кожа младенчика.

— Муж не знает о моей затее развестись и поделить имущество и компанию! Ему это точно не понравится, — отвечаю робко. А счет у нас общий. Снятие или перевод крупной суммы денег вызовет подозрение и миллион вопросов.

Кадык на мощной шее Андрея дергается.

— Неприятно, когда у жены нет собственного счета. Особенно, если учесть, что это

небедная девушка. Я так понял, у вас и с мужем плохие отношения? — молодой мужчина вглядывается в меня так, будто пытается найти мой изъян.

— У меня? — удивленно округляю глаза на адвоката. — «И с мужем плохие отношения», — повторяю за мужчиной фразу. — Что значит предлог «и». Вы ошибаетесь на мой счет.

— Нет, — мотает ухоженной головой. — Я выяснил, на кого ваш супруг Шилов переписал ваше имущество. Вернее, вашу половину. Свою-то он поделил между двумя детьми.

Рефлекторно скручивает живот, хотя я сегодня почти не ела.

Вот она минута правды. Падам!

Дерзкий взгляд мужчины блуждает по моим дрожащим рукам, останавливается на подбородке и губах.

— Не тяните! — наезжаю на него. Надоели его игры, заигрывания и недосказывания. Одни намеки. Не за это плачу ему. И не за красивые глаза!

Глаза у него действительно безумно красивые.

— Светлана Воскресенская! — громко с ударением произносит Князев.

— Что?! — вскрикиваю и вскакиваю с места, опрокидывая чашку с горячим чаем.

Я была готова к любому предательству Глеба, но то, что услышала, превзошло все мои ожидания.

Дальше наступает шок.

Да. Есть особый тип тишины — имя ему — шок.

Ловлю на себе пристальный взгляд мужчины.

— Так понимаю, у вас и с ней непростые отношения?

— Она — мой враг! — выплевываю с горькой обидой.

Приступ тошноты подкатывает к горлу.

— Как супруг посмел сделать это со мной? Отдать всё, что мне оставил отец, именно ей???

— Алевтина, я правильно понимаю. Вы не читали завещание собственного отца? — сердито нахмурившись, спрашивает адвокат.

— Нет. У меня не было времени. Я... мне было очень плохо, — кусаю губы, вспоминая, что чувствовала и делала, когда меня настигла горечь утраты. — Шилов занимался всем. Похоронами, завещаниями. Я не вникала, потому что доверяла отцу и мужу.

— Эх! — адвокат поднимается на ноги, подходит ко мне, и встает так близко, что меня обдаёт его энергетикой, харизмой и парфюмом. — Алевтина, нужно всегда читать документы, особенно если они касаются вашего будущего. Но знаете, можете не расстраиваться, если вы останетесь ни с чем... я вас приму и такой...

— Что?.. — вскидываюсь на молодого мужчину. Высокий, широкоплечий, он закрыл своей широкой спиной от меня солнце, которое я видела в окне до встречи с ним.

Теперь же вокруг тьма.

— Вы мне нравитесь. И если я женюсь, то только на вас.

— Вы совсем выжили из ума! У меня море проблем, а вы лезет ко мне со своими чувствами ниже пояса! — выдыхаю с обидой и бегу на выход из кафе.

— Алевтина! — слова мужчины ударяют в спину. — Мне связаться с вашей мамой?..

— Идите все к черту! — бросаю, не оборачиваясь и бегу к машине. В этот самый момент слышу звонок телефона.

Достаю мобильник, гляжу на экран — звонок от мужа.

Сбрасываю.

Снова звонит.

— Да, — отвечаю грубо.

Голос в трубке чужой. Женский. Жесткий. Неприятный. Леденящий душу.

— Алевтина Шилова?

— Да.

— Жена Глеба Шилова?

— Да...

Вечером этого дня

Алевтина

Страшные события этого дня не вяжутся с моим желанием всё понять, осознать. Не могу впустить в сердце и в сознание то, что пришлось пережить сегодня.

За гранью!

Отползаю к спинке дивана, подтягиваю ноги к подбородку. Мутным затравленным взглядом смотрю на постер, висящий на стене. Мы с мужем и сыном в парке. Ловим золотистые листья в ладони.

Взгляд замирает на лице Глеба, тяжелеет. Вжимаю голову в плечи.

«— Алька! Лови!» — голос мужа впивается в мой мозг. Нестерпимо больно. Жжет в груди.

— Алевтина! — голос Глеба царапает мой слух, проникает под кожу, тревожит мое бедное сердце. Но я почему-то не отвечаю мужу.

— Алевтина! Аля! — меня трясут за плечо.

Вскидываюсь. Ничего не видящим взглядом смотрю на Назара, нависающего надо мной.

— Где Глеб? Я слышала его голос, — шепчу возбужденно, осматриваясь.

— Вы не могли услышать голос мужа. Вашего мужа больше нет...

— Зачем вы здесь?!

— Ужин. Дети ждут, — смотрит на мое зареванное лицо без тени эмоций.

Дети. Они же ничего не знают. Совсем ничего. Ноющее чувство внутри меня усиливается. Отчаяние просачивается в мой голос и спазмирует горло. С хрипом проговариваю: — Я не смогу сказать им. Не смогу!

— Мне сделать это за вас? — слышу тревожный голос охранника.

Кажется, сейчас сойду с ума. Перегруз эмоциями достиг сегодня пика, когда я опознала в морге тела собственного мужа и его первой жены.

— Нет.

Назар раздраженно закатывает глаза.

— Тогда вам придется сделать это, я больше не могу ограждать их от интернета и телевизора. Девчонка устроила скандал, когда я отобрал у нее планшет.

— Боже! — встаю на ноги, качаюсь как пьяная. Осматриваю пустым взглядом красиво обставленную комнату. Но мне она кажется убогой. Всё вокруг кажется сейчас пустым, неуместным, убогим.

Назар хлопает меня по плечу со словами поддержки:

— Я буду рядом.

Широкоплечий мужчина разворачивается, чтобы уйти, а я ловлю его за руку.

— Стой.

Замирает, поворачивается вполборота, скользит по мне сканирующим взглядом.

— Почему ты не позвонил, не сказал, что она прилетела? Кто впустил ее в мой дом? Она же была здесь... в его комнате?

Глаза мужчины темнеют.

— Глеб впустил. В комнату не поднималась...

— Тогда зачем в комнате Шилова провели генеральную уборку среди недели? Зачем! —

вцепляюсь пальцами в руку Назара.

— Мне жаль... — отводит глаза. словно оправдывается за поступки моего мужа.

— Приму душ и спущусь, — говорю спокойно и иду в ванную комнату.

Спустя десять минут переодеваюсь в домашнее сиреневое платье и спускаюсь вниз. На кухне столовой многолюдно, и я не сразу понимаю, что здесь изменилось. Потому что в глазах застыли слезы.

— Мама? — удивленно гляжу на женщину в дальнем углу стола. Она заняла место Глеба, сидит как королевишна и нагло улыбается.

— Мама, кто это?

— Светлана Воскресенская, твоя бабушка, — отвечает за меня чужая женщина.

И я теряю здравый смысл из-за ее присутствия.

— Зачем. Ты. Приехала. Именно. Сегодня? — выдавливаю, не глядя на нее. — Чтобы сделать мне еще больнее?

Мать прищуривается, поднимается из-за стола.

— Как только узнала из новостей о смерти Глеба, сразу рванула к тебе!

— Прекрати! — кричу очень громко. Хочу заткнуть ее. — Боже мой! Почему от тебя одни проблемы?

Краем глаза замечаю, как Лиза соскакивает со стула и бежит к тумбе у стены, чтобы взять пульт от огромной плазмы.

— Не смей!!!

Девочка оборачивается, бросает на меня презрительный взгляд. Будто я букашка.

Сын удивленно переводит испуганный взгляд с бабки на меня и на сестру.

Поздно. Лиза включает плазму и переключает кнопки. Не выдерживает, бросается к Назару, возникшему в дверях. Громко кричит: — Отдай телефон! Мне нужно посмотреть!

— Мама, а какой Глеб умер? — неожиданно спрашивает сын. — Почему его зовут как нашего папу? А где наш папа?

Комната оживает. Лиза кричит, что ей нужны новости и она должна позвонить маме. Сын не замолкая спрашивает, где папа.

Я же опускаю низко голову и закрываю лицо руками. Громко плачу. Так громко, что мои вопли глушат слова моей матери Светланы Воскресенской:

— Сегодня Глеб Шилов и Виктория Сазонова попали в автомобильную аварию. Никто не выжил...

Алевтина

Зажимаю кисточки скатерти в холодных руках, нервно осматриваю столовую, где собрались самые родные мне люди. Мама, с которой я не общалась почти всю свою жизнь. Дочь погибшего мужа. Мой сынок.

Понимаю, что сейчас все находятся в полном раздрае и неведении, знаю, что после моих слов всем будет очень больно, но я должна это сделать.

Кто, если не я?

— Лиза, сядь за стол! Саня, иди ко мне! — командую жестко, безапелляционно. — Назар! — выключи этот долбанный телевизор!

Я уже готова запустить в говорящую плазму стаканом, но кто-то его выключает.

Мягко поддвигаю к себе подошедшего вплотную сына. Бросаю неловкий взгляд на чужую девочку, застывшую напротив меня.

Мой взгляд перемещается на притихшую мать. Ее осторожный взгляд скользит по моему лицу. Понятное дело, она не видела меня так много лет, ушла из дома, когда мне было всего пять. И вот волей случая, благодаря обстоятельствам, снова вошла в мой дом.

Моя бы воля — я бы ее не пустила на порог. Но отец, выставивший мать за измену, внезапно простил ее перед смертью и просил Глеба включить ту в завещание. Что мой муж благополучно и сделал. Теперь мать совладелица моего дома, моей компании. И у меня нет выбора. Я не могу ни выставить ее, ни закрыть уши. Она снова часть моей жизни!

Две пары детских голубых глаз глядят на меня испытывающе, и я не выдерживаю этой пытки, выпаливаю.

— Сегодня наш папа разбился насмерть.

— Папа в больнице? — переспрашивает сынок.

— Нет. Он больше не придет. Его ангелы забрали на небеса, — шепчу я, сглатывая подступающие слезы.

— Я должна позвонить маме! — упрямо твердит Лиза и смотрит на меня всклокоченным взглядом.

— Прости. Твоя мама тоже больше не придет. Никогда...

— Врешь!!! — крик разрезает воздух и бьет под дых. — Ты не любишь мою маму, поэтому врешь!

— Она... прилетела сегодня в Москву, и папа отвозил ее обратно в аэропорт. По дороге они попали в тяжелую аварию. Их больше нет. Похороны пройдут послезавтра. Но вам не следует присутствовать на них. Это не для детской психики.

Ощущаю, что сын начинает вырываться из моих крепких объятий, также вижу, что состояние девчонки ухудшается с каждой секундой. Она то вскакивает с места, то садится обратно. Абсолютно растерянная. Как бездомный щенок. Не знает куда бежать и к кому прижаться.

— Ненавижу тебя! Это ты заставила отвезти маму в аэропорт! Ты не дала мне поцеловать папу утром! ТЫ! ТЫ — УБИЙЦА! — кричит Лиза, соскакивает с места и бежит на улицу.

Слышу как тяжело дышит мой сынок, перевожу встревоженный взгляд на него.

— Санечка, не слушай ее!

— Па-па, — выговаривает слабо по слогам, и по детским щекам бегут слезы. — Папочка! Ты не дала нам попрощаться утром! — шепчет обвиняюще. — Ты отправила его в аэропорт! Лучше бы мама Лизы жила с нами! Тогда папа бы был жив! Я тебя не люблю! — выкрикивает срывающимся тонким голосом, вырывается и бежит на улицу вслед за сестрой.

Сгребаю со стола скатерть с блюдами, скидываю на пол.

Замираю на вдохе, когда ко мне подходит моя мать.

— Я с этим разберусь...

— С чем?

— С детьми. А ты займись похоронами, — отвечает деликатно.

Откровенно бесит меня ее невозмутимость.

— Пришла такая вся в белом пальто, думаешь, займешь мое место?

— Ничего я не думаю. Аля, не усложняй и без того тяжелую ситуацию! — ставит меня на место, и плывет на выход.

Я остаюсь одна в огромной столовой, оседаю на пол, в грязь, где валяются остатки ужина.

Даже плакать не могу. Жизнь просто разлетелась на осколки. Мужа больше нет. Сын меня ненавидит, обвиняет в смерти любимого отца. Еще эта странная чужая девочка. Куда ее теперь девать? И ко всему этому еще в нагрузку мать — кукушка, которая внезапно осознала свою вину.

Помню, впервые она появилась в нашем доме в праздник моего восемнадцатилетия. Пришла такая вся из себя красивая, холенная, сделала вид, что вышла за хлебом и вернулась из магазина. А прошло целых тринадцать лет с момента ее побега. И говорит: — я твоя мама, ты должна меня любить! Seriously?

Прошло девять лет и вот она снова в моем доме, только теперь этот дом по бумагам принадлежит ей и моим детям! Муж лишил меня моей доли. Как так? Главное, зачем? Чтобы я смирилась с ее присутствием, чтобы простила и научилась жить в мире.

Как же я?!

— Алевтина Дмитриевна, — крепкие руки Назара поднимают меня с пола. — Вам нужно отдохнуть. Завтра тяжелый день.

— Дети?..

— С ними ваша мама. Всё будет хорошо.

Нет! Уже не будет так, как было раньше!

Сегодня мой сын повзрослел и уже не будет любить меня. Ничего не будет хорошо.

— Надо позвонить родителям Виктории. Они будут решать, где хоронить дочь. И они должны забрать внучку, — выдавливаю из себя с силой.

— Хорошо. Я всё сделаю, — соглашается Назар.

Спустя день

Алевтина

Выбиваю пальцами нервную дрожь по коленке, смотрю на часы. Родители Виктории задерживаются.

Неожиданно слышу за спиной жесткий мужской голос, со старческими хрипылыми нотками:

— Алевтина Шилова?

Оборачиваюсь поспешно и моментально сталкиваюсь глазами с женщиной — блондинкой и мужчиной с седой головой.

— Добрый день! — цежу, сжимая зубы. Хочу быть с родителями Виктории предельно доброй и вежливой, но выходит плохо.

— Мне жаль! — шепчу я, и нервно перебираю копну собственных волос. Перекладываю пряди слева направо, справа налево.

— Не надо, — мать Вики глядит на меня серыми призрачными глазами. — Как женщина, как мать, я вас понимаю и ни в чем не виню. То, что говорит моя внучка абсурдно. — Вы не могли оставить Вику в своем доме. Нехорошо всё это! Я же говорила дочери миллион раз, чтобы она отстала от Глеба. Ни в какую! — женщина нервно трет лицо.

Впервые за прошедшие сутки я думаю не о себе, не о том, как будет жить без отца мой сынок, а о том, как сейчас невыносимо больно этой женщине. Представляю какво ей стоять здесь, зная, что через три часа начнется панихида.

— Вы точно решили похоронить Вику рядом с Глебом? — интересуюсь ещё раз. На всякий случай. Мне не жалко. Даже ревность не гложет меня.

Я просто ничего не чувствую. Плыву по течению обстоятельств.

— Точно. Если она так рвалась к нему, пусть с ним остается... — голос женщины садится.

— Но вам будет тяжело навещать дочь... летать туда-сюда.

— Мы справимся, — шепчет с напором.

— Но девочка... Лиза она захочет навещать маму и папу, — неожиданно вспоминаю про младшую Шилову.

— Она будет навещать их, когда захочет, — отвечает за бабушку дед.

— Но летать так сложно... далеко.

— Она не будет летать.

Пытаюсь осознать слова мужчины, понять, что он говорит.

— Что это значит?..

— Лиза сказала, что папа оставил завещание, в котором просил вас стать ее опекуном в случае, если его дочь потеряет обоих родителей.

— Да, но... ситуация плохая. Она обвиняет меня в смерти отца, ненавидит, настраивает моего сына против меня. И сейчас Сашу и Лизу забрала к себе бабушка, моя мать. Мы не можем жить с Лизой в одном доме! — спорю я.

— Лиза сказала, что хочет жить с вами! Она дала нам это понять очень четко. Она не собирается переезжать в Сочи потому что не хочет... — мужчина замолкает. Опускает глаза в пол.

— Что?.. — хватаю его за руку.

— Не хочет давать вам пощаду. Она желает уже сейчас получить долю своего отца в вашем бизнесе, доме, в вашей жизни.

— За... зачем? — теряю дар речи.

— Чтобы вы круглосуточно помнили, что не дали ей попрощаться с папой. Что заставили ее мать ехать в аэропорт.

Из глаз текут жгучие слезы.

— Лиза хочет остаться, чтобы мстить?

— Да. Это её условие. Вы должны стать опекуном.

— Если откажусь?

— Не получится.

Внутри меня зреет червоточина по имени «Лиза».

— Знаете, если она так решила, пусть остается. Надеюсь, она быстро поймет, что я не желала зла её родителям.

— Мне душно, — говорит мать Вики и идет на воздух.

Следуем за ней.

Конечно, я знала, что это будет самый сложный день в моей жизни, но не до конца осознавала насколько.

Спустя три часа мы похоронили Вику и Глеба, и отправились на поминки в ресторан. После родители первой жены мужа поехали к моей матери — попрощаться с внучкой, а я отправилась в пустой дом, куда уже никогда не ступит нога моего супруга.

Что я чувствую?

Ничего. Я пустая. Частица меня умерла. Только эта частица не была чистой и светлой. За последние месяцы она была отравлена Глебом и Викторией.

Конечно, я никогда не желала им смерти, и если бы можно было вернуть всё на своё место, то я проявила бы больше смелости и сбежала в первый и последний наш скандал, когда я призналась Глебу, что знаю о нём всё!

«— Я еду в Сочи, стройке проблемы!

— Я уже знаю, — отвечаю с нажимом.

— О чем?

— О том, что у тебя в Сочи живет жена и дочь! — выговариваю очень тихо.

— Вот как? Давно?

— Несколько месяцев...

— Теперь понятно, почему ты так странно себя вела! Но я не хочу, чтобы Инесса или ты совали носы в мою личную жизнь!

— В личную? — спрашиваю с обидой. — Я думала, у нас с тобой личная жизнь.

— Это другое! — отрезает Глеб.

— Ты сейчас бросишь больного сына и укажишь на море к дочери? — кричу с обидой.

— У сына есть няньки, гувернантки и мать, которая сидит дома. А мне надо на работу — деньги зарабатывать! — рывкает, не глядя мне в глаза.

— Если мы тебе не так дороги, как твоя первая семья, может разведемся?!

— Хочешь развестись, пожалуйста, — чеканит ненавистный муж, нависая надо мной. — Ты изменил. Предал. А теперь меня выставляешь виноватой? — шепчу, прижимая ладони к груди. — Глеб, ненавижу тебя! Муж цинично ухмыляется.

— Хоть сейчас могу забрать Сашу и улететь с ним в Сочи, а ты оставайся. Вся такая

правильная, чистая. Готова жить без сына? — Ты не можешь отнять у меня моего Сашу. — Могу! Ты теперь нищая! Одинокая. Зато свободная. Иди! Куда пойдешь? — улыбается нагло.

— Зачем ты забрал у меня всё моё имущество? Инесса сказала, что ты всё переписал. Не для этого я выписывала на тебя генеральную доверенность.

— Именно из-за тебя и твоего характера я оставил тебя голой!

— Чтобы я никуда не делась? И до конца дней нуждалась в тебе? Ела как собака с ладони? Жила в будке, которую ты мне построишь?! — всхлипываю я.

— Да. Чтобы усмирить твою гордыню. Чтобы ты до конца дней зависела от меня. А нашему мальчику будет хорошо в моей новой семье. — В глазах Глеба вспыхивает пламя мести. — За что?.. — Догадайся сама. Кстати, чтобы к утру тебя не было в моем доме! Если настаиваешь на разводе. Только без сына, пожалуйста. Не глупи, малыш, — муж трепет меня по волосам как нерадивого ребенка.

Отворачивается, идет в ванную...

Спустя десять минут автомобиль супруга выезжает за ворота».

Тогда я не знала, что та поездка в Сочи станет началом конца для нашей семьи.

Если бы я могла повернуть время вспять, я бы не устраивала разборки, а забрала сына и сбежала, украв деньги из семейного сейфа.

Нервно кусаю губы, на глаза снова наворачиваются слезы. Слезы льются по щекам. Собираю соленую влагу с верхней губы, глотаю. Все эти переживания сводят с ума, но главное, сейчас дети. Которых у меня внезапно стало двое.

Лиза настроила против уже всех. Даже сын пожелал, чтобы сестра осталась с нами в одном доме.

Спустя три дня после похорон

Алевтина

Мать привозит детей с утра пораньше. Похоже, уже наигралась, устала. Материнство явно не её конек!

Дети уставшие, нервные, голодные.

Обедаем все вместе — я, дети, моя мать, родители Виктории. Обед вкусный из трех блюд, приготовленный поваром Денисом, с десертом от хозяйки дома.

Лиза и Саша молча поглащают суп, салат, котлету с пюрешкой.

— Светлана, вы так и будете теперь жить здесь? — спрашиваю жестко, обращаясь к матери.

— Бабушка будет жить здесь! — выпаливает сын и снова прячет глаза в еду.

— Хорошо, — чеканю я. — Но нам нужно разделить обязанности по дому.

— Разве ты не собираешься возвращаться на работу? — мать смотрит на меня изумленно.

— Я уже вникаю в дела Глеба. О чем ты? — вздергиваю бровь и складываю руки на груди.

— Ну, одно дело работать удаленно из дома и совсем другое — бывать в людях. Тебе необходимо выйти на работу в офис, чтобы сотрудники перестали судачить о невнятном будущем компании.

— Я могу проводить совещания по скайпу, — стою на своём. Понимаю, что сейчас между нами с мамой идет война за территорию. Она хочет вытолкнуть меня из дома, чтобы занять его. Обосноваться в нем. И доказать всем, что она хозяйка. А я как была дочкой своего отца, так и осталась. Только на этот раз — вдовой Глеба и матерью хозяйского сына.

— Я так понимаю, ты не хочешь работать? — подковыривает меня мама и смотрит исподлобья.

— Ну хватит! — бросаю грязную ложку на скатерть. — У меня сын первоклассник, я не могу позволить себе полный рабочий день!

Неожиданно сын поднимает на меня грустные глаза и сообщает мне, что я освобождена от материнских обязанностей.

— Нас будет возить в школу Назар, а забирать бабуля.

В горле сохнет от этого словечка «нас».

— Милый, никаких «нас» не будет. Лиза приняла решение вернуться в Сочи! — выдаю жестко и откидываюсь на спинке стула, наблюдаю за реакцией девочки.

— Я так не говорила, я остаюсь!

— Не получится, — отвечаю жестко, как меня учил Назар и гляжу на его статую, застывшую у дверей.

Налитые мышцы, жилистые руки, обтянутые тонкой шелковой рубашкой, черного цвета.

Удивленно отмечаю про себя, что мужчина сегодня гладко выбрит и брюки на нем тоже черные и гладко выглаженные. А ботинки темные блестят так сильно, что отсвечивают на всю столовую.

Задаюсь вопросом, что могло измениться в его жизни, чтобы он начал ухаживать за своим гардеробом? Куда делись футболки, куртки, дешевые костюмы?

Мужчина замечает, что я немного сдулась в своей решимости, качает головой, цокает языком. И я дёргаюсь.

Скашиваю взгляд на сына, глядящего на меня как голодный тигр на кусок мяса, читаю мантру уверенности и произношу так громко, чтобы слышали все.

— Все сегодня же выметаются из моего дома! Мамы и папы любовниц моего мужа, его дети от других женщин. Мамы, бросившие своих маленьких дочек ради мужика! Все! — рывкаю для убедительности. Здесь остается только семья Глеба. Настоящая. Я и Саша. Остальные свободны!

— Да пошла ты! — рывкает девчонка — волчонок.

— Милая, — с места поднимается мать Вики, подходит, обнимает внучку за плечи, глядит на меня с соболезнованием и тихо, но с интонацией победителя произносит:

— Алевтина, ты так и не поняла главное!

Настоящая семья Глеба — Вика и Лиза.

Это ты — другая семья! Ты и твой сын — вы вторая семья!

Рывком поднимаюсь из-за стола. Я в таком бешенстве, что на мне сейчас нет лица. Я похожа на медведицу или другого лютого зверя, защищающего своего детеныша.

— Пошли вон из моего дома! — больше не стараюсь держать лицо.

А в голове отбойные молотки отбивают фразу:

«Другая семья. Вторая семья».

Звучит так, будто мы с сыном второй сорт Шиловых. Это Вика и Лиза — первый.

— Ты ещё пожалеешь! — отец Виктории хмурится, трёт пальцами лоб. Поднимается с места и уходит с внучкой и женой на второй этаж, собирать вещи.

— Вы что молчите? — повышаю голос на замершего сына и мать.

Сыночек весь трясётся, поднимается, и вместо того, чтобы сбежать от меня, идет ко мне. Подходит, заглядывает в глаза и обнимает за плечи.

Его теплая щека у моей щеки по которой текут теплые слезы.

— Истеричка! — мать поднимается и уходит тоже, оставляя нас с сыном наедине. Не считая Назара, прилипшего к стене и наблюдающего со стороны за развитием событий.

— Мама, мы — ненастоящая папина семья? — спрашивает сынок. — Мы фальшивые? И папа не наш, как говорит Лиза. Если он сразу был её, значит, не мой? — голос сына расстроенный.

И я хочу его успокоить, но не знаю, как, в чём-то он действительно прав.

— Милый, когда я выходила за твоего папу, я не знала о них. Папа забыл рассказать. А значит, мы не несем ответственности за то, что забрали у Лизы папу. Ты понимаешь меня?

— Папа обманул нас, — еще больше расстраивается сын.

И я замолкаю, чтобы еще больше не расстроить его своими рассуждениями.

Спустя месяц

Алевтина

Тридцать дней без Глеба. Прошло тридцать дней с того самого момента, когда моя жизнь перевернулась в одночасье и решила за меня, как я должна жить дальше.

Вдова...

Сразу же напрашиваются грубые слова — «чёрная» вдова.

Встряхиваюсь. Психолог, работающий в штате нашей компании говорит, что я теперь свободная женщина. Бизнес-леди.

Угу. Бизнес-бледи! Готова перед любым топом расстелиться лишь бы он мне объяснил и втолковал, как вылезти из всех проблем, которые, оказывается, с головой накрыли нашу строительную компанию за последние два года.

Складывается такое ощущение, что кто-то копает под нас. Подставляет всё время. Отнимает более жирные заказы, обходит в тендерах. Одно не понимаю, почему супруг ничего не рассказывал о проблемах! Он их не видел или игнорировал?

Хотя, о чём это я? Шилов избегал правду во всех вопросах. Считал себя сильным, думал, что ему всё по плечу. И делиться с наболевшим с женщиной — домохозяйкой для него было ниже его достоинства.

Первое время после смерти Глеба я много плакала, вспоминая только хорошее. А потом всё та же психологиня Полина вызвала меня и рассказала о моем супруге так много нелицеприятных вещей как о человеке, партнёре, боссе, что стало намного легче. Засыпая и просыпаясь, я только ругаю его. И вся та боль, вся любовь к нему куда-то улечиваются.

Иногда спрашиваю себя, как можно так быстро забыть человека, причинившего тебе боль? Это что же получается, мы любим не человека, а его отношение к нам?!

— Вот и тридцать дней прошло, — вздохнув, поднимаюсь с кровати. Потягиваюсь. Рисую на лице широкую вымученную улыбку.

Вспоминаю, что сегодня суббота, и настроение моментально улучшается, потому что не нужно ехать в треклятый офис, который ненавижу! Полтора часа до него, там десять часов и полтора — обратно. Света белого не вижу. И сына...

А Сашка повзрослел за этот месяц и отделился от меня. Вздыхаю, думая о том, как пройдет примирение и восстановление отношений с ребенком, запланированное на сегодня.

После теплого душа, кручусь перед зеркалом в гардеробной, мурлычу себе песню под нос, выбираю теплое платье и сапоги ему в тон.

Собираемся с сыном в детский парк развлечений, покатаемся на каруселях, потом ходим в кино или в детский мир. Накупим всего-всего.

Я так рада, что Сашенька наконец-то согласился провести со мной время наедине, без бабушки. А у меня появилось это время.

Надеваю синее трикотажное платье и гляжу на себя в зеркало. Внезапно меня как обухом по голове бьют. И гаснет свет в глазах. А меня будто выдирает из тела невидимая сила и помещает в другое место.

«Мы в бутике в центре города вместе с мужем. Глеб помогает выбирать обновы. Я примеряю. А он расселся вальяжно в уютном кресле, сложил ногу на ногу, потягивает охлажденное шампанское, и цокает, когда ему нравится, как на мне сидит платье.

А цокает он на каждом экземпляре».

Машинально улыбаюсь. А потом вспоминаю, что мужа больше нет. И кроме того плохого, что я сочиняю себе про Глеба каждое утро, было много-много всего хорошего. Как и тот поход в магазин, отпечатавшийся в моей памяти навсегда.

Приятное утро вмиг превращается в неприятное, и ощущение тоски поглощает моё чудесное настроение. Что-то щелкает внутри меня и переключается.

Снова беру себя в руки, не даю мозгу возможности накрутить себя, испортить такой прекрасный многообещающий день.

В конце концов, рубеж пройден — Глеба больше нет. Его дочь вернулась домой в Сочи. Бизнес снова в моих руках, только вот чует моё сердце, с ним явно творится что-то неладное.

Переключаюсь с мыслью о работе на дом.

Отношения с мамой постепенно налаживаются. Конечно, я не простила ее за побег из дома, но благодарю каждый день за то, что она появилась в сложный для Саши жизненный момент и помогает ему восстановиться. Учит, как жить без любимого отца.

Мой спокойный сынок, ставший после потери отца нервным и агрессивным нуждается в близком человеке, как никогда. По совету психолога я отдала его в агрессивный вид спорта — в хоккей. Пусть побеждает, помахает клюшкой, погоняет шайбу. Там посмотрим. Сейчас Саша горит хоккеем, мечтает о карьере снайпера.

Выключив свет в гардеробной, выхожу в коридор, спускаюсь на первый этаж.

— Саша, — окликаю ребенка. Но в ответ мне тишина. — Сынок, ты где?

Из кухни появляется высокая фигура Назара.

— Алевтина, я вас уже заждался...

— Меня? — спрашиваю ошарашенно. — Где Александр?

— Александр Глебович уехал с бабушкой в парк развлечений, — отвечает холодно.

— Без меня?

— Без. На вас у меня другие планы...

Алевтина

— Другие планы? — удивленно взираю на мужчину. Не понимаю, чего он хочет от меня. Во-первых, для меня сейчас существует только один мужчина — мой сынок, которого мне надо растить и воспитывать. Во-вторых, мне никто не нужен. Я еще не готова к новым отношениям, слишком раны свежи. В-третьих, если соберусь прыгнуть с головой в роман, то это точно будет не Назар. Не потому, что Назар намного старше меня, и не из-за его пугающей до мурашек профессиональной деформации.

Просто мне неприятно, что мужчина так много знает обо мне! Слишком много, чтобы любить без оглядки. Он всегда будет предвзято относиться ко мне, и уж точно запомнит, что мне изменил муж.

— Ресторан, — мужчина подходит очень близко, сжимает мою ладонь.

— Ты... вы приглашаете меня сейчас в ресторан? — едва нахожу нужные слова.

— Да.

Моментально забываю о своём намерении сохранять нейтралитет, и не говорить ничего лишнего. Чтобы не обидеть охранника. Но он явно нарываяется на грубость. Его слова, его масляный взгляд как ушат холодной воды для меня. Как оскорбление моей персоны.

— Что ты сказал? Ужин в ресторане? Сам понимаешь, что твои слова неприемлемы в данной ситуации. Они вообще никогда не должны были быть сказаны! — повышаю тон.

— Хотите меня уволить? — смотрит нагло. — Я готов, но после сегодняшнего ужина.

— Прощальный ужин? — прижимаю ладонь к животу. Что-то меня заранее тошнит от этого ужина.

Назар молчи. Его красивое мужественное лицо с крупными носогубными морщинами и крупной посреди лба сейчас очень не привлекательно сурово.

Смотрит на меня пронзительными темно-кариими глазами.

Чем дольше я молчу, тем сильнее он ожесточается.

— Ты меня совсем не любишь?

— Совсем, — на моём лице беспристрастная маска.

— А я люблю тебя много лет, — мужчина хватает меня за руки и прижимает к себе.

— Рехнулся. Отпусти, — сглатываю ком, застрявший в горле.

— Я сделал ради тебя всё... — выдыхает с болью и глядит откровенно на мою грудь.

— Что?..

Наклоняется, касается языком уха.

— Освободил тебя... как ты хотела.

— Что?..

Ничего не соображаю от шока. Только сердце грохочет в ушах. Слышу слова Назара как сквозь толщу воды.

— Я впустил его жену в дом. Слушал за дверью как они трахаются. И понял, что должен сделать ради твоей свободы. Он повёз её в аэропорт, и я поехал за ними. Это был мой человек, каскадер, в той самой машине, что вылетела на встречу. Машина из-за которой джип улетел в кювет была подставной.

Назар шепчет мне в ухо эти страшные признания, а я вся дрожу так, будто окутана могильным холодом, в котором теперь живут Вика и Глеб.

— Что. Ты. Наделал? — шепчу едва слышно дрожащими губами и захлебываюсь в своих словах и слезах.

— Спасал тебя от монстра.

— Ты сам монстр.

Сердце в груди сдавливает так сильно, что я вскрикиваю.

Сплошная пустота внутри меня. Весь этот мрак снова наваливается и придавливает.

А ведь именно сегодня я хотела начать новую жизнь.

В ужасе гляжу на влюбленного психа.

— Не боишься, что я тебя сдам?

— Нет. Абсолютно нет. Ты же доверяешь мне, а ещё боишься.

— Я... я не могу тебя посадить или сделать тебе что-нибудь. Но могу прогнать от себя.

Ты опасен, и я не хочу, чтобы ты находился рядом с моим мальчиком.

— Да. Я опасен. Благодаря этому твой муж жил долго и счастливо и месь конкурентов обходила его стороной. Благодаря мне ты жила в покое эти годы.

— Не понимаю. При чем здесь ты? Что происходит?

— Твой муж был глупый. Отказывался верить, что под него копают, но ты не такая! Открой глаза, взгляни на мир. Внимательно посмотри отчеты. Неужели не видишь, что у тебя хотят отжать фирму? Только я могу помешать этому. — мужчина крепче сжимает мою ладонь и двигается бедрами очень близко. Настолько, что я всё чувствую через ткань.

Меня всю трясёт. Неужели он хотел иметь меня и бизнес моего отца, поэтому пошел на преступление?

— Ты сумасшедший и ты всё испортил.

Выдёргиваю руку, резко отталкиваю Назара. Обнимаю плечи в попытке защитить грудь, где бьется сердце.

— Я никогда никому ничего не скажу о гибели мужа, а ты убирайся! Немедленно! — мой ледяной голос пронзает наэлектризованный нашим противостоянием воздух.

— Не пожалеешь? Вышла бы за меня и жила как за каменной стеной, — выплевывает зло и самоуверенно Назар.

— Я выйду замуж только по любви!

— Когда соберешься замуж, уже будешь голая и нищая. Едва пройдет молва, что я тебя оставил, стервятники слетятся. Твою компанию раздерут на части за неделю.

— Уходи, — поджимаю губы.

Назар делает ко мне шаг, и яставляю вперед правую руку, чтобы защититься, мужчина пытается за нее схватиться и ранит меня острым краем перстня.

Кровь бежит по тыльной стороне ладони, и я автоматически облизываю руку, и прижимаю к груди.

— Может, передумаешь?

— От тебя одни неприятности. Мне не надо, чтобы меня спасали так, как ты это уже сделал. Качаю головой. Нет. Жить в покое заплатив ценой чужих жизней? Нет.

Никогда не прощу. Никогда не поверю убийце.

— Уходи! — повышаю голос на эмоциях. — Сдай все ключи, машину. И лучше уезжай из города, чтобы я не слышала о тебе. Чтобы у меня не возникло порыва пойти в полицию.

— У тебя сынок Сашенька, — Назар подмигивает мне, явно шантажируя.

— Уйди!

— Прости, если неправильно тебя понял. Но я думал, ты просишь у меня о помощи.

— Я хотела сбежать, а не избавиться!..

— Зачем бежать из собственного дома? Видишь, я всё решил. При этом ты свободна.

— Ты разбил моё сердце вдребезги, убрав Глеба. Если бы я жила где-нибудь вдали и знала, что он живет с другой на другом краю страны, мне было бы очень больно. Мое сердце было болело, но оно бы не было разбито!

— Значит, выгоняешь?! Смотри, — Назар угрожающе показывает на дверь. — Завтра у тебя будут первые визитеры!

— Я сильная. Справлюсь.

Едва за мужчиной закрывается входная дверь, как я оседаю на пол. Поджимаю колени к груди, кладу на них голову и обнимаю себя.

Замираю в этой позе. Застываю.

Смысла нет куда-то бежать, что-то пытаться успеть.

Моя жизнь снова перевернулась и показала мне такую задницу, что надо переосмыслить всё. Абсолютно всё.

Единственное, что я знаю точно — в полицию не пойду. Назар — страшный человек. Его боялись все мужчины нашей семьи- мой отец, муж. Конечно, мне он не причинит вреда, потому что любит своей болезненной любовью. Но вот Сашу он не любит, он для него сын врага, конкурента. Поэтому я не могу рисковать сыном.

Пусть Бог решает судьбу своего непутевого сына.

А я начну жизнь сначала. Тем более, чуйка подсказывает, что придется несладко.

— Мама! — меня трясут за плечо.

— Что? — вскидываюсь. — В комнате горит яркий свет, за окном уже темень. Я по-прежнему сижу на полу, примостившись спиной к теплой стене.

— Бабушка ужинать зовет.

— Иду, малыш. Как вы погуляли?

— Хорошо! Я хотел с тобой, но дядя Назар сказал, что у тебя много работы.

— Да, Санечка, мама у тебя занятая. Прости.

— Ничего, я понимаю. Бабушка говорит, ты же теперь должна много работать — за себя и за папу.

Треплю сына по русой голове и в кончиках пальцев покалывает от любви и эмоций, которые мой малыш испытывает ко мне, папе, бабушке.

Становится легче. И я начинаю верить, что справлюсь со всем. По-другому быть не может!

Спустя месяц

Алевтина

— Алевтина, мне очень жаль, но ГК «Фаворит» отказались заниматься новым жилым комплексом в Мытищах.

— Почему? — удивленно вскидываю глаза на Захара Григорьевича, моего заместителя.

— Не знаю точно, просто прислали отказ по электронной почте.

— Не по-деловому себя ведут, — переключаясь с места на место бумаги на столе. — Какие наши дальнейшие действия? — поджимаю губы. И делаю усилия, чтобы сохранить лицо, но при плохой игре и при отвратительных обстоятельствах получается это у меня очень плохо.

Конечно, за последний месяц я привыкла играть роль властной и влиятельной бизнес леди. Но такие вот повороты — рояли в кустах выбивают почву из-под ног основательно. В эти моменты остается молиться, чтобы поблизости были только свои люди.

А их очень мало, тех, кому можно доверять.

К тому же, как показала жизнь, я ни черта не разбираюсь в людях. Глеб и Назар, которым верила, как себе. Оказались лжецами. Отец — всю жизнь не договаривал правду, чем вводил в заблуждение. Мать, которую ненавидела всеми фибрами души, оказалась жертвой обстоятельств и очень доброй женщиной.

История её измены настолько банальна и проста, что хочется плакать, потому что она разрушила наши нормальные отношения и превратила отца и меня в льдышек. Простая девушка Лана вышла замуж за бизнесмена. Он пропал на работе, заводил романы с нимфетками и даже поднимал на мать руку, когда она пыталась высказать ему претензии. Уставшая от одиночества, не имевшая возможность работать, она закрутила роман с юристом отца, за что была изгнана из рая.

— Захар Григорьевич, это Фаворит самый дешевый застройщик в регионе. Скажите честно, мы можем нанять более дорогого, если продадим какой-нибудь актив?

— Нам уже продавать нечего! Ваш муж разбазарил все активы, что были! Чтобы залатать дыры.

— Почему все банки как сговорились не дают нам кредиты? А те, что дают под большой процент?

— Хорошо, что вы это заметили. На сговор похоже, да? Я Глебу сто раз намекал на то, что нужно решить данный вопрос, а он меня слушать не хотел! Алевтина, я так рад, что теперь работаю с вами. Вы хоть и женщина, но толковая!

Неприятное чувство, возникшее в мозгах, распространяется по телу. Доходит до груди, где бьется сердце.

Холодящее душу предчувствие накрывает с головой. Набираю секретаря:

— Вызови ко мне финансового директора и главного бухгалтера.

Спустя пять минут обе женщины сидят передо мной, царапают ногтями стол.

— Надежда, что именно сказал вам Борис сегодня. Почему отказал в кредите?

— Из-за того, что мы сорвали сроки по стройке в Курске и в Сочи.

— Какая ему разница?

Женщина пожимает плечами.

— Наберите его, я сама переговорю!

— Он не станет вам отвечать по телефону. Скользкий парень. Лучше обстоятельное письмо написать.

— Так пишите! — взрываюсь я. — Как же тяжело вести бизнес с женщинами! — Захар усмехается, но прячет усмешки за покашливаниями.

Правильно. Ему ещё зарплату получать у Наденьки.

— Стоп! Ничего не пишите. Сама поеду сейчас к этому менеджеру в банк и разберусь с ним и с его руководством. Что за двойные стандарты. У нашего конкурента никаких проблем, а у нас...

Тяжело вздыхаю и считаю до пяти. Помогает собрать нервы в кулак. Обычно я спокойная на работе, но последние две недели черт-те что происходит с финансами. Банки, с которыми работаем, будто с ума посходили. То депозиты, идущие на тендеры, не пропускают, то счета блокируют. Один банк вовсе накрылся в одночасье со всеми деньгами, перечисленными на наши счета. Теперь ждать пока пройдет процедура банкротства, определят нашу очередь по возврату средств.

Вообщем, и главбух и финансовый директор сейчас на валерьянке.

Спустя десять минут выхожу из офиса, сажусь в машину Захара, который вызвался меня подвезти.

— Менеджер говорит, что не может выдать нам кредит потому что неверно оформили документы наши бухгалтера! — читаю сообщение, прилетевшее от главбуха. — Захарыч, скажи, они издеваются?

— Честно?

— Да!

— Эта галиматья творится последний год. Глеб всё время бешенный ходил из-за мелких передраг с банками и инвесторами.

— Год? До этого всё было нормально? — пытаюсь понять, куда клонит сотрудник, чье мнение я ценю.

— Да. Боле менее.

— Не помнишь, что случилось год назад?

— Так сразу и не припомнишь всех событий, — мужчина смотрит на меня озадаченно.

— Ладно.

Преодолевая пробки, пробираясь через заторы, подъезжаем к банку «Ливадия».

— Ливадия, — проговариваю вслух. Почему-то только сейчас, глядя на эту вывеску внутри меня что-то неприятно щёлкнуло.

Алевтина

«— Папа! Не поступай так жестоко со мной! — прошу у отца.

Сегодня утром мы вернулись с Андреем Уваровым из Ливадии, где у его отца расположена дача. В городском округе Ялты, что находится на берегу Черного моря.

— Я всего лишь хочу донести до тебя, что Андрей тебе не пара. На него нельзя положиться!

— Почему??? Ты же дружил с его отцом, сам привел Андрея к нам в дом четыре года назад, а сейчас доказываешь мне, что парень не годится в мужа?! Так нечестно.

— Алевтина, старший Уваров оказался нечистым на руку бизнесменом, я потерял из-за него много денег. Не я один! Уверен, что сын пойдет по стопам отца.

— Папа, ты не справедлив к нему. Он хороший парень, из нашего круга. У нас с ним много общего.

— Только не говори, что ты уже спишь с ним! — отец хватает меня за руку.

— Прекрати, папа! Немедленно.

Мне очень больно. Папа сжимает моё запястье так сильно, что кажется, оно сейчас треснет.

— Я жду ответ!

— Конечно, мы спим! Ведь Андрей уже сделал мне предложение, и я выхожу за него замуж! А это путешествие в Ливадию было помолвочным! Понятно? — достаю из тумбочки бархатную коробочку, открываю. Показываю отцу старинное кольцо, когда-то принадлежавшее графине Уваровой, пра-пра-пра...бабке моего жениха.

— Придется делать операцию, — выдыхает отец и смотрит сквозь меня в окно.

— Что?..

— Сделаешь операцию по восстановлению целостности девственной плевы и скажешь Глебу, что девочка! Поняла?

— Какому Глебу? Папа, ты здоров? — чуть не плачу, глядя в разгневанное лицо отца.

— Ты выйдешь замуж за моего человека.

— Того самого, который пришел на мой день рождения? А я его даже не приглашала!

— Я всё сказал. Не следуй примеру своей матери шлюхи!»!

Этот неприятный разговор с отцом состоялся через две недели после наступления моего совершеннолетия.

Я сопротивлялась как могла, но наши силы с отцом были не равны. Меня заперли в комнате, насильно отвезли в клинику, где мне провели операцию по восстановлению девственности, после которой меня снова держали в заточении и оберегали от набегов в наш дом Уварова.

Постепенно Уваров всё реже появлялся в нашем доме, зато его место занял помощник отца Глеб Шилов.

Папа смотрел этому парню в рот, слушал каждое его слова, а Глеб выполнял любое поручение отца, и служил ему верным псом.

— Ливадия!!!

Теперь я уверена на сто процентов из ста, что это совсем не совпадение.

«Алевтина, на него нельзя положиться!» — голос отца стоит в ушах.

В последнее время я обрела покой, и стала почти спокойной и уравновешенной, забыв о всех неприятностях. Мне полегчало. Мы нашли общий язык с сыном, с мамой. А тут снова потрясение.

Странно одно, почему я ни разу не поинтересовалась, кто является хозяином банка? Зная председателя правления и генерального директора, не поинтересовалась, кто стоит за двумя компаниями- акционерами.

Цокаю по ступенькам крыльца, так тороплюсь, что спотыкаюсь. Захарыч поддерживает меня под локоть.

— Всё нормально, я взрослая девочка. Справлюсь!

Вхожу в теплое помещение, в котором пахнет стабильностью и покоем.

— Чем вам помочь? — перед нами вырастает стройная фигурка девушки в белой блузке и зеленой юбке.

— Я должна встретиться с нашими менеджером Быстровым, из отдела по работе с корпоративными клиентами. Меня зовут Алевтина Шилова.

— Вы записаны?

— Пожалуйста, просто сообщите ему, что я пришла.

Девушка исчезает в застенках банка, где раскинулись служебные помещения, и появляется спустя пять минут. Немного расстроенная.

— Быстров не может вас принять...

— Почему?..

Девушка поджимает губы.

— Передайте ему! — взрываюсь. — Что мы расторгнем все договора с вашим банком, если он сегодня же не одобрит наш вопрос!

— Обязательно передам, — спокойно выдает служащая банка, явно проинформированная заранее, как вести себя с клиентами, разговаривающими на повышенных тонах.

Стучу каблучками на выход из банка.

— Не потерплю такой дерзости! Уйду от них!

— Алевтина, мы не можем уйти от них. Без «Ливадии» мы совсем загнемся!

— А-а! — бью рукой по бедру. И в этот момент на мой телефон прилетает смс.

Неизвестный номер: «Аленькая, хочешь денег? Приезжай через час на наше место. Одна!»

Сердце бешено бьется. Понимаю, эта смс не может быть случайной. Ехать на другой конец города на машине не вариант, опоздаю. Придется воспользоваться подземкой, как в былые времена.

— Захар, подбрось до метро.

— Я подвезу до места!

— Не надо. До метро...

Андрей Уваров

— Андрей Андреевич, я её отшил, как вы просили, — сообщает Быстров, заглядывая в кабинет.

— Молодец. Но на премию не рассчитывай, — издевательски подмигиваю.

— Понял, — сотрудник исчезает за дверями, а я выглядываю в окно в ожидании, когда там появится фигурка бывшей.

— Алевтина, покажись. Посмотрю какой ты стала, — стучу пальцами по стеклу до тех пор, пока стройная фигурка женщины не появляется на крыльце. Под руку с мужчиной.

Ревниво вглядываюсь в спутника Али, но не узнаю его. Наверное, водитель или охранник.

Ладно, не важно. Появление мистера Икс не собьет меня с толку, слишком долго я вынашивал этот план. Следую ему, отправляю Шиловой смс.

Уваров: «Аленькая, хочешь денег? Приезжай через час на наше место. Одна!»

Сердце бешено колотится. Наблюдаю за тем, как молодая женщина читает смс, убирает поспешно телефон. И вместо того, чтобы бежать к метро садится в авто спутника.

Неужели я в ней ошибся. И за эти годы она так сильно изменилась? В ней больше нет того авантюризма и любопытства, которые мотивировали её на подвиги?

Понимаю, что Аля уже не девочка, у неё за спиной брак, ребенок, дом, семья. Но всё же надеюсь на что-то, что нас ещё может связывать.

Я всю жизнь ненавидел её и любил. Но оправдывал её поступок давлением отца.

Так! Наблюдаю за отъезжающим авто.

Неужели она не поедет на наше место?

Неважно. Я должен попробовать. Это последний шанс получить то, что у меня украли.

Быстро одеваю теплую куртку, беру телефон, ключи от машины, папку и иду на выход.

— Андрей, водитель на обеде, — сообщает мне секретарь Снежана.

— Ничего страшного, доберусь на метро. Как в былые времена.

Молодая девушка в ужасе глядит на меня, пытаюсь понять о каких таких былых временах я говорю.

— Вы уверены? Может, я вас подвезу или такси вызову?

— Думаешь, не справлюсь? Не сумею воспользоваться подземкой? — усмехаюсь, тронутый её горячей заботой.

— Я не это имела ввиду! — обижается.

— Не бери в голову. Мне нужно подумать, метро хорошее место для раздумий.

Иду поспешно на выход.

Мне действительно нужно много о чем подумать, и я всю дорогу размышляю о том, что скажу «своему прошлому». Но слова не складываются в предложения.

Поверить не могу, что всего спустя час Алевтина снова войдет в мою жизнь. И на этот раз нам никто не помешает.

Её мужа больше нет.

Моей жены тоже.

Конечно, она жива и здорова. Только больше не моя жена. Чья? Моего отца, который в своё время заставил меня жениться на ней!

Слава Богу, четыре года ада позади. Марина очень хотела иметь ребенка. Но у нас не получалось. Я старался как мог, но что-то не срабатывало. Может, потому что не любил её?

Четыре года хождения по врачам. От бесконечной сдачи анализов уже в глазах рябило, но жена не хотела признавать, что физических проблем у нас не было.

Они были в голове.

В моей. В её.

В результате меня освободил развод. А Марина снова вышла замуж (за моего зама) и через два месяца уже забеременела! Отец с радостью сходил с ней на ЭКО! И в пятьдесят стал отцом в третий раз.

Если мою сестру страшно расстроил данный факт, что наследных ртов прибавилось, то мне наоборот показалось это выходом из ситуации. Чем больше отец уделяет внимания другим детям, тем меньше его интересую я!

Нам с Алей обоим не повезло с отцами — тиранами. Они всегда всё решали за нас, думали за нас, выбирали за нас! Отец Альки заставил её выйти за Шилова, а мой меня женил на Маринке — дочери своего партнера.

Они сделали жизненно важный выбор за нас, а мы промолчали!!!

Алевтина

Захожу в наш ресторан, тот самый, где Уваров дела мне предложение.

Тот самый, в котором я ответила ему заветное «да».

Замечаю его за столиком, иду к нему, а у самой в голове отбойные молоточки мелодию играют «плохая идея».

— Здравствуй, Андрей, — шепчу едва слышно пересохшими вмиг губами, когда подкаченная фигура бывшего поднимается мне на встречу.

— Здравствуй, Алевтина.

Мы садимся, заказываем полноценный обед, нацеливаясь на долгий разговор по душам.

Андрей задает вопросы касательно планов нашей компании на ближайшие несколько лет. Я аккуратно выкладываю, без излишних подробностей.

Не тороплюсь подпускать к себе человека из прошлого. Тем более, что меня немного удивляет подобный неподдельный интерес к делам моей компании!

— Скажи, что тогда пошло не так? — неожиданно выпаливает Андрюша, и я в ужасе роняю вилку на стол. Лучше бы он продолжал терзать меня вопросами о финансовых планах фирмы.

— Просто мы были амбициозны и излишне эмоциональны, — отвечаю поспешно.

— Да, помню. Уверен, что это твой отец руку приложил, уж больно ему юркий парнишка понравился. Решил его использовать в своих темных делишках.

— Не говори так о моем отце!

— Разрешаю тебе также высказаться о моем! — парирует бывший парень и друг, и я понимаю его намеки с полуслова. Наши родители — люди за которыми тянутся огненные дорожки и остается выжженная земля.

— Твой отец затеял у вас дома ремонт, прислал Глеба.

— Да. А я хотела проучить выскочку, — признаюсь честно. — Думала приближу его к себе, а потом пошлю подальше. Но что-то пошло не так...

— Даже знаю, что! Он заранее узнал у твоего папаши все твои слабые местечки, хотелки. Потакал тебе во всем, избавлял от проблем. Ты так привыкла к тому, что Шилов был твоим пажем, что заставляла его приносить себе бутерброды в сад.

— Хочешь сказать, что я его использовала?

— О да! Жестко, без предварительных ласк!

Морщусь. Неприятно слышать такое от человека, мнению которого верю.

— Через две недели всё было кончено... для меня. Шилов смотрел на тебя глазами преданной влюбленной в хозяина собаки, ты не могла уже жить без прислуги, лобызавшей твои ступни с утра до вечера. А я сходил с ума от ревности, и вместо того, чтобы попытаться что-то исправить закатывал скандалы. Мой мир был пропитан ревностью и ненавистью. Я был агрессивен, чем пугал твоего отца. Как назло, у него случился скандал с моим отцом.

— Стоп, — прикладываю палец к губам. Замираю на мгновение. — Ты сказал, что Глеб смотрел на меня влюбленными глазами. Думаешь, он меня любил?..

— Самое противное во всей этой истории то, что ты тоже влюбилась в него. Только не хотела признаваться в этом. Это было ниже твоего достоинства. Золотая девочка полюбила простолудина! Поэтому гнобила его зверски.

— Он пришел и украл мое сердце, — от теплых воспоминаний о супруге, улыбка расплывается по лицу. — И я отдала сердце человеку, который его разбил! — воспоминания последних месяцев накрывают черной волной.

— Он изменял?

— Изменял. У него была другая семья. Я хотела подать на развод, но не смогла, оказалась трусихой. Не нашла в себе смелости жить без него. Не захотела лишать Сашу отца, боялась, что сын возненавидит меня.

— Алевтина, не буду тянуть резину. Мы оба занятые люди. Перейду к своему предложению.

Уваров говорит очень быстро, при этом вкладывает в слова так много экспрессии, что становится страшно и совсем не понятно.

Слова влетают в одно ухо и вылетают у меня из другого, не задерживаясь ни на секунду, чтобы я осознала их смысл.

Брак.

Свадьба.

Партнерство.

Возьму заботу о твоём сыне.

Позабочусь о бизнесе.

Вдова. Разведен. Оба свободны.

Понимаем друг друга.

Я буду беречь твоё сердце.

Отключаюсь, перестаю слушать, проваливаюсь в день восьмилетней давности и сравниваю двух Андреев. Того — милого, доброго, спокойного. И этого.

От настоящего Уварова исходит холодная ярость.

Можно понять, он во всём винит меня.

А в чём моя вина? В том, что не боролась за любовь. Но это было давно, сейчас всё по-другому. И встретились мы с ним по иному поводу.

Повзрослевший Уваров с магнетизмом зрелого мужчины явно пришел не чай со мной выпить. И уж точно не сделать какое-нибудь глупое предложение. Уверена, что за ним бегают женщины.

Вон и те две расфуфыренные мадам не сводят с него глаз.

Интересно, он же чувствует, что интересен женщинам? Наблюдаю за его реакцией.

Будто услышав мои мысли, Андрей проходится пренебрежительным взглядом по девушкам, и возвращает мне свой вопросительный взгляд.

— Как тебе моё предложение стать партнёрами?

Чертовски соблазнительное предложение, но отталкиваю его усилием воли. Плевать, что другого у меня нет. Но соглашаться на такую кабалу, которую предложил Уваров, смерти подобно.

— Андрей, ты предлагаешь мне такое, что у меня волосы на голове встают дыбом!

— Я предлагаю тебе выйти за меня замуж. И если ты меня уже не любишь, и уверена, что любовь не вернется, пусть это будет фиктивный брак. Родишь мне сына, я помогу тебе с бизнесом.

— Родишь сына? Как легко ты рассуждаешь!

— Я не заберу у тебя сына. Он будет твоим! Просто буду знать, что у меня тоже есть сын. Шилу же ты родила!

— Я не знаю, — кусаю губы в растерянности.

То, что предлагает Уваров, за гранью!

Но это действенное решение моей огромной проблемы, и я это вижу. Оно сработает! Знаю Андрея много лет, могу положиться на него. Это ему будет сложно снова мне поверить, потому что в нашей связке я — слабое звено.

Сказать да? Согласиться на брак? Но не предам ли я память Глеба. Со дня его смерти прошло очень мало времени, и любящая жена не должна смотреть на другого мужчину.

Впрочем, я и не смотрю на Уварова как на мужчину. Вижу в нем лишь друга молодости, инвестора. Человека, предлагающего помощь в тяжелое для меня время.

От всех этих переживаний глаза наполняются слезами.

— Хотя бы попробуй, — уговаривает меня Андрей и бесцеремонно берет за руку.

— Аля! Я же не напоминаю тебе о прошлом, о том, что ты разрушила мою веру в женщин, когда бросила меня. О том, что ты и сейчас действуешь на меня так, что я думаю сразу о сексе.

— Нет. Я предлагаю тебе взаимовыгодный союз, а там посмотрим. Как пойдёт! Если не захочешь спать со мной. Чёрт с тобой!

— Как же я рожу сына? — спрашиваю, не моргая.

— ЭКО! — гремит бывший.

Алевтина

Наступает апофеоз встречи. Смотрим друг на друга изумленно.

— Кивни, если согласна, — деловито произносит Уваров.

— Не стоит делать подобное, — шепчу я. — Это, наверное, опасно для здоровья матери и ребенка.

— Ты заблуждаешься! Миллионы матерей проходят через процедуру и остаются здоровы. Более того, после родов, расцветают как женщины. И дети у всех богатыри!

— Но... зачем нам занимать места тех, кому нужнее. Если мы можем сами...

— О-о! Я тоже за естественное зачатие! — улыбается бывший. И прямо смакует. Предвкушает.

— Андрей, я еще не дала свой ответ. Понимаешь, у меня сын, и он сильно скучает по отцу. Ты будешь напоминать ему о его потере. Я не смогу смотреть, как разрывается сердечко моего маленького мальчика.

— Я тоже люблю хоккей! Мы сдружимся, обещаю.

— Откуда знаешь, что Саша посещает хоккей?

— Знаю...

— Следишь за мной??? — невольно сглатываю.

— Нет. Присматриваю.

Поднимаюсь из-за стола, старательно улыбаюсь.

— Я подумаю над твоим предложением. Нужно спросить у Саши и мамы, не хочу насильно насаждать им новый порядок жизни.

— Хорошо! — бывший поднимается вслед за мной, и едва я делаю шаг на выход, как высокая мощная фигура преграждает мне путь, ведущий к спасению.

В следующую секунду крепкие руки берут меня за талию и приближают к своему хозяину.

Лицо Уварова так близко, что могу рассмотреть каждую морщинку, выдающую напряженное состояние отца.

Гляжу удивленно в большие от природы глаза. Они у мужчины по-прежнему красивые. Голубые, цвета неба, как у Глеба и Сашки.

Очерчиваю мысленно прямой нос, немного пухлые от природы губы. В следующее мгновение губы мужчины оживают, нагло касаясь моих губ.

Я не отвечаю, сжимаю свои в тонкую полоску. И поцелуй получается слабеньким намеком на настоящий.

— Зачем ты это делаешь?! — шепчу с обидой.

— Хочу узнать, чувствуешь ли ты что-нибудь?

— Какая разница! — взрываюсь я.

Чуйка кричит, что эта встреча не закончится для нас добром. Я долго смотрю на бывшего и спрашиваю:

— Это ты портил дела моему мужу? Ты подтачивал его уверенность в своих силах? — глухо рычу я. — Всё это время ты вынашивал план по уничтожению Шилова. Если бы я не знала, кто его убил, я бы подумала, что это ты! — слова вылетают так быстро, что я не успеваю их остановить, и вовремя захлопнуть рот.

Лицо Уварова мрачнеет, а я считаю до десяти, обдумывая, что делать дальше. Что говорить. Что думать. Главное, чего ожидать от Андрея.

Конечно, я в нем уверена на все сто. Но когда дело касается убийства, крыша может потечь у любого.

— М-м, — наконец, бывший обретает голос. — Мягкое послевкусие после поцелуя. Нотки вишни?

Невольно сглатываю. Узнаю Андрюху. В этом он весь. Всегда делал и говорил то, что я хотела услышать. Угадывал по моему лицу, что мне нравится, что нет.

Может, из-за этого мы и расстались? Если бы тогда он проявил чуть больше напористости, надавил на меня, я бы стала сильнее и сопротивлялась отцу так, что отыграла бы у него право на собственные решения.

— Жевательная резинка, — произношу наигранно весело.

— Угостишь? Я теперь хочу такую же.

Плохо скрывая волнение, достаю пластинку из сумки, протягиваю парню.

— Алька, умеешь уговаривать! — Уваров улыбается так, что у меня в груди перехватывает от мысли. Что он теперь думает обо мне. Но я понимаю правила игры, если он сделал вид, что не услышал тайну, то и я должна молчать.

— Ты до сих пор носишь обручальное кольцо, — неожиданно сообщает мне Андрей и показывает на мою руку.

— Да. Это для сына. Чтобы он видел и знал, что я скорблю и помню о Глебе также сильно, как он.

— А ты? — грудь мужчины высоко поднимается, видно, что этот вопрос ему неприятен, потому что вызывает злость.

— Ревнуешь? — медленно снимаю кольцо.

Дыхание мужчины сбивается.

— Твой ответ да? — по ярко-голубым глазам Уварова вижу, что он уже предвкушает, как я прогнусь под ним.

— Я бы ответила да, но мне не нравится, что от тебя исходят волны угрозы! — шепчу с придыханием.

Мужчина хватается за плечи и трясет как тряпичную куклу.

— Алевтина! Неужели я похож на дурака? Восемь лет ждать любимую женщину, чтобы взять замуж. Чтобы что? Наказывать? Унижать? За то, что когда-то она унизила меня перед всеми?

В ужасе гляжу в перекошенное лицо бывшего. Понимаю, что у него предохранители сорвало.

Андрей замечает мой испуганный взгляд, чуть ослабляет хватку.

— Действительно так считаешь? — вожделенный взгляд меняется на обиженный.

Как ребенка хочется приласкать его, погладить по головке.

— Я не знаю, с кем ты жила и общалась все эти годы. Но обещаю быть тебе хорошим и верным мужем. Слишком долго я ждал, чтобы занять своё место. Слишком долго, чтобы профукать свой шанс.

— Всё так быстро. Мне надо подумать. Пожалуйста, отпусти меня.

— Ты умная и честная. Уверен, что примешь правильное решение, — нехотя мужчина отпускает меня, и я бегу от него прочь.

Еду в метро, и понимаю. Что сегодня что-то изменилось во мне. Щёлкнуло, будто

сломалась внутренняя пружина, которая была слишком сильно натянута все эти месяцы, с того самого момента, когда в наш дом ввалилась Инесса.

Вдох-выдох.

Выдыхаю еще раз, чтобы проверить догадку. Не показалось. Действительно, впервые в груди не тянет и нет той тяжести, что несла все эти годы, не признаваясь себе.

Уваров простил меня...

Алевтина

Спустя два месяца

— Андрей, мы так не договаривались! — говорю как строптивая жена, и отталкиваю от себя нового мужа кулачками. Озираюсь нерешительно в сторону входной двери и балконной. Не хватало только, чтобы нас застукал кто-нибудь из домашних. О том, чтобы сын увидел, как Уваров — новый «муж мамы» обнимает меня, даже речи не идет. Сын затеет истерику, и вечер будет безвозвратно испорчен.

— Что я делаю не так? Всего лишь обнимаю собственную жену?

— Уваров, ты забыл? У нас фиктивный брак! — выпаливаю, и делаю акцент на слове «фиктивный». — Мы всего лишь хотим помочь друг другу обрести счастье и покой. Иногда мне кажется, что я ошиблась, приняв твое предложение. Не надо было соглашаться на эту авантюру!

— О чем ты?

— Иногда мне кажется, что я занимаю чье-то место! Я же вижу, как женщины на тебя смотрят. Облизываются как кошки на сметану. И с какой ненавистью они глядят на меня. Они считают, что я получила слишком много!

— А ты так считаешь? — спрашивает муж и я слышу в его голосе глухую обиду.

— Мне жаль... — опускаю глаза в пол. — Я просила тебя подождать хотя бы год, а ты торопил меня. Теперь все считают меня падшей женщиной. Я выскочила замуж через несколько месяцев после гибели мужа. Звучит ужасно. Будто мне не терпелось. Будто я шалава какая-то!

— Я не мог больше ждать и рисковать...

— Чем рисковать?

— Тобою! Один раз тебя увели, ждать второго — глупо! — цедит сквозь зубы Андрюха и его лицо искажается болью.

— Не надо было нам жениться. Может, еще не поздно всё отыграть?

— Поздно. Я уже записал тебя на процедуру ЭКО на следующий месяц. Врач толковый, всё получится с первого раза, — выдавливает муж.

И я стону вслух. А лицо супруга искажается гримасой боли, и неприятия всей этой ситуации.

— А вдруг не получится с первого раза?

Андрей берет меня за плечи и смотрит мне в глаза.

— Всё у нас с тобой получится. Мы же подходим друг другу!

— Я тебе не подхожу. Тебе нужна другая, — пытаюсь выскользнуть из его крепких рук. Уваров держит меня так крепко, что я прихожу в отчаянье. Кажется, что он уже никогда не выпустит меня из своих крепких объятий.

Холодные прозрачно-голубые глаза пристально смотрят на меня.

— Если не хочешь гормональную терапию, боишься набрать лишний вес, можем попробовать по-старинке...

Пристально кружит взглядом по моей груди.

Боже мой!

Аж скулы сводит.

Уваров женился на мне, пошел против воли своего отца, наплевал на все пересуды в нашем обществе. Он поставил на кон всё! Свою гордость, деньги, здоровье, энергию, силы. И хочет получить взамен частичку меня — общего сына.

Я готова подарить ему мальчика. Второй сынишка принесет в мою жизнь новое, то, что должно заменить ушедшее старое. Местечко в моем сердце свободно для новой привязанности.

— Секс? — гляжу на мужа дерзко и непримиримо. — Даже речи не может быть!

Вижу, как Уварова топит ярость.

— Я был твоим первым, а теперь не могу рассчитывать на тебя?.. — он явно делает усилия над собой, пытается совладать с гневом. В его глазах застывает презрение и безразличие ко мне. — Больше не попрошу тебя о любви. Между нами только деловые отношения!

Уваров улыбается, и от его улыбки веет диким холодом.

— Не ждите меня к ужину. Буду поздно, — криво ухмыльнувшись, идет на выход.

Фактически муж заявил, что будет ужинать не в моем обществе. В женском? Ну да. Шикарный мужчина. Очередь на ужин с ним до Нового года расписан. Уверена.

Что я чувствую?..

Не знаю. Мне холодно и мерзко.

Ругаю себя, что поторопилась выйти замуж. Мои раны слишком свежи, и я не могу сейчас строить новые отношения с другим мужчиной.

Вернуть старые? Те что были до Глеба?

Делаю над собой усилия, копаюсь в собственной душе.

— Аля, сама виновата! — на кухню заходит мама. — Зачем поспешила замуж за человека, которого не знаешь? — запах дорогих духов Светланы распространяется по кухне — столовой.

— Мы молодость провели бок о бок! Разве этого недостаточно, чтобы узнать человека?

— Человека — да. Мужчину — нет. Андрей больше не тот мальчик, которого ты знала. Он мужчина, при том обиженный тобой. Я бы ему не верила! И уж тем более не рожала ребенка!

— Уйди! — злюсь на мать.

Как только наши отношения стали налаживаться, она начала на меня давить. Относится ко мне как к нерадивому ребенку. Лезет в мои дела. Раздает советы направо и налево. А я даже послать ее не могу! Иногда возникает стойкое желание посадить ее в такси и отправить домой, но есть одно «но», мешающее мне исполнить мою мечту.

Саша без бабушки не может прожить и одного дня! Ей удалось привязать к себе мальчика невидимыми нитями, и теперь он её защитник.

Она заменила ему отца!

С ней он играет в шахматы, её он берет на рыбалку, с ней ездит на хоккей. Её приглашает на родительские собрания в школу.

А она... любит его искренне и очень сильно, отдает ему всю ту любовь, которую копила, пока меня и папы не было с ней рядом.

Мама не уходит из кухни, поэтому я разворачиваюсь и ухожу к себе в комнату. Поеду на работу голодная, перекушу в кафе.

Андрей

Мысленно наматываю темные волосы Алевтины на кулак, вынуждаю прогнуться в спине.

Продельваю этот трюк уже не в первый раз, потому что не могу контролировать видение из прошлого.

Всему виной моё желание любить её. Только вот бывшая совсем не спешит отвечать взаимностью. Я бы понял её, если бы она жила с достойным мужиком. А так... Сравнивает меня с дребеденью.

Сколько я следил за их жизнью, столько раз у меня и возникало желание отправить бывшей фото, где он лежит у бассейна с женой. А недавно мне повезло — жена одного из клиентов закрутила роман с Шиловым. Ну я и вышел на Инессу, сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться. А она в ответ передала Алевтине всю информацию, что знала сама, и ту, что от меня получила.

Снова мысленно притягиваю Альку к себе и целую в пухлые губы, отекавшие от поцелуев.

Она стонет, едва я накрываю ее желанный рот. А я притягиваю ее за ноги к себе.

«— Ты моя! Принадлежишь мне. И я никому тебя больше не отдам.

— А я ни к кому и не пойду! — усмехается она.

— В последнее время твой отец криво смотрит на меня, — яростно шепчу я.

— Да. Он какой-то взвинченный.

Мы снова целуемся, забывая об отце Али».

Усилим воли выдираю себя из приятного воспоминания, когда моя женщина действительно была моей. И еще никакого Шилова не маячило на горизонте. И многоуважаемый отец не хотел выдать замуж обожаемую дочь за свою шестерку.

Бросаю злой взгляд на дом. Думаю о жене, которая только что отказала мне в близости и снова усомнилась в правильности нашего брака.

Стерва!

Вспоминаю, как три месяца назад сходил с ума по ней. Как только услышал о гибели ее мужа с любовницей. В моей душе тут же что-то зашевелилось, и я решил, что пора действовать.

О том, что мне нужна жена — нормальная девушка, желательно из простых, на худой конец из своих, я знал. Понимал, чтобы не сойти с ума и не одичать с красивыми глупыми девицами, нужно было жениться и родить ребенка.

Даже в кошмарном сне я не мог предположить, что, встретив ту, что предала меня, сделаю ей предложение.

Какой-то бесконечный кошмарный сон.

Я всего лишь хотел взглянуть на Альку одним глазком и предложить ей стать партнерами. Жалко мне ее стало.

Но когда ехал в ресторан, понял, зачем еду. Вернут прошлое, чтобы почувствовать его на вкус. А вкус у этого прошлого был таким же как губы Алевтины.

Господи! Лучше бы бывшая была меркантильной особой, продуманной до мелочей. И думала только о фирме.

Так и вышло. Аля так быстро согласилась на брак, что я уже решил, что она у меня в

кармане. Поженимся, она родит мне двойню, выйдет в декретный отпуск, а я спокойно займусь делами ее фирмы (которыми «занимаюсь» уже пару лет).

Но как оказалось в планы бывшей не входила семья в ее прямом значении. Аля хотела лишь покоя. А я, видите ли, лишаю её этого сраного покоя.

Тем, что требую стать настоящей женой.

Тем, что хочу стать Саше настоящим отцом.

Отношения с пасынком у меня не складываются еще больше, чем с его матерью.

Ругаюсь матом.

И в моем мозгу впервые возникает правильная мысль — похоже, я действительно ошибся, выбрав бывшую в жены. Какая-то она неправильная жена. И семья у нас бракованная.

Зря я понадеялся, что моей любви хватит на всех.

Судорожные мысли о том, что делать дальше. Согласиться на развод? Где я возьму новую жену? Если до этого дня не позволил себе поставить на место супруги никого, кроме той, что предала. То и гарантии нет, что дальше пойдет по-другому.

Вся эта ситуация до смерти раздражает меня.

Перед глазами стоит холеное лицо жены. Красивое. С правильными чертами, хорошей кожей, чуть вздернутым носиком. Большие серые глаза, обрамленные темными ресницами, красивые чувственные губы. Ладная фигура с аппетитными женскими формами.

Всегда ухоженная и хорошо одетая. Знающая свои достоинства и умело подчеркивающая их одеждой.

Милая. Спокойная. Рассудительная.

Такой она считывается окружающими, но всё совсем не так!

Если копнуть глубже, то характер у нее упрямый и дерзкий. Амбициозности и уверенности Але не занимать. Видимо, от отца достались качества в нагрузку. В нагрузку для окружающих!

Именно эти качества меня и привлекали в ней в молодые годы!

Если пять минут назад я сомневался в своем изначальном плане, то сейчас вновь поверил в него.

Я заключил с Алей сделку, но она не знает настоящих мотивов моего решения. Думает, это спонтанность, сантименты.

Нет. Мною руководит выверенный подход бизнесмена.

Я хотел поступить с бывшей по-хорошему. Ей и так пришлось много всего пережить за последнее время.

Иногда думаю, что ее небеса наказали за то, как она вытерла об меня ноги.

Но мне всё равно её жалко. Где-то глубоко в моей душе всё ещё живет теплый лучик, который когда-то Аля мне подарила. Он всё ещё греет меня.

Хмурюсь.

Какая же она!.. Если продолжит ломать комедию, придется пойти на крайние меры. И Але будет очень больно. Придется много плакать. Но я уже не отступлюсь от своего выбора.

Алевтина

Возвращаюсь после работы пораньше, сегодня мы планировали вместе поужинать. Уже в холле вспоминаю, что утром поругались с Андреем, и он сказал, чтобы мы ужинали без него. Не ждали.

Как всегда, все мужчины гордо сваливают от меня. Наверное, со мной что-то неладное творится. Если в молодости бегали косяками, то сейчас все шарахаются. Даже тот, что клялся в любви восемь лет назад сейчас ведет себя как инфантильный ребенок и ждет, чтобы я его пожалела, приласкала.

Я и сама хочу... только признаться в этом ему или себе — подобно потери лица. Все аргументы иссякли и как еще объяснить мужу по-хорошему, что я не отказываю ему, а всего лишь прошу подождать, когда будет можно любить согласно нормам принятым в обществе.

После того, как Уваров озвучил сумму контракта между нами, у меня создалось ощущение, что он предлагает мне выкупить у меня услугу — выносить его ребенка.

С таким же успехом он мог нанять суррогатную мать и не мучить ни себя, ни меня. Ни Сашу!

Понятно, что он не может любить моего сына от своего соперника по-настоящему! Зачем весь этот спектакль, который он устраивает каждый день!

— Саша, я взял нам билеты на футбол!

— Саша, в эти выходные идем на хоккей!

— Саша, поедem в Диснейленд!

Сын отказывает ему и принимает его в штыки, называя «маминым мужем», но Уваров лишь глотает обиды молча и с улыбкой. И снова идет в бой.

Зачем?!

Саша ему безразличен, он хочет своего сына!

Для чего эта игра?

Если бы Андрей так сильно любил детей, как хочет показать нам, то завел бы своего за восемь лет или на худой конец, взял бы шефство над детским домом или детской футбольной командой. Существует миллион способов реализовать нерастраченную любовь к детям!

Театр абсурда!

И за эту постановку Уваров платит баснословные деньги, которые вложил в мою компанию, чтобы поднять ее с колен. Главное, тратит нервы, общаясь со мной.

Сексуальный, brutальный, красивый как бог.

В нем нет ни высокомерия, ни дьявольской невыносимости. С таким как он жить смогла бы любая женщина. Робкая или оторва. Любящая или любимая.

Почему он выбрал проблему? Почему я его жена?

Слишком хорошо знаю Андрея, поэтому не верю в его искренние чувства, которые он пронес через время.

Вспоминаю искаженное гримасой лицо, когда мы ругались утром.

В супруге не было любви, он был наполнен ненавистью и злостью ко мне.

Чего он хочет?

Неужели, мести?!

Влюбить меня в себя. Привязать к себе мальчонку. Получить долгожданного сына. И свалить за горизонт. Ах да, ещё прихватить кусок моей фирмы.

Становится не по себе. Еле дышу. Резко стягиваю с себя зеленое платье, и ткань трещит по швам. В дверь стучат.

— Кто?

— Мама, это я.

— Минутку! — стремительно набрасываю на себя шелковый синий халат, бегу к дверям.

— Да, милый, — открываю дверь и встречаюсь глазами с ясными голубыми глазами сыночка.

— Мама, ты скоро? Бабушка уехала, и я боюсь идти в столовую один.

— Почему? — сглатываю ком страха, застрявший в горле.

— Я боюсь твоего мужа!

— Что? — приближаю к себе ребенка, глажу его по спине.

— Почему?

— Он так странно смотрит на меня. А ещё просил называть его «папой»! Но ты же обещала, что не заставишь называть его «папой», — в глазах сына блестят слезы. — Я не хочу! У меня один папа. Я не предаю его!

— Милый, успокойся. Я поговорю с ним! Пойдем ужинать.

Оставляю мечты о душе и спускаюсь с сыном в столовую. Бедный мой ребенок. Его маленькое сердечко не понимает, почему вокруг столько несправедливости. Почему умер именно его папа. Почему мама привела в дом чужого дядю. Почему чужак требует называть его «папой».

— Сынок, хочешь схожу с тобой на футбол в эти выходные?

— Съезди со мной в парк развлечений, — в голосе Саши появляются нотки счастья.

Вглядываюсь в ребенка и замечаю, что его глаза светлеют и становятся ярче.

Как же здорово, что дети не могут страдать так долго, как взрослые.

— Замётано! — протягиваю Саше мизинец, и мы скрепляем соглашение на мизинцах.

— Я люблю тебя мама. И разрешаю поцеловать.

— Ух! — наклоняюсь, целую сына в щеку, пока он не передумал, вспомнив, что он взрослый.

Топаем весело на кухню.

— С Лизой переписываетесь? Как она?

— У сестры всё нормально. Но она скучает и просится к нам на праздники.

— Посмотрим, — отвечаю безэмоционально. Не хочу развивать эту тему. Лиза клянется и божится, что простила меня и будет вести себя хорошо.

Верится с трудом после той ненависти от которой сносило с ног.

Заходим в столовую и столбенеет на месте.

— Что здесь происходит?..

Алевтина

Метнув быстрый взгляд на отца мужа, сидящего в кресле напротив входа, и держащего за руку свою жену — бывшую жену Андрея, я пришла в шок.

Скептически оглядев нарядное убранство кухни-столовой — яркие шарики, дорожку посуду на столе, я закатила глаза.

Только праздника в нашем доме не хватало!

У меня отвратительное настроение, которое мне утром испортил супруг, и совсем непонятно, кто и зачем пригласил гостей в будний день.

Встречаюсь взглядом с мамой. И она закатывает глаза, типа делает мне ментальное замечание, что я как хозяйка веду себя очень плохо.

Старший Уваров с большим интересом наблюдает за моим сыном, пока он стоит, прилепленный ко мне как маменькин сынок.

Мой мальчик обычно такой общительный и веселый в последние месяцы стал замкнутым и спокойным.

— Здравствуй! — холеный Уваров поднимается из-за стола, идет к нам.

А я злюсь на мужа. Потому что сейчас стою перед гостями в шелковом синем халате! С неуложенными волосами. В тапочках.

Мило! Андрей подставил меня по полной программе.

Сам же разрешил мне ходить по дому не в платье (как заставлял меня Глеб), а в халате, и забыл предупредить о гостях, зная, что я выйду к столу в чем попало.

Злая. Очень злая на мужа улыбаюсь его отцу.

— Алевтина, — громко произнес мужчина, равняясь со мной и моим мальчиком. — Мы тут мимо проезжали, решили заглянуть. Поздравить внука с победой! — мужчина жадно вглядывается в лицо моего растерянного мальчика, который пытается спрятаться за меня от настырного дядьки.

Ловлю настороженный бездонный взгляд Марины и понимаю, что что-то идет не так. Я не ревную Марину к мужу, она мне фактически безразлична, несмотря на то, что ревновать есть к чему. Фактурная баба. Самоуверенная красавица. Темно-зеленые кошачьи глаза глядят на меня ядовито-ревниво.

Удивляюсь. Неужели, она до сих пор что-то чувствует к моему мужу или эти эмоции связаны с их общим прошлым, в котором незримо присутствовала я в воспоминаниях Андрюши.

— Мы рады, что вы нас навестили, — отвечаю ровно, взяв себя в руки. — Да, матч был знатный. Бабушка и Андрей ходили, болели за нашего!

— У нас мало времени. Я заехал сказать, что договорился о просмотре для внука. Его ждут в СКА в эти выходные.

— Какого внука? — глупо спрашиваю я. От напористости Уварова у меня прямо мышление отбило.

— У меня один внук, — смеется мужчина и показывает на моего сына!

Замешкавшись, гляжу в блекло-голубые глаза свекра, и вижу, как льдистые голые льдинки тают у меня на глазах.

— А-а! Вы про моего Саньку?

— Почему же про твоего? — ревностно спрашивает мужчина и треплет моего дрожащего от неприязни мальчика по голове: — Я про своего внука!

Понимаю, что возникла жуткая проблема недопонимания. То, что отчим Саши теперь сын Уварова ввело мужчину в заблуждение. Но я не хочу портить праздник и заявлять это во всеуслышание.

— Милый, поедешь в хоккейный клуб СКА на просмотр? — спрашиваю у Сани и вижу по его загоревшимся глазенкам, что он готов ехать прямо сейчас.

Подарок свекор преподнес знатный, но это не отменило того факта, что сегодня он здесь явно лишний и разумеется мог преподнести новость по телефону!

— К столу! — веселый голос мужа раздается у меня за спиной и поворачиваюсь очень медленно, считаю до пяти, чтобы не предъявить ему что-нибудь этакое, за что будет стыдно. Я дала себе сегодня зарок больше не ругаться с супругом. В конце концов, мы не враги, надо искать точки соприкосновения.

В руках у Андрея цветы и клюшка с подарочным бантом.

Широко улыбаюсь. Подталкиваю Сашу к отчиму, чтобы он забрал свой подарок.

— Женщинам — цветы, детям — клюшки, — громогласно заявляет супруг, и я смотрю в его сияющие голубые глаза.

Он так счастлив, будто забыл с чего началось это пасмурное утро в нашей семье.

Сын протягивает руку, обхватывает клюшку, притягивает к себе, а я забираю свой букет алых роз, и не сразу соображаю, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

— А-а-а! — Саша кричит так громко, что я роняю цветы из рук.

— Милый, ты поранился?!

Сын бросает клюшку на пол.

— Заноза? — хватаю маленькую ладонь орущего ребенка, рассматриваю внимательно!

— Бантик!!!

— Бантик?.. — вглядываюсь в подарочный бант с лентой и прихожу в шок. Перевожу порицающий взгляд на побледневшего вмиг мужа.

«Любимому сыну от папы» — гласит надпись на ленте.

— Милый, дядя Андрей просто ошибся. Не надо так бурно реагировать, — шепчу я, и завожу ребенка вглубь столовой. Усаживаю на его высокий стул. — Сейчас будем есть праздничный торт и всё забудется. А дядя Андрей, — вцепляюсь взглядом в бледное лицо супруга, — снимет и выбросит дурацкую ленту.

— Всё хорошо, — мама подходит и обнимает внука со спины. — Сейчас будем есть торт!

— Не надо! Не открывайте! — орет истошно Андрей из-за спины моей мамы. И остается не услышанным.

Поздно. Марина снимает непрозрачную крышку с большого подноса, который мы обычно используем для тортов.

Вот и в этот раз на подносе оказывается торт.

Боже! Этот праздничный ужин напоминает мне кошмарный сон.

Закрываю лицо руками, жду жуткую реакцию ребенка.

Тишину разрывают тихие всхлипывания сыночка.

Тоже не могу удержать слёз, они всё бегут и бегут по щекам.

Убираю руки от лица и смотрю на торт, выполненный в виде хоккейной коробки. На белом поле хоккеисты с клюшками, шайбы. А нападающий с номер «10» забивает шайбу в

ворота.

В центре поля надпись «Саше от папы Андрея»...

Вскидываю глаза и сквозь пелену разглядываю шары, читаю надписи.

«Саше от мамы», «Саше от деда», «Саше от бабушки», «Саше от папы»...

— Сынок, хочешь, мы закажем пиццу? — смотрю в любимые глаза сына.

Кивает.

— Вы здесь веселитесь, а мы пойдем, — увожу ребенка в детскую. — Всё пройдет. Дядя Андрей крупно ошибся. Прости его!

— Никогда!

Остаток вечера смотрим мультфильмы, поглощаем пиццу.

Не реагирую, когда от дома отъезжают автомобили с гостями. Пусть делают что хотят, только нас не трогают.

Андрей

Сегодняшний день не задался совсем. Хотел, как лучше, получилось как всегда. Мечтал обзавестись собственной семьей. Желание сбылось. Только счастья не принесло.

Потому что крепкая семья та, где все члены любят друг друга. А у нас как-то не срослось.

Почему Бог послал мне эту поганую любовь?

Любить всю жизнь одну женщину, которая платит тебе взаимностью — бесспорно, счастье. Любить Алевтину — зло. Большая напасть, горячка. Наказание за все грехи. Что-то вместо ада на земле.

Гости разъехались, оставив меня одного наедине со своими дурными мыслями. И я поднимаюсь к себе в комнату, где меня никто не ждет.

Конечно, я в доме не один.

Есть водитель, охранник, горничная, няня. Но им от меня нужны только приказы, деньги и моё хорошее настроение.

Ещё есть жена и сын. И оба меня ненавидят.

За что? Горечь обиды съедает мое сердце. Врач сказал, что мне нельзя нервничать после микроинфаркта, который случился у меня два с половиной года назад... когда я узнал правду.

У меня тогда даже седая прядь волос появилась, которую я тщательно маскирую у надежного стилиста.

Сбрасываю с себя одежду, остаюсь в одних боксерах. Но вместо того, чтобы встать и идти в душ, продолжаю сидеть.

Отец сказал: — Потерпи сынок, ей надо время.

Её мать сказала на прощание: — Ей надо время, чтобы принять информацию, она ещё не отошла от смерти Глеба.

Алевтине надо время! А у меня его нет! Я и так потерял уйму. Ждать ещё? Какого? Я должен терпеть и терпеть?

Я уже давно потерял жизненные ориентиры, потому что Алька сломала мой компас дважды. Один раз, когда бросила и второй раз — два года назад...

В дверь тихо стучат. Не реагирую, и стук становится всё громче и громче.

— Входи!

Дверь распахивается и вглубь спальни заходит Алевтина собственной персоной.

Не улыбаюсь ей впервые за время нашего брака.

Не рад ей впервые за всю жизнь.

Лишь киваю на кровать.

Подходит, и вместо того, чтобы сразу сесть встает напротив и вынужденно поднимаю лицо — встречаемся прямыми взглядами.

Алька красивая и обычно в ее присутствии у меня внутреннее торможение всех мыслительных систем, кроме самой мелкой и важной. Той что отвечает за продолжительность рода человеческого.

На Алевтине топ и я могу любоваться ее голыми плечами. Скольжу взглядом ниже и рассматриваю длинные стройные ноги, обтянутые трико.

— Знаешь, не ожидала от тебя такой подлости!

У меня еще не выработался рефлекс противостояния Аалькиным наездам. Сколько себя помню, всегда уступал ей. В результате потерял своё.

— Не надо было нам жениться! — Алевтина садится рядом со мной, бедро к бедру.

Мой ангел. Женщина, к которой я всегда стремился душой и телом. Женщина, которую я всегда держал за эталон.

Недосягаемая женщина, которая волею судьбы снова стала моей.

Молчу, ничего не говорю. Уже боюсь реакции жены на любое слово, на любой поступок.

Руки Алевтины ложатся мне на голые колени и меня бьет ток в двести двадцать вольт.

— Давай исправим ошибку, — шепчет она, вглядываясь жадно в мое лицо.

— Как? — отвечаю едва живым голосом.

— Разведемся. Тихо. Мирно. Полюбовно.

Усмехаюсь. Глажу ее руки своими большими ладонями.

— Детка, пары у которых есть что делить не разводятся просто так в мгновение ока.

Аля пытается вырвать свои руки, но я не отдаю ей их. Она моя жена, давала клятву. Больше я ее не отпущу. Никогда.

Вижу по румянцу, вспыхнувшему на красивом лице, что супруга в гневе и сейчас тактично подбирает слова, чтобы меня послать куда подальше.

Позволяю ей копаться в своей памяти, не оказываю давления, молча жду. Это даже забавно — наблюдать за ее милым личиком, пока она злится. И ищет выход из ситуации, из которой нет выхода. Ни одного.

— Ты. Хочешь. Обратно. Свои деньги?

— Деньги? Какие?

— Те, что вложил в мою компанию.

— Я вкладывал деньги не в твою компанию, а в наследство своих детей!

— Боже мой! — шипит Алька разъяренно. — Ты еще на что-то надеешься? После того, что произошло сегодня, я не буду рожать тебе наследника.

— Ну и не надо! У меня уже есть. Сейчас встану. Пойду в детскую. Разбужу Сашу и скажу ему, что я его отец.

— Ты псих! — Аля поджимает губы. — Зачем издеваешься над семилетним мальчиком, у которого только что умер отец! — в глазах бывшей слезы.

— Хватит меня хоронить! Я не умер! — ору так громко, что стены дрожат.

Алевтина

Захожу в комнату к бывшему, чтобы обсудить большую проблему, возникшую из ниоткуда, и напарываюсь взглядом на голого мужчину в одних боксерах.

Мгновенно краснею, но очень быстро беру себя в руки. Я пришла серьезно поговорить и не уйду отсюда, не выполнив задуманное.

Андрей приглашает меня присесть рядом с ним, и я тут же занимаю место.

Боюсь взглянуть на него. Страшусь признать очевидное, что сложен муж на редкость великолепно. А постоянные занятия в спортивном зале помогли ему приобрести мышцам ярко-выраженный рельеф.

Даже не верится что этого человека я одержимо любила, а сейчас он пытается разрушить меня до основания. Заставляет жить так, как он планировал восемь лет назад. Но это невозможно! Я стала другой. А еще я больше не одна — у меня сын.

К тому же я не готова подпускать никого ни к своему сердцу, ни к телу.

— Пожалуйста, прекрати давить на ребенка и заставлять его называть тебя папой. Это неэтично и жестоко. Его отец только умер!

— Хватит меня хоронить! Я не умер! — Уварову окончательно срывает башню, и он кричит так громко, что стены дрожат.

Невольно опускаю глаза на свои руки, жду пока муж успокоится. Но его всего трясет, и я понимаю, что должна уйти. Разговор явно не задался.

Поднимаюсь и тут же Андрей хватает меня за запястье и валит обратно на кровать. От неожиданности заваливаюсь на спину. Зато муж вскакивает и широким шагом идет к тумбе. Из верхнего ящика комода достает бумагу и возвращается с ней ко мне.

В следующую секунду бумага опускается мне на лицо

— Прекрати! — зажимаю лист в руке и сажусь. Смотрю на лист, но буквы прыгают, и я ничего толком не могу рассмотреть. Передо мной явно какое-то медицинское заключение. Материалы взяты в Саши и Глеба.

Пробегаю глазами по строчке:

«Вероятность отцовства 0 %»

— Что это?..

— Тест ДНК двухлетней давности, который гласит, что Глеб Шилов и Александр Шилов не являются родственниками. Они никто друг другу!

— Ты подделал документ! — отвечаю уверенно.

— Если бы. Мой человечек, работавший секретарем у твоего мужа, сфотографировал документ с оригинала, который лежал на столе у Глеба Шилова!

— Не верю! — выдыхаю. Я даже не волнуюсь из-за той чуши, что несет муж. Понимаю, он разыгрывает какой-то ход. Свою партию.

Глеб и Саша — одно лицо, у них один цвет глаз. Если бы Шилов узнал такое, он бы высказал мне всё!

Хмурюсь и недовольно смотрю на мужа. Мне уже становится страшно рядом с ним.

— Зачем Глебу сдавать тест ДНК? — спрашиваю тихо.

— Звоночек получил в виде намека, что чужого сына воспитывает!

— И кто ему этот самый звоночек прислал?

— Я...

— Зачем???

— Потому что уже знал правду, — муж протягивает мне телефон, в котором я вижу фото такого же документа — Результата анализа ДНК. Только исходные данные немного другие...

«Ребенок Александр Глебович Шилов

Предполагаемый ОТЕЦ Андрей Андреевич Уваров

Пробегаю глазами непонятные мне цифры в столбиках и замираю на итоге: 99,9997%

Предполагаемый отец не исключается как биологический отец тестируемого ребенка.

Исходя из результатов исследования, полученных путем анализа перечисленных локусов ДНК, вероятность отцовства составляет 99,9997 %».

— Что? Я не понимаю? Зачем ты подделал так много документов?

Андрей приближается ко мне, хватая меня за плечи, отдирая от постели, поднимает на ноги и долго трясет, глядя в глаза.

— Ты ушла к Глебу с моим сыном! Ты — предательница. Изменщица. А еще воровка чужих детей!

— Утверждаешь, что тесты настоящие? И ты и Глеб два с половиной года знали страшную правду? И только я как дура жила в полном неведении?

Истерика накрывает с головой.

Что получается?

Я лгунья. Я предательница. Я обманула собственного ребенка.

— Два года назад ты узнал о сыне, тогда и начал гнобить фирму Глеба?

— Нет. Я выждал полгода, дал ему время, чтобы он отказался от моего сына. А он не сделал этого! Тогда я начал мстить. Просто хотел, чтобы он не знал покоя также как я!

— Меня тошнит.

— Меня тоже. Я намерен утром сказать Саше, что я его отец. Не могу больше так жить!

— Нет. Не позволю разрушать его веру в отца.

— Какая ты! Иногда так сильно ненавижу тебя, что хочу отнять всё и выкинуть с голой жопой куда-нибудь на обочину жизни. А иногда смотрю и понимаю, что не смогу без тебя. Потому что люблю, гадину. А ты его любила, не меня. — В глазах мужа блестят слезы.

— Глеб вел себя в последнее время со мной как свинья, а за два дня до ухода оставил Сашку одного, уехал к дочери. Боже мой! А я еще винила его в том, что он любил дочь больше, чем нашего сыночка, — шмыгаю носом.

— Ты отняла у меня право на отцовство и сейчас не позволяешь сказать сыну правду.

— Клянусь, я не знала! — захлебываюсь в слезах.

Сползаю на пол, встаю на колени, молю Уварова простить меня, только не говорить сейчас Саше ничего. Он не поймет, только травмируется и меня возненавидит.

— Послушай, ты должна вернуть долг, — Андрей садится рядом со мной на пол на колени.

Киваю поспешно.

— Роди мне моего сына.

— Ты отберешь его у меня?

— Нет. Я только хочу почувствовать всё то, чего у меня не было с Саней. Пеленки, подгузники, кормления, ночные бдения, первые зубки, первые шажки, первое слова «папа», адресованное мне и пойманное мною на лету.

— Не отберешь сына? — глотаю соленые слезы.

— Нет. Я же хотел Сашку отобрать у тебя, но, когда увидел как вы любите друг друга понял, что не вправе разрушать ваш мир.

С опухшими от слез глазами, мокрыми от слез пальцами снимаю с себя топик.

Уваров удивленно глядит на меня.

— Ты чего?

— Сыночка делать будем?

— Нет. Оденься. У меня есть женщина для секса, любовь мне твоя не нужна, — отворачивается, смотрит в окно. — ЭКО сделаешь.

Всхлипывая, поднимаюсь на ноги.

— Кто-то еще знает о твоём отцовстве?

— Все! Твоя мать, мои родители, Маринка. Думаешь, зачем она вчера прибежала сюда. Отец включил внука в завещание, она рвет и мечет.

Андрей поднимается вслед за мной. Приближается очень близко. Настолько, что я его чувствую. Пальцами смахивает слезы с моих щек.

— Не хочу, чтобы ты плакала, мне больно смотреть на это. Когда у меня будет свой сын, обещаю тебя и Сашу не беспокоить.

Андрей

Граната разрывается болезненно в груди. Даю обещание не трогать двух самых любимых людей, не беспокоить их своим присутствием, не докучать.

Как же я?

Как мои чувства?

Я же обманул, нет у меня никакой женщины.

Спустя две недели

Андрей

Я сидел на работе, в офисе банка, хмурый, как всегда в последнее время злой и уставший. Уставший от собственной семьи, и больше не желающий унижаться перед женой или перед родным сыном, который как чокнутый любит чужого дядю.

Больше нет сил разруливать внутрисемейную ситуацию, больше нет желания признаваться в любви и пытаться доказать, что ты и есть тот, кто им нужен.

Не хотят. Не надо.

Будем жить как соседи.

Скоро у меня появится собственный сын, перед которым мне не придется стоять на коленях, кланяться, выпрашивая любовь и уважение.

На карту прилетает отбивка от банка. Смс об оплате счета в кафе.

Жена не могла с утра найти свой кошелек и попросила у меня мою банковскую карту. И вот сейчас я узнаю о том, что они с сыном проводят весело время в кафе, отмечают Сашкино принятие в СКА.

Он талантливый парень и его взяли в детскую команду. Даже протекция деда не понадобилась. Мой сын прошел сам!

Гордость за ребенка переполняет меня. Такой мальчишка мог родиться только у двух любящих сердец. Почему теперь Аля настаивает на том, что ненавидит меня, не могу понять.

Можно предположить, откуда в ней проснулась такая ненависть! Я отнял у нее прошлое. Отнял веру, опустив на грешную землю. Она любила мужчину, думала, что подарила ему сына. А оказалась всего лишь воровкой, и подарила другому мужчине чужого сына.

Обидно. Достоинно ненависти.

Две недели Алевтина избегает меня, почти не разговаривает, не смотрит в глаза. Не ужинает за одним столом, а если ей не удастся ускользнуть от меня, то смотрит не в лицо, а в область шеи или по верх головы.

Во всё винит меня.

Спустя мгновение после получения эсэмэски раздается звонок мобильного.

Не хочу брать трубку. Я занят. Чертовски занят мыслями о своей жизни!

Телефон разрывается, и я нехотя беру трубку, даже не видя, кто звонит.

— Мы в нашем кафе, приезжай... — голос Али глохнет, и трубка отключается.

Через сорок минут подъезжаю к «нашему» кафе, где я делал Алевтине предложение. Дважды.

Припарковав на стоянке джип, иду в кафешку. Вхожу и сразу же вижу за «нашим» столиком Алевтину и сына с взъерошенной светло-русой головой. Мальчик сидит ко мне спиной, и я не понимаю, будет ли он мне рад или расстроится, как две недели назад.

На свой страх и риск иду к ним.

Мама с сыном дружно поедают мороженое и что-то обсуждают, весело смеются.

— Привет! — окликаю я, подхожу вплотную.

Аля вскидывает на меня серые глаза, наполненные бесконечной материнской радостью, и мило щебечет:

— Мы празднуем маленькую победу Саши.

Перевожу тревожный взгляд на сына и нервно сглатываю, ожидая от него грубых слов, типа: — Ты что здесь делаешь, дядя Андрей?!

Вместо этого мой мальчик смотрит на меня скептически, улыбается и говорит:

— Спасибо, дядя Андрей. Это всё твоя волшебная клюшка!

— На здоровье! — машинально протягиваю сыну руку, и он ее легонько жмет.

— Можем отойти на секунду? — осторожно касаюсь руки жены. Кивает и поднимается с места, идет к окну.

— Это ты меня позвала или он? — спрашиваю с вызовом.

— А к кому бы ты пришел? — отвечает вопросом на вопрос.

— Я пришел бы к своей любимой девушке и своему сыну, — отвечаю я, и беру жену за руку. Нежно сжимаю ее теплую тонкую ладонь в своей руке.

И замечаю, что Алевтина надела обручальное кольцо на безымянный палец. Впервые с момента свадьбы.

Золотой круг дарит мне надежду. Но уже в следующее мгновение Аля бьет меня словами, режет на живую. Высвобождая руку, дергается всем телом и жестко обрезает мне крылья:

— Я делаю это ради сына. Он должен видеть, что я уважаю тебя, впускаю в свою жизнь. Тогда и он последует моему примеру. Но я не готова стать твоей. Прости.

Ее слова будто острым скальпелем режут мою веру.

— Я люблю тебя, — горячо и отчаянно шепчу я. — Не могу забыть. Мне мало быть его отцом, я хочу стать тебе настоящим мужем.

Чтобы доказать свои намерения, я приблизился к ладной фигурке жены и обнял ее, заключив в обруч своих крепких рук.

Алевтина вдохнула мой запах, замерла и заплакала:

— Наши отношения с тобой — это предательство!

Я наклонился над ее лицом и поцеловал ее в лоб.

Она больше не сопротивлялась, не шевелилась...

Спустя неделю

Алевтина

Андрей думает, что я сплю, поэтому склонился надо мной очень низко. Так низко, что я почувствовала его дыхание, аромат парфюма, запах шампуня от волос.

Весь черный мир, окружающий меня все эти долгие беспросветные месяцы разбился, и разлетелся на кусочки.

Теперь были только я и Уваров.

— Алечка, я давно простил тебя, — шепчет мне муж на ушко, откидывая пряди моих мокрых волос (перед тем как лечь, я приняла теплый успокаивающий душ). Понимаю, что Андрей намеревается поцеловать меня в шею.

Уваров нависает надо мной, и я принимаю решение — подать голос, сообщить ему, что не сплю, или принять его приход как должное.

Скинуть его руки, оттолкнуть мужа от себя или позволить себе любить???

Вопросы бьются отбойными молоточками в моем мозгу, и я никак не могу принять решение.

Вместо меня решение принимает супруг — он в последний раз вдыхает мой запах, гладит меня по лицу и уходит...

Сегодня воскресенье и я собираюсь провести весь день с сыном, обещала ему. Встаю позднее обычного и удивляюсь — в голове ни одной грызущей меня мысли. Наоборот, на душе радостно. Принимаю душ, надеваю горчичное платье, которое так и не надела для мужа. Для Глеба. Просто не успела.

Улыбаясь, иду к сыну в комнату, и обнаруживаю, что моей постреленок встал сегодня раньше обычного.

Спускаюсь на первый этаж и обнаруживаю, что он весь пропитался запахом жаренного.

— Боже! Почему не включили вытяжку? — быстрыми шажочками направляюсь на кухню.

И удивленно замираю на пороге, увидев, идиллию, которую невозможно было даже представить себе.

Муж в трико и фартуке, в белой футболке. Сын — в светлом льняном брючном костюмчике пекут оладушки! Весело смеются, обсуждают последнюю игру Сани.

Сашка весь перепачкался в масле, наставив жирные пятна пальцами на светлую одежду, а щеки сына в варенье и муке.

— Санечка, ты бы переоделся, — подхожу к сыну и пытаюсь вытереть его лицо салфеткой.

— Я бы тоже не отказался, — Андрей поворачивается ко мне и нагло улыбается.

Думала, что зла на него за своевольный ночной приход, но в этой уютной домашней обстановке, которую создал муж, у меня даже ума не хватает сердиться на него. В душе я рада и благодарна. Сашка так быстрее привыкнет к биологическому отцу (тест ДНК подтвердился). Быстрее забудет о своем горе.

Кажется, сын действительно быстрее забудет обо всем и начнет радоваться жизни. Так уж устроена детская психика. Спасибо небесам за данный чудесный подарок.

Это я никак не могу себя отпустить и начать нормально радоваться жизни. Считаю это

кошунственным, ведь Глеба больше нет. И у меня складывается ощущение, что я не имею права.

Как назло, в этот момент Уваров будто случайно касается моей руки. И делает это с улыбкой. Прикосновение настолько обжигающее, что мой черный мир, созданный для страдания, снова рассыпается на осколки.

Внутри меня всё сжимается в пружину.

«Я не должна допускать радость и счастье в сердце. Это предательство по отношению к Глебу!» — твержу себе.

Но под натиском волн любви, исходящих от Андрея, я продавливаюсь. Цунами сносит все преграды на своём пути и мощная мужская энергетика супруга продавливает мое желание бежать от него и себя. Сопротивляться новому настоящему.

Андрей продолжает улыбаться и прожигать меня взглядом.

— Ты красивая! Впервые в платье, — наконец замечает он. И бросает взгляд на туфельки в тон в платью.

— Спасибо. Я даже нашла коробку с подходящими туфлями! — улыбаюсь в ответ.

— Присаживайся, я сам накрою на стол!

Тут же в голове промелькнуло, что супруг такой обходительный неспроста, хочет чего-то добиться от меня. И вместо мысли убраться подальше, меня поглощает желание, потакать супругу, принимая активное участие в игре под названием «счастливая семейная жизнь».

— Отлично, — отвечаю с наигранной радостью, и иду к столу, где сын уже давно занял свое место и играет в хоккей на планшете.

Сижу, наблюдаю за Андрюшей, как он заправски переворачивает оладушки на одной сковороде и сырники на другой.

Боже! Он помнит, что я люблю сырники со сгущенкой!

Дрожь рассыпается по всему моему телу. Я готова взорваться, понимаю, что сдалась. Представляю дерзкие касания мужчины и меня накрывает с головой.

— Куда мы сегодня отправимся? — слышу хриловатый голос Уварова.

— Мы? — выдыхаю удивленно.

— Сегодня выходной, Алевтина. Я свободен и хочу провести время с семьей!

Как воровка поглядываю в сторону сына.

Неужели Уваров не понимает, что такие вещи надо обговаривать заранее, а не ставить мальчика перед фактом. Саша — не игрушка! Он живой ребенок с подвижной психикой. Так нельзя!

Но Уварову плевать! Он решил стать отцом. Всё. Баста. Точка.

— Сынок, ты слышишь, о чем мы говорим?

— Да, мам. Я пригласил с нами дядю Андрея. Ты против? — вскидывает на меня ярко-голубые глаза. — Мы хотели на картинге на машинках погонять, но, если ты захочешь, чтобы я как девчонка ходил с тобой за руку и ел мороженое, так тому и быть.

— Почему я слышу в твоих словах отголоски слов Лизы?

— Потому что сестра так говорит, а я с ней согласен! — сын снова погружается в игру.

А я беру сырник, макаю его в сгущенку и нервно поглощаю.

Эгоисты. Все.

Андрей приближается ко мне так стремительно, что не сразу понимаю, что происходит, не сразу даю ответную реакцию. Он проводит пальцами по моим сладким губам, перепачканным сгущенкой, затем приближает пальцы к своим губам и облизывает их.

— Вкусно! — дерзко смотрит мне в глаза.

— Фу! — бубнит себе под нос сын. — Для этого есть салфетки! — и снова погружается в игру.

А у меня появляется непреодолимое желание погрузиться в мир мужа и понять его нового. Такого, каким он стал благодаря прошлому. Такого, каким его сделало предательство моего отца восемь лет назад.

Андрей

Жена меня злила своей дерзостью и безразличием ко мне. Могла выйти к столу в домашних шортах и топе, в халате на голове тело. Ей было плевать на дресс-код, с которым ее ознакомил еще отец. Сколько помню себя, когда приходил в гости к невесте, она всегда встречала меня в красивом платье.

Ревность точила меня. Она одевалась красиво для Шилова, и демонстративно ходила в чем попало при мне, выказывая свое пренебрежение.

Я уже смирился с этим. И с тем, что сыну безразлично, что я есть, поэтому сегодняшнее утро разорвало мой мир на две неравные части. И кажется, лучшая из них впереди.

Утром в дверь моей комнаты постучал сын, и позвал меня гулять в город.

— Дядя Андрей, поедете с нами?

Конечно! Кричал я мысленно. Вслух же старался держаться как подобает хозяину дома.

— Да, Александр. Спустишь вниз через пятнадцать минут. — Уже собирался закрыть дверь, когда заметил, что сынок растерялся, отошел к перилам и уткнулся между прутьями лбом.

Так, кажется, я перегнул палку, выставив между нами дистанцию.

Конечно, я сделал это для того, чтобы обезопасить себя. Вдруг сейчас сыну плохо, он зовет меня. Я бегу к нему как щенок, нуждающийся в любви, а он возьмет и оттолкнет.

Уже боюсь этой непроходящей душевной боли заранее.

— Саш!

Мальчика разворачивается и жадно ловит взглядом мои движения и слова.

— Ты уже завтракал?

— Нет, мама спит, я один не хочу идти на кухню.

— Почему?

— Валерия Ильинична всё равно не приготовит то, что хочу я! У нее там каша и запеканка. Я уже знаю!

— Ты спускайся, я сейчас приду, и мы с тобой приготовим вместе завтрак твоей мечты.

Сын смотрит на меня, как на восьмое чудо света.

— Я умею. Не отравлю тебя! — хохочу наигранно.

Спустя пятнадцать минут появляюсь на кухне — столовой и гоню оттуда повариху Ильиничну:

— Иди, поплавай в бассейне, что ли!

С радостью уходит, виляя пухленькими бедрами. Оставляет нас с сыном наедине с продуктами и сковородками, которые предварительно приготовила для нас.

— Сырники для мамы и оладушки для тебя? Верно?

Кивает. И я не выдерживаю протягиваю руку, чтобы потрепать Саню по голове. Вовремя вспоминаю, что он неприкасаемый, замираю с поднятой в воздухе рукой.

— Вы хотели потрепать мои волосы. Как это делают все взрослые, думая, что я маленький?

— Нет, хотел похлопать тебя по спине...

— Валяйте!

Слегонца хлопаю сына по спине. Мой малыш улыбается мне впервые широкой улыбкой.

Хочу всё бросить, обнять его, сказать, что Я его папа. Поплакать у него на плече. Но понимаю, что нельзя.

Долбаный запрет Альки.

Усмехаюсь, вспоминая, что сегодня ночью «приставал» к ней, нарушив все мыслимые и немыслимые запреты.

Играл с прядями ее волос, пальцами касался подбородка и даже украдкой скинул одеяло с груди. Очертил жадным взглядом любимый силуэт. Главное, наслаждался выражением ее чувственного лица.

Кожей ощущал, что она спит и испытывает при этом какие-то эмоции. Женские. Настоящие. От нее прямо импульсы исходили, которые откровенно заводили меня.

А потом я вспомнил о соглашении не трогать ее, которое сам же установил.

Кровь застучала громко в ушах в такт гулко бьющемуся сердцу. И внутри, там, где сердце и душа, меня обожгло так, будто там адский огонь полыхнул.

Ревность. Снова эта чертова ревность, превращающая меня в параноика и отравляющая всё моё существование.

Как можно ревновать к прошлому, которого больше нет и не будет!

Можно! Ещё как можно!

Когда борешься за каждый вздох бывшей, за каждое ласковое слово и нежный взгляд в твою сторону.

После того, как я открыл Але правду о сыне она смотрит на меня... как на отца Сашки. Если до этого видела во мне человека, партнера, мужа, то теперь я стал для нее Сашкиным биологическим отцом. Не больше...

А мне этого мало!!!

Я хочу. Нет, требую у Небес, чтобы жена видела во мне мужчину! Любимого. Желанного.

Разве я не заслужил? Хотя бы тем, что не лез в ее жизнь, не ломал семью, зная, что они украли у меня ребенка!

Я терпел и нес обиду и боль в себе.

Алевтина даже не флиртует со мной, не улыбается лишней раз, чтобы я неправильно ее не понял. Не обращается ко мне с личными вопросами, только с рабочими.

Ведет себя так, будто я чужой человек. А ведь я для нее больше, чем Шилов. И знаю ее дольше, чем он знал.

Эта ее наигранная холодность бесит до зубного скрежета.

Глядя в ее глаза я каждый раз вижу в них отражение ее первого мужа. Он ушел безвозвратно, а частица его осталась с ней. Навсегда?!

Ещё вчера я думал, что скоро слечу с катушек, если отношения в семье останутся прежними. Предложу развестись, так и не дождавшись «нового» сына. А сегодня небеса услышали мои молитвы, сжалились надо мной, прислав ко мне Сашку!

Поверить не могу!!!

Готов сплясать и спеть на радостях, но не буду пугать ребенка. Просто приготовлю вкусный и незабываемый завтрак. Сам. Своими руками.

— Мальчики, вы уже встали? Что у вас на завтрак? — слышу женский веселый голос. Почти такой же, каким я его запомнил и пронес через всю жизнь.

Оборачиваюсь и едва не роняю лопатку из рук.

Передо мной та самая Алевтина из прошлого.

Красивое платье, туфельки на ногах. Серые глаза теплые и блестят. А губы такие сочные, что хочется поцеловать.

Считаю до трех и загадываю небесам еще одно желание.

Если сбылись два, то сбудутся и еще два!

После завтрака отправляемся в город, где весело проводим время. Домой возвращаемся уставшие, в сумерках.

Спустя неделю

Андрей

Я вернулся с работы в прекрасном расположении духа. Несмотря на то, что отношения с Алевтиной и сыном налаживались вопреки всему, я хотел большего.

Мне было мало всего — мало Альки, мало сына. Мало любви.

Меня всего переполняло эмоциями, когда я находился с ними рядом и я хотел делиться. Но не знал, как это сделать так, чтобы снова не испугать домочадцев. Одного раза мне хватило, когда меня ударили по рукам, и отбили желание что либо делать.

Сейчас на горизонте была тишь да гладь, я мог рискнуть снова.

Для начала мне хотелось начать знакомство с сыном и его окружением. Например, с ребятами из команды и из школы. Надо будет предложить сын собрать всех у нас или свозить в парк развлечений всю эту банду.

Очень хочется сделать всё по-быстрому, но боюсь наломать дров, поэтому буду терпеливым зайчиком, как скажет моя бывшая жена.

Хотя отец всё время бурчит:

— Ты мужик! Ударь кулаком по столу, заяви свои права на них. Они твоя семья и обязаны слушаться тебя. А эта взбалмошная особа Алька виновата перед тобой, поэтому должна слушаться в два раза большею

Последнее слово в моем доме всегда должно оставаться за мной? Очень смешно и нелепо.

Когда я брожу по дому призраком, тенью за любимой женой. По-щенячьи заглядываю в ее серые глаза в надежде, что сегодня она меня пригреет, приласкает.

Вечно борюсь с желанием стиснуть ее хрупкую фигурку в своих руках и затискать.

Встряхиваю головой, сбрасываю с себя наваждение.

Досада внутри меня растет, и я снова борюсь с желанием подняться в комнату жены.

Такое ощущение, что еще немного и меня переклинит.

С чего Алевтина решила, что будет мне указывать, игнорировать меня. Может, отец прав и пора заявить свои права на нее.

Она запретила мне претендовать на сына, но не на нее!

Значит, сейчас и здесь всё решаю я. И будет так, как должно быть. Так, как мне нужно. Мы уже жили по ее сценарию. Хватит. Баста.

Мне сейчас нужен наследник.

Спрашивать жену, хочет ли она еще одного ребенка, нет смысла. Она настоящая женщина, любящая мать и еще один малыш будет ей только на счастье.

Чтобы успокоить нервы я отправился в тренажерный зал, который раскинулся на первом этаже дома. Нужно снять это чертово напряжение.

После часовой тренировки принял ледяной освежающий душ и бодрый потопал к себе в комнату переодеться. К положенному времени спустился вниз к ужину. И обнаружил, что меня ждет только повариха Ильинична.

Приветливо улыбаясь, женщина предложила мне сесть:

— Я мигом стол накрою, — торопливо произнесла она и засуетилась.

— Мои где? — хмуро спросил я. Женщина вскинула на меня удивленные глаза, —

Алевтина с сыном на родительском собрании в школе, разве вы не в курсе? — поясняет мне, и улыбка медленно стекает с ее лица по мере того, как она видит мое побледневшее лицо

— На родительском собрании, — проговариваю вслух. И меня снова топит обида и злость.

Вроде отношения начали налаживаться, почему жена не сказала?!

К черту все! Надоело! Чертыхаюсь про себя.

Как же надоело, что мною пренебрегают. Сегодня же пойду к Алевтине и объясню, что так дальше не пойдет!

Но ночью я никуда не пошел, зато утром спустился к завтраку хмурый и злой.

Алевтина

— Доброе утро! — встречаю мужа с радостной улыбкой, но он не смотрит на меня, только на сына.

— Доброе утро, Саша! — здоровается с нашим мальчиком, полностью игнорируя меня.

— Доброе утро, дядя Андрей! — Сашка улыбается широко отцу.

Завтракаем молча. В какой-то момент муж бросает сухо: — Как вчера прошло?

— Не очень, — опускаю глаза.

— Что не очень? — едва скрывает удивление в голосе.

— Саша подрался с одноклассником, потому что тот сказал гадость о его папе.

— Какую?

— Он назвал моего папу вором! — громко закричал сын, защищая честь отца.

— Это из-за той старой истории с кинутыми дольщиками в Мытищах?

— Да, — отвечаю тихо. Так, будто в этом есть и доля моей вины.

— Некрасивая история получилась!

— Вы тоже считаете, что мой папа вор? — вскидывается сынок и его глаза горят недобрый взглядом.

— Нет, я так не считаю. Просто там вышла некрасивая ситуация и люди не смогли вовремя въехать в собственные квартиры. Некоторые с маленькими детьми ютились где придется долгое время, — жестко отвечает муж. И я гляжу на него удивленно. Он не пытается больше заигрывать с Сашей, разговаривает с ним как с равным. Давит на понимание.

Это что-то новенькое.

— Почему люди не смогли жить в новом доме? — неожиданно спрашивает сынок.

— Потому что заказчик пересилил деньги не тому исполнителю, не проверил.

Гляжу на мужа и вижу, что он явно что-то задумал, ведет абсолютно другую игру. Ощущаю это кожей.

Внутри меня всё клокочет от злости.

Вижу, что муж перестал притворяться, изображать из себя добренького дядю.

Виню себя за опрометчивый шаг, за то, что ввязалась в эту авантюру с фиктивным браком.

Что же теперь будет. Может, Андрей сказала насчет нового наследника сгоряча. Просто злили меня, выводил из себя.

От такого потрясения можно и с катушек слететь.

Возникает стойкое ощущение, что угодила в капкан. Представляю, как муж скользит по мне равнодушным взглядом, молчит, ведет свою игру, выдвигает различные требования, и

у меня мурашки бегут по спинет.

Вспоминаю, как Уваров касался меня ненароком, хватал то за плечи, то за талию, то за локоть.

Огнем горят все места прикосновений.

— Ну всё. Нам пора. Я завезу сына в школу и поеду на работу. А ты? — спрашиваю у мужа холодным тоном.

— А я утром дома поработаю, поеду чуть позже, — отвечает также холодно муж, не желая вдаваться в детали своей жизни. — Кстати, бросает взгляд на сына. — Саша, я хотел предложить тебе кое-что, вечером поговорим?

Сын кивает, и я впервые вижу в его детских глазах доверие.

Спустя двадцать минут садимся в машину, едем в школу.

— Милый, пожалуйста, больше ни с кем не дерись. Если тебе что-то сказали плохое, знай, не всегда это правда. Люди сейчас злые и готовы ущипнуть соседа за просто так. Лучше мне говори, что что-то пошло не так, ладно?

— Ладно. А можно я дяде Андрею буду говорить?

— Что? — удивленно гляжу на ребенка. Даже боюсь радоваться таким переменам, вдруг это всего лишь капризы.

— Я — мужчина, он — мужчина. И я хочу обсуждать проблемы с ним. Он умный, всё умеет объяснять.

— Хорошо.

— Я хочу, чтобы дядя Андрей пришел ко мне на следующее собрание!

— Да, — отвечаю дрожащим голосом. Одновременно радуюсь и грущу. Мой мальчик вырос. Изменился. Хочет отодвинуть меня от себя?

Если так пойдут дела дальше, то скоро Андрей заменит меня.

— А у дяди Андрея есть сын? — неожиданно Саша задает такой странный вопрос, что я лишаюсь голоса.

— Ты его сын. Он же женился на мне, и усыновил тебя.

— Нет! Настоящий сын?

Вздрагиваю. Как ответить своему ребенку, чтобы он понял. Похоже, никак. Остается только врать.

— Мой папа на небе, и он любит меня, помнит обо мне, — говорит, чуть не плача сынок. Рассуждает как взрослый. — А дядя Андрей кого любит, почему всё время с нами? Он не скучает по своим детям.

— Малыш, у Андрея пока нет своих детей...

— Почему? Он же уже старый.

— Он не старый по взрослым меркам. Ему всего двадцать семь!

— Получается дядя Андрей может стать моим папой?

— Почему? — вцепляюсь взглядом в серьезное лицо ребенка.

— Если у него нет никого, он может любить меня. Играть со мной. Я не против.

— Как же твой папа? Тот что на небе?

— Мапочка, он далеко! А я хочу папу здесь! В классе у всех есть папы, кроме меня. У всех настоящие, а у меня на небе. Так нечестно! — сын смотрит на меня обиженно

А я не знаю, что ему ответить.

— Мама, а дядя Андрей меня любит или только тебя? А меня терпит потому что я твой сын? — вдруг спрашивает сынишка и по его щеке течет слезинка.

— Милый, у Андрея большое сердце и его хватает на нас двоих. Он любит нас по-настоящему.

— Значит, я могу называть его папой Андреем? Ты разрешаешь? — на меня смотрят ярко-голубые наивные детские глаза.

Горячие слезы радости текут по моему лицу.

— Можешь, — выдаю тихо.

Успокоенный нашим разговором сынок смотрит на школу, к которой мы подъезжаем.

Провожая Сашу до ворот и возвращаюсь в машину. Долго борюсь с желанием, написать мужу, но не решаюсь.

Вечером расскажу.

Спустя девять месяцев

Алевтина

— Ваш муж записался на роды, почему его до сих пор нет?

— Не знаю, — отвечаю испуганно.

Медсестры о чем-то шепчутся, заставляя меня нервничать еще больше. Сглатываю обиду и неуверенность.

— Очередной мужик испугался, сбежал! — перешептываются женщины.

— Нет, мой не мог! Андрей не такой!

— Да все они такие! Поверьте, мамочка!

Схватки нарастают, и разрывающая боль становится сильнее, забываю о женщинах и окунаюсь в боль.

Вот она очередная схватка. Осталось чуть-чуть, и все мучения последних дней останутся за плечами.

Притихла, набираюсь сил для последующих схваток. С нетерпением жду появления моих малышек на свет, не понятно только почему Андрея не волнует данный факт!

Как на зло, роды такие долгие и тяжелые. А я очень сильно устала от схваток. Может, муж был прав, надо было не рисковать, идти на операцию кесарево сечение.

Чего испугалась, ума не приложу?

Шрама? Андрей меня любит любой!

Послеоперационного периода? Вряд ли. У меня есть мама, она всегда придет на помощь.

Роды такие тяжелые, а дочка и сын никак не хотят появляться на свет. Не припомню, чтобы я так мучилась с первенцем. Сашка он покладистый мальчик, и родился легко, не мучая любимую мамочку.

А эти сорванцы уже трепят мне нервы!

Прошло более десяти часов, а Мира и Марк никак не выходят, всё выясняют что-то между собой, кому первому родиться, чтобы управлять этим миром.

Они еще не знают, что они будут управлять нами. Мною, папой и старшим братом, который ждет их появления на свет как манны небесной. Он счастлив, что у него появятся сестренка и братишка. Сашка вместе с нами выбирал имена новорожденным.

— Я больше не могу! — вскрикиваю. — Сделайте мне кесарево сечение, — умоляю фельдшера, стоящего возле меня в задумчивости.

— Милая, не стоит. Уже почти... а делать кесарево сейчас, потеряешь много крови. Не надо.

— Вы рискуете моими детьми! Где мой муж?

— Ваш муж звонил, там у них небольшое происшествие, он подъедет чуть позже, — фельдшер прячет от меня глаза.

— Вы что-то скрываете! Что с моим мужем?

— С ним всё в порядке! Ваш сын...

— Боже! — кричу. Страх, ужас, боль одновременно вцепляются мне в горло и в сердце.

— Тужьтесь, началось!

— Что с Сашей?! Мне нужно к нему пустите...

— Тужьтесь. Так. Дышите.

— Са-ша! Са-ша...

— Он сломал руку на тренировке. Ваш муж сейчас с ним. Всё будет хорошо, мамочка.

— Мне надо к ним! — тужусь. Едва вспоминаю как правильно дышать. Снова кричу.

— Уааа! Уааа! — заливается громким криком новорожденный сынок. Марк.

Приподнимаюсь на локтях, вглядываюсь в его личиком. Но из-за слез, пота и спин медиков ни черта не могу разобрать.

— Марк! Мой малыш здоров?

— Да, мамочка. Успокойтесь.

— Где дочка? Где она? Мне надо бежать к Сашеньке!

Внутри меня всё сжимается от страха и боли. Почему Мирочка не выходит? Что с ней?

— Она дышит? Сердечко бьется? Я ничего не чувствую! Где схватки?

Слезы льются рекой.

Я не переживу, если с моими кровинушками что-нибудь случится!

— Роженица, прекращайте истерить! У нас уже голова от вас раскалывается!

И в этот момент боли от схватки сжимают мое горло обручем.

— Ну вот и второй малыш на подходе! — замечает вслух акушер.

Медсестра берет мою руку в свою теплую и приказывает тужиться и правильно дышать.

Ощущение такое, будто все мышцы тела сокращаются одновременно. Крики становятся громче и ярче.

Но на этот раз все происходит намного легче и быстрее. На свет появляется долгожданная доченька Мирослава.

Ошарашенно подмечаю, что малышка молчит.

— Господи! Доктор! Почему она не кричит? — жадно вглядываюсь как над моим ребенком проводят манипуляции — чистят ему ротик, шлепают по попке, чтобы легкие расправились.

— Уааа! — тихо запищала малышка.

— Уааа! — голосок прорезался и стал громче. Как сирена.

— Принимайте пополнение, мамочка! — мне на грудь кладут моих двойняшек.

— Чудо! — млею. — Они такие мимишные. Сладкие мамины булочки, — не могу подобрать нужных эпитетов, чтобы выразить всю свою любовь и нежность к ним.

Жадно разглядываю детей.

Как же долго я ждала встречи с крошками.

Улыбаюсь нежно и пересчитываю пальчики на ручках и ножках. Всё на месте. Целую детишек в лобики.

Детишки открывают глазки — голубые.

Глажу двойняшек по махоньким головкам со светлым пушком.

Я плачу от радости и от страха за первенца, Мира и Марк улавливают мое настроение и кричат мне в такт.

Наконец детей уносят, а меня оставляют в прохладе под наблюдением сестры.

— Оба последа вышли. Полежите еще немного, как только кровь остановится, вас вернут в палату и принесут вам детей.

— Нет! Дайте мой телефон, я должна немедленно позвонить мужу.

Телефон не дают, и я схожу с ума в ожидании пока меня вывезут из операционной.

Как только меня привозят в палату, хватаю мобильный, набираю супруга.

— Как он?

— Милая, с ним всё в порядке. Сашка у нас боец. Спасибо тебе за прекрасных малышей. Твой акушер уже скинул мне видео. Прости, что не смог приехать.

— Ничего, главное ты был с сыном рядом, когда с ним случилось это.

— Милая, тут еще кое-что случилось...

— Что?.. — сердце замирает.

— Я был такой нервный и испуганный, и замотанный, что не контролировал себя, и сказал нашему мальчику, что я его настоящий отец.

— Что???

— Что я уезжал в командировку, поэтому не мог быть с ним рядом. И попросил своего друга Глеба, чтобы он любил его.

— Саша был в сознании, не в шоке, когда ты это говорил?

— Да. Он стойкий боец и принял боль и правду нормально. Знаешь, он сказал, что рад, что у него есть я. А у меня такой хороший друг как Глеб. И он тоже хочет, чтобы у него был такой добрый друг.

— Боже! — слезы снова текут по лицу.

— Ты приедешь ко мне?

— Прости, малыш. Но Саша просил, чтобы я был рядом с ним и никуда не уходил. Он хочет быть уверен, что я не уеду ни в какую командировку.

— Андрей, я люблю тебя! — говорю эти слова впервые за все время нашего непростого брака.

— Аленькая, я тоже тебя люблю!

— Саша как проснется, наберите меня!

— Хорошо, милая.

Спустя семь лет

Алевтина

Долгие двадцать минут выглядываю своих детей у школы. Взгляд жадно залипает на каждом малыше — семилетке.

Ни зеленой куртки Марка, ни сиреневой куртки Миры.

Решительно врываюсь в школу, показываю документ. Охранник нехотя пропускает меня, и я бегу по притихшему школьному коридору, в котором находятся классы для начальных классов.

Сердце готово выпрыгнуть из груди, потому что представить не могу, что случилось с моим пострелятами.

Старшему сыну Александру пятнадцать, и обычно он присматривает за младшими, но сегодня у него особое поручение, поэтому он не пошел в школу, а поехал в аэропорт встречать важную гостью с юга.

— Маленькие бандиты! — взрываюсь я, когда вижу, как из-за угла коридора появляются две светло-русые головки.

Сердце замирает, кровь несется по венам, и я жадно разглядываю двойняшек.

— Мира! Марк! Разве так можно? Кто из дома, мыши в пляс!

— стараюсь говорить мягко без истеричных нот, но голос предательски срывается. Хочу отругать малышей, как следует, они опережают меня.

— Мамочка! — глядят на меня жалостливо огромными голубыми глазами своего отца и давят на жалость и понимание.

Перевожу дыхание, считаю до десяти, осматриваю внимательно светлую головку дочери с заплетенными аккуратно косами и русые вихры сыночка. Не выдерживаю, достаю расческу, расчесываю сыночка. Поправляю на голове дочери заколки с яркими стразами.

Вожусь с детьми и успокаиваюсь.

— Мамуль, не сердись, мы решили пока брата нет, можем поиграть в подвале в шахматы. У нас классный дядя Ваня — слесарь, он учит нас играть в шахматы.

— С вами папа дома играет!

— Ну да! Но чтобы его обыгрывать приходится брать уроки, — деловито сообщает дочь.

— Понятно! — веду своих в классную комнату. — Забирайте рюкзаки и в гардероб. Быстро. У нас гости дома! Праздник сегодня большой намечается.

— Гости? — глаза дочки вспыхивают радостью.

— А подарки будут? — интересуется сынок.

— Дело в том, что сегодня необычный праздник. Мы дарим гостю подарки.

— А у нас нет! — дочка смотрит на меня с печалью.

— Всё уже куплено давно. Вам надо будет только подарить.

Чувствую себя безумно виноватой. Мои двойняшки остались не в курсе сегодняшнего странного праздника.

Дети доверчиво жмутся ко мне, гладят на меня с любовью. Хлопают пушистыми светлыми ресничками.

— Папа знает про праздник? — спрашивает сынуля, пока идем к машине.

— Конечно, дорогой. Он вместе с Сашей встречает нашу гостью.

Садимся в машину, едем домой.

Мне тридцать пять лет, я многое в жизни повидала. Но сегодня мандражирую как неопытная зеленая девчонка. Сердце отбивает чечетку с самого утра.

Спустя пятнадцать минут выходим на парковке у своего дома, и я моментально фотографирую авто моего мужа.

Боже! Она уже здесь!

От предвкушения встречи в глазах набухают слезы.

Эта девочка — последняя и единственная ниточка, связывающая меня с непростым прошлым.

Дочь берет меня за руку и бежит рядом со мной, припрыгивая как зайчик. Внезапно останавливается и удивленно смотрит на меня:

— Мамуля, ты не заболела. У тебя пальчики трясутся.

— Прости, малыш, — отпускаю руку дочери, чтобы не пугать ее.

Подхожу к дверям дома, и с удивлением обнаруживаю, что открыто. Толкаю дверь.

Считаю до трех и вхожу в дом.

— Добрый день, тетя Аля, а мы уже вас заждались, в холл выходит высокая девушка.

Стройная. Очень яркая и красивая.

С большими голубыми глазами как у ее отца.

Осветленные в блонд волосы, ложатся волнами на ее плечи.

— Мам! Ты пришла?! — слышу громогласный крик сына из столовой.

— Да! — кричу в ответ, а сама неотрывно гляжу на Лизу.

— Здравствуй, Елизавета, добро пожаловать в наш мир, — первая делаю два шага и открываю девушке объятия.

Она шмыгает, и я замечаю, что по ее щекам бегут слезы.

— Мама, это кто? — дергают меня двойняшки.

— Гостя, которую мы давно ждали. Идите-ка в столовую, брату и папе помогите!

Дети убегают, а я делаю еще два шага и оказываюсь лицом к лицу к той самой девочке, превратившейся во взрослую восемнадцатилетнюю красавицу.

— Обнимемся?

Кивает и обнимает меня осторожно за плечи.

Через мгновение её голова у меня на плече. Лиза тихо плачет. И я вместе с ней. Мы вспоминаем людей, которых любили и боготворили.

Лиза — единственная ниточка, связывающая меня с Глебом Шиловым. Дочь своего отца.

— Всё будет хорошо, — глажу ее по спине. — Саша сказал, что ты хочешь погостить у нас недельку, чтобы познакомиться с двойняшками.

— Да. Я хотела бы, если вы позволите. Вместе будем ездить на работу.

— Поживи, конечно. На работу не торопись выходить. Сначала в институте себя зарекомендуй, потом я введу тебя в курс дел компании. Что тебе интересно? В каком отделе хочешь начать карьеру?

— Мне обязательно начинать с низов? — удивленно смотрит на меня. — Я думала, если у меня акции, то я могу занять место начальницы.

Широко улыбаюсь.

— Ты такая же как твой отец!

— Это плохо?

— Нет, — отстраняюсь от девушки, задумчиво гляжу на нее.

Лиза напоминает мне Глеба, и у меня в груди разливается тепло. Ведь было же много всего хорошего. Шилов женился на мне по выгоде, бросил первую семью. Полюбил меня и чужого сына. Он вкалывал, чтобы сделать из строительной компании крупный холдинг.

Было много всего хорошего...

— Детка, я не та Алевтина, какой ты меня помнишь. Так что не испытывай. Это твой второй и последний шанс. Если хочешь чего-то добиться, будешь слушать меня во всем. Поняла?

— Поняла, — сжимает мою руку.

— Мама! Лиза! — из комнаты выходит мой сынок. Метр семьдесят пять, и это в пятнадцать лет. Широкая грудная клетка и мощные ноги. Самоуверенный взгляд небесно-голубых глаз. Чуть удлиненные светло-русые волосы.

— Он превратился в красавца! — смеется Лиза — Даже не верится. Скоро за ним девчонки будут табунами ходить.

— Уже отбиваемся! — из кухни появляется высокая фигура мужа.

— Не гоните! Подумаешь, пара фанаток ночевала у ворот дома! — сын краснеет.

— Праздничный ужин готов! — Андрей подходит ко мне и целует в щеку.

— Люблю тебя! — целую его в ответ. — Ты пока за главного, а мне надо душ принять.

— Хорошо милая!

Поднимаюсь к себе, сбрасываю одежду и иду в ванную.

Включаю воду в джакузи, и спустя пять мину уже лежу в теплой воде, наслаждаюсь бесконечным счастьем.

— Шилов, я верну тебе должок за сына. Помогу твоей дочке.

Прикрываю глаза и снова оказываюсь в своем прошлом. Только на этот раз оно светлое, без всяких интриг.

Я иду к импровизированному алтарю, что расположен у дома моего отца и вижу высокую фигуру жениха.

Шаг. Еще один шаг.

Андрюша оборачивается и улыбается мне с любовью.

И я отвечаю ему тем же.

Больше книг на сайте - Knigoed.net